

**ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА
КЕННАНА
В РОССИИ**

В Ы П У С К

24

Москва 2013

Научно-публицистическое издание
Выходит два раза в год

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Института Кеннана

Редакционная коллегия:

Алексей Барабашев, Юрий Батурин, Ольга Волкогонова, Игорь Клямкин, Иван Курилла, Борис Ланин, Андрей Макарычев, Эмиль Паин

Редактор: Екатерина Алексеева

Над номером работали: Павел Королев, Галина Левина, Кэтрин Мур

Верстка: Любовь Алексенко

Фото обложки: Валентин Белов, РОСФОТО

Адрес редакции:

119034, Москва, Хилков переулок, дом 2, строение 5
ООО «Содействие сотрудничеству Института им. Дж. Кеннана с учеными в
области социальных и гуманитарных наук»

Адрес для корреспонденции:
123001, Москва, а/я 90

Тел./факс: (495) 927-0275

Электронный адрес:
katya.kennan@gmail.com

ISSN 1998-5800

Мнения, высказанные в опубликованных материалах, могут не совпадать с точкой зрения редакции

При перепечатке материалов ссылка на «Вестник Института Кеннана в России» обязательна

Содержание

К читателю

5

Россия после выборов, Россия перед выбором

Политическая динамика и возможные сценарии развития России:
беседа Льва Гудкова и Эмиля Паина

7

Гражданское общество

Иван Курилла

Последний год российской науки, или Что делать ученым
и профессорам, которых бросило государство?

21

Ирина Дежина

Опыт развития «гражданского общества» в американской науке:
нужен ли он России?

25

Александр Оболонский

Право граждан на уличный протест и полиция: опыт США

40

Сергей Ефремов

Российский некоммерческий сектор: особый путь?

50

Интернет как политический фактор

Эмиль Паин

Российское идеологическое безвременье в зеркале Рунета

62

Андрей Мирошниченко

Интернет и эволюция медиаактивизма в России

74

Россия и Америка: к пониманию друг друга

«Моя задача – сохранить и приумножить великое наследие
Института Кеннана»

Интервью Екатерины Алексеевой с Мэтью Рожанским

85

Улица с двусторонним движением: информационно-аналитическая
система «Российско-американские исследования»

Интервью Галины Левиной с Викторией Журавлевой

90

Научная жизнь

Календарь событий весны – лета 2013 года 93

Елена Юшкова
Айседора Дункан: работа над проектом 96

Книги

Ольга Волкогонова
Одесская мечта 101

Борис Ланин
Актуальность культурсоциологии 106

Наталия Сидорова
От врача и консула до инокa Климента 113

Евгений Цымбал
Возвращение реальной истории 117

Вышли из печати 122

Summaries 124

Приглашаем авторов к сотрудничеству 127

Приглашая к сотрудничеству авторов и подбирая портфель статей для каждого номера, редакция «Вестника» всегда преследует одну и ту же цель. Мы пытаемся с помощью мозаики публикаций познакомить читателей с общественно-политической проблематикой, которая притягивает к себе научные интересы российских исследователей в настоящее время. На наш взгляд, дух этого времени хорошо передан в названии первой рубрики этого выпуска – «Россия после выборов, Россия перед выбором». Прошедшие в сентябре 2013 года региональные выборы, несомненно, отразили какие-то общественные перемены. Вместе с тем они указывают на то, что факторы инерции все еще являются преобладающими, поэтому выбор возможных направлений общественного развития России пока весьма ограничен. Беседа на эту тему социолога *Льва Гудкова* и политолога *Эмиля Паина* открывает номер. Исследователи анализируют состояние общества в период выборов и после них, опираясь на два разных источника информации: опросы общественного мнения и материалы российской блогосферы, но при этом приходят к некоторым общим выводам. По их мнению, в российском обществе все еще преобладают политически демобилизованные, конформистские слои, ориентированные на государственный патернализм. Эти социальные слои укрепляют устойчивость политического режима и блокируют возможность его реформирования. Вспыхивающие спонтанно протестные настроения легко сваливаются в пропасть этнических фобий, этнического национализма. Делая вывод о нарастании кризисных явлений в российском обществе, собеседники выделяют возможные тенденции политического развития страны. Одна из центральных

идей, возникших в ходе этого разговора, состоит в том, что в ближайшей перспективе основным идеологическим направлением в России может стать национализм. Но при этом многое будет зависеть от того, какая его разновидность – этническая или гражданская – станет доминирующей. Первая ускорит сползание России в архаику, вторая дает некоторые надежды на движение к прогрессу.

Пока же, как показано в статьях второй рубрики, слабость гражданских настроений и неразвитость форм гражданского участия лишь углубляют системный кризис. В последнее время он все отчетливее проявляется и в таких важнейших для выпускников Института Кеннана сферах, как наука и образование. По мнению председателя Товарищества выпускников Института *Ивана Куриллы*, радикальные государственные реформы в этих сферах, проводимые без какого-либо предварительного обсуждения в научно-образовательном сообществе, активизировали процессы выстраивания структур горизонтальной солидарности ученых и преподавателей. И это, безусловно, положительный момент. Однако, к сожалению, – и это подчеркивает в первом материале номера *Лев Гудков*, – российское население остается совершенно равнодушным к данной проблеме.

Тому, как устроено и воздействует на принятие решений органами власти «гражданское общество» в американской науке, посвящена статья известного специалиста в области организации научной деятельности *Ирины Дежиной*. Этот опыт, по мысли автора, представляет несомненный интерес для России, хотя понятно, что в современных политических условиях он может быть использован лишь в ограниченной степени.

К американскому опыту обращается и юрист *Александр Оболонский*, показывающий, как в США реализуется право граждан на протест. Автор рассматривает как законодательное регулирование массовых акций протеста, так и действия демонстрантов и полиции. На наш взгляд, рассказ о том, насколько сплоченно и оперативно американское общество реагирует на любые попытки ограничения гражданских прав и свобод, весьма поучителен.

Интересные данные Мониторинга состояния гражданского общества НИУ ВШЭ приводятся в статье *Сергея Ефремова*, посвященной особенностям развития некоммерческого сектора современной России. Мы видим, что здесь проявляется та же тенденция, что и в других сферах, – разобщенность, низкий уровень политического участия, зависимость от государства. Смещение в сторону оказания услуг, а не в сторону политического участия автор выделяет в качестве основной черты российской системы НКО, отличающей ее от третьего сектора развитых демократий. Является ли такая направленность российского некоммерческого сектора добровольно выбранной, или она обусловлена особенностями экономической и политической среды? Автор пытается разобраться в этом вопросе.

Третья рубрика объединила написанные в разных жанрах статьи, в которых анализируется роль Интернета как политического фактора. Взгляды авторов относительно этой роли во многом различаются. Журналист и теоретик медиа *Андрей Мирошниченко* является сторонником подхода, согласно которому распространение социальных сетей, в особенности в закрытых обществах, неминуемо приводит к росту политического активизма, к конфликту со старыми институтами, поскольку разрушает монополию трансляционной модели коммуникации. Автор пытается выявить закономерности такой эволюции на примере взаимосвязи развития Интернета и политической ситу-

ции в России в 2010–2012 годах. *Эмил Паин* отмечает, что Интернет может оказывать разнонаправленное и не всегда позитивное воздействие на рост гражданской активности, не случайно он является инструментом самоорганизации разных идеологических течений и пока в России более эффективно используется силами, не являющимся носителями идеи политического прогресса, – левыми и националистами. По мнению Э. Паина, ныне социальные медиа служат не столько инструментом преобразования общества, сколько зеркалом, отражающим его состояние. Только здесь можно увидеть весь спектр политических сил России, многие из которых не допущены к традиционным медиа. Изучение этого спектра позволило автору и его исследовательской группе выделить особенности и проанализировать перспективы основных идеологических групп современной России.

В нашей постоянной рубрике «Россия и Америка: к пониманию друг друга» мы представляем нового директора Института Кеннана *Мэтью Рожанского*, который делится с читателями «Вестника» своими взглядами по поводу перспектив развития Института и путей улучшения российско-американских отношений. Для нас важно то, что научно-образовательное сообщество России и США предпринимает конкретные шаги в этом направлении и делается это при самом активном участии выпускников Института Кеннана. Так, например, историк-американист *Виктория Журавлева* рассказывает об уникальном международном проекте по созданию информационно-аналитической системы «Российско-американские исследования».

И наконец, обращаем внимание читателя на нашу книжную полку, где представлены труды российских и американских авторов, среди которых выпускники Института Кеннана Ольга Волкогонова, Чарльз Кинг, Тимоти Колтон, Лев Симкин и Борис Шпотов.

Редколлегия

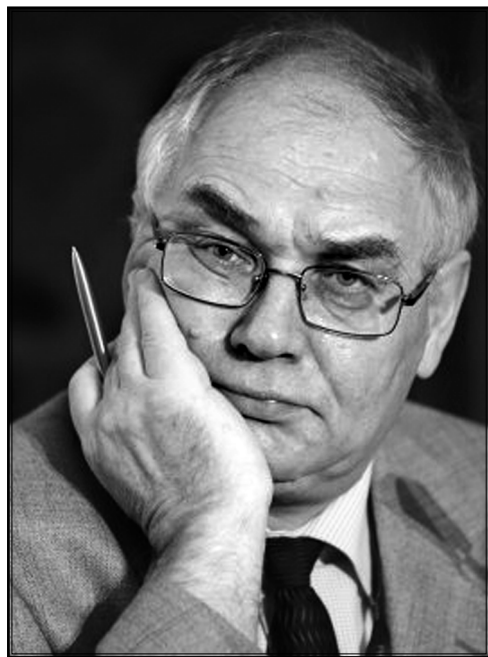
Политическая динамика и возможные сценарии развития России: беседа Льва Гудкова и Эмиля Паина

После любых избирательных кампаний в СМИ начинается борьба политических сил за трактовку их результатов. Поэтому нет ничего удивительного в том, что итоги российских региональных выборов, прошедших в сентябре, до сих пор оцениваются по-разному. Редакция «Вестника» попросила прокомментировать итоги выборов и связанные с ними политические тенденции директора Аналитического центра Юрия Левады Льва Гудкова. С ним побеседовал научный руководитель РОО «Кеннан», профессор НИУ «Высшая школа экономики» Эмиль Паин.

Э.П.: Наша с тобой беседа в журнале идет под рубрикой «Россия после выборов, Россия перед выбором». Из названия понятно, что нам хочется узнать твое мнение о весьма широком круге проблем, связанных с оценкой политического будущего России, по крайней мере до ближайшего электорального цикла. Но давай начнем все же с оценки сентябрьских выборов. Существует несколько точек зрения по этому поводу...

Л.Г.: «Великая сентябрьская эволюция», как «Ведомости» написали.

Э.П.: Да, с одной стороны, «великая эволюция» — неожиданная победа на выборах несистемных политических фигур, таких как Евгений Ройзман в Екатеринбурге, Галина Ширшина в Петрозаводске, а также непредвиденно высокий результат Алексея Навального, во всяком случае, больший, чем ему предрекали все социологические службы. С другой стороны, распространена и иная точка зрения, очень характерная для России: это некая специальная операция Кремля, которая позволяет выделить зачинщиков на местах и показать — вот к чему приводит либерализм: к «вседозволенности», «избранию популистов».

Лев Гудков

Л.Г.: Ну, первое, скажу по поводу Навального. Ты говоришь, все службы не предсказывали. Единственное, чего они не предсказали, так это такого падения явки, какое проявилось в Москве в сентябре 2013 года. Оно осталось непонятным, хотя власть уже давно, по крайней мере с 2009 года, использует один и тот же прием. Он заключается в том, чтобы нейтрализовать протест-

ную часть, заставить ее поверить, что выборы управляемы, результаты заведомо будут такие, как нужно, подтасованы, сфальсифицированы, поэтому, ходи – не ходи, голосуй – не голосуй, все равно ни фи́га не получишь. Эту тактику они применили и здесь. Только не учли, что протестный электорат после всех акций протеста, демонстраций оказался в этот раз гораздо более мотивированным. По последнему нашему опросу – у нас денег не было, поэтому мы смогли провести (за свой счет) только один предвыборный опрос, – 80% сторонников Навального сказали, что они обязательно придут, в то время как у Собянина таких было лишь 40–50%. Как видишь, разная степень мотивированности к участию в выборах. А объем поддержки Навального все службы зафиксировали достаточно точно – они обещали ему около 20%. У нас был самый низкий процент – 18. Следовательно, при стандартной явке 45% это примерно 600 тыс. голосов за Навального, а 27%, которые он набрал при явке 30%, – это те же самые 600 тысяч. Он получил максимум из возможного. Поэтому тут большой неожиданности не произошло.

Э.П.: Получается, что власть хотела управляемой демократии, а получила одни неприятности?

Л.Г.: Самое важное для этих выборов – это общее снижение явки по всей стране, потому что манипуляции с выборами были, по оценке Александра Кынева и Владимира Рыжкова, не меньшими, а может быть, даже большими, чем обычно. Но сам факт понижения явки я считаю очень значимым, местами она была на уровне 13–14%, то есть это полный скандал, вообще говоря, полная дискредитация выборов. Второй очень важный момент – это кризис всей партийной системы. Появление популистов типа Навального и Ройзмана говорит о том, что организованные партийные структуры полностью дискредитированы, вне

зависимости от того, официозные они или оппозиционные. На первый план выдвигаются несистемные фигуры и непрограммные, неидеологические аспекты политики.

Э.П.: Это очень важно для нашего анализа.

Л.Г.: Именно так. Вот эта популистско-лидерская фактура, которая способна собирать деидеологизированные массы, на мой взгляд, – глубоко симптоматичная тенденция.

Э.П.: Мы к этому еще вернемся, а пока остановимся на позиции властей. На мой взгляд, на прошедших выборах как никогда ясно была продемонстрирована стратегия власти на полную политическую демобилизацию общества. В этом смысле Россия представляет собой некое специфическое явление, притом что все страны СНГ лишь кажутся похожими на современные правовые государства. В них установились режимы, которые Макс Вебер называл патримонными, а Габриэль Алмонд и Сидней Верба – догражданскими, т. е. такими, в которых население не участвует либо крайне слабо участвует в формировании политики. В таких обществах чрезвычайно высока роль авторитарного лидера. Однако в отличие от патронимий, которые Вебер назвал «султанскими» (очень похожими на режимы, сложившиеся в Центральной Азии или в российской Чеченской Республике), в России проявляются две особенности. Первая – вместо сплочения вокруг фигуры отца нации (а такая попытка какое-то время делалась и в России, а ныне, видимо, отброшена) используется стратегия политической демобилизации. Второй элемент – это растущая атомизация и деидеологизация российского общества, в то время как в «султанатах» Средней Азии и Кавказа усиливается архаичная консолидация на традиционных идейных

Индекс одобрения Путина и Медведева

Рисунок 1

основаниях, прежде всего религиозных и патриархально-авторитарных. Ты согласен?

Л.Г.: Да, полностью, и мы зафиксировали это. Хочу показать один график – «Индекс одобрения Путина и Медведева» (рис. 1). Он ведется с середины 1999 года и рассчитывается как разница между положительными и негативными оценками. Ты видишь, какое тут сплочение вокруг отца нации? Вот она, эта «свеча» фантастическая, невероятная совершенно, которая была в 1999 году.

Э.П.: После известных событий в Москве, после террористических актов и военных действий на Северном Кавказе...

Л.Г.: Это был период гигантского взлета рейтинга В. Путина как «национального лидера», после его знаменитого призыва «мочить» и, кстати, на фоне кризиса, самого тяжелого. В течение одного месяца все показатели социальных настроений резко пошли вверх, хотя, понятно, экономическая ситуация и материальное положение людей не могли измениться так быстро.

Э.П.: Вот тогда были попытки повести Россию по тому же пути, по какому Назарбаев повел Казахстан или Лукашенко – Белоруссию. Были предложения официально объявить В. Путина «национальным лидером», «отцом нации», с предоставлением ему мандата на бессрочное, пожизненное правление. Однако потом жизнь заставила отказаться от этой сладкой мечты бюрократа, и вот получилось то, что ты показываешь. Но возникает вопрос: что же дальше? Что означает победа несистемных сил, в какой мере то голосование, которое мы видели, отражает настроения протестные, но идеологически не определенные, с непонятными политическими целями?

Л.Г.: Я все время говорю, что протестные настроения, или, точнее, типы социального напряжения, недовольства, принципиально разные в разных средах. В мегаполисах, где все-таки что-то такое современное, рыночное сформировалось, преобладает не чисто экономическое недовольство, а социально-политическое. Здесь выдвигаются не столько экономические требования, сколько требования институциональных изменений, политических и правовых реформ. Дру-

Таблица 1. Знаете ли Вы, кто такой Алексей Навальный?

	Апрель 2011	Март 2012	Июнь 2012	Март 2013	Сентябрь 2013
Да	6	25	34	37	51
Нет	94	75	66	64	49

В % к числу опрошенных, N=1600

гое дело провинция, средние и малые города – это резервация социализма, там люди требуют государственных дотаций, государственной поддержки, государственных заказов, там преобладает патерналистское сознание. И там недовольство как раз связано не со стремлением изменить систему, а, напротив, с желанием пойти назад, в советские времена, «вернуться к Сталину». Здесь массы хотят усилить распределительную, государственную, жестко регулятивную, плановую экономику.

Э.П.: Нет единого протеста, есть совершенно разнонаправленные движения.

Л.Г.: Совершенно верно. Поэтому в провинции, несмотря на то, что там напряжение гораздо выше, чем в мегаполисах, особенно в Москве, социальное недовольство не угрожает системе, а, напротив, в некотором смысле укрепляет ее, потому что оно работает на консервацию нынешней институциональной системы и поддержание традиционалистских, патерналистских установок. Пока эти два типа протеста не увидят друг друга, никакого единого политического движения в России не будет. По массиву, в электоральном плане, конечно, консервативный протест гораздо более массовый. Если первый составляет, грубо говоря, 15–20%, то второй – не менее 40–45%.

Э.П.: Таково, на твой взгляд, соотношение?

Л.Г.: Это соотношение получено не из ответов на какой-то один вопрос, а из анализа данных по целому ряду те-

матически взаимосвязанных вопросов, например, как люди оценивают текущую социальную ситуацию, могут ли они планировать свою жизнь и на какой срок (или они живут от получки до получки, не имея сбережений, накоплений и других ресурсов), готовы ли они участвовать в предстоящих выборах, в протестных акциях и демонстрациях, как они видят будущее – свое и страны в целом, как они оценивают роль государства и проводимую властями политику, как оценивают людей у власти и т. п. Агрегируя эти вопросы, мы и получаем разные типы социального капитала, разные наборы партийных предпочтений и идеологических ориентаций, существенно различающиеся по уровню урбанизации или модернизации.

Э.П.: Это очень важно. Тем не менее Навальный, будучи совершенно неизвестным человеком, стал популярным политиком...

Л.Г.: Ну да, в 2011 году его знали и как-то одобряли или следили за ним 6% россиян (преимущественно молодых горожан), потом 8%, затем, соответственно, 25% и больше... Вот данные регулярных опросов об информированности населения о Навальном (табл. 1).

Однако лозунг, который он тогда вбросил («ЕР – это ПЖиВ»), сразу же признали верным 31% россиян, затем через пару месяцев – 40%, через два года – 51%. Сейчас – 45%. Так что волна от его разоблачительных материалов о коррупции среди чиновников и депутатов бежала впереди него, создавая ему репутацию политика совершенно нового типа.

Таблица 2. Слышали ли Вы о приговоре, вынесенном Алексею Навальному? Если да, то что Вы думаете по поводу этого приговора?

(в % от числа тех, кто знает о деле «Кировлеса» – соответственно, в июле – 75, в сентябре – 85% всех опрошенных)

	Июль 2013	Сентябрь 2013
Это несправедливый приговор, за Навальным нет никакой вины	13	10
Это слишком жесткий приговор	17	16
Этот приговор в полной мере соответствует его вине	21	30
Это слишком мягкий приговор	5	9
Ничего не слышал(а) об этом приговоре	25	17
Затрудняюсь ответить	19	18

Э.П.: Исходя из сложившихся тенденций, насколько велика вероятность, что эта фигура станет популярной и в провинции?

Л.Г.: У меня сомнения, честно сказать, по этому поводу. Пока вероятность этого невелика именно в провинции. Тут надо принять во внимание различие каналов информированности и идущих по ним политических оценок. Наиболее значимые СМИ, имеющие тотальную аудиторию всей страны или около того, полностью контролируются государством. По ним идет преимущественно негативная информация об оппозиционных политиках и движениях. Несистемного лидера может поддержать электорат только в зонах, где монополия официальной пропаганды размыта, то есть в крупных городах, где есть социальные сети Интернета. Все-таки три четверти страны сидит перед телевизором, это самый важный, наиболее авторитетный источник информации, и именно он создает картинку реальности, ее интерпретацию. Даже в Москве электорат Навального был рыхлый и противоречивый. Если бы он вышел во второй тур, его электорат должен был рассыпаться.

Э.П.: То есть он отобрал максимум из того, что он мог бы в нынешних условиях получить?

Л.Г.: Да, он забрал прохоровский электорат, более спокойный, подсоединил туда националистов, часть, конечно, и либералов, которые, скрепя всем, чем можно, голосовали за него, поскольку человек в тюрьму идет.

Э.П.: Да, факторы поддержки оппозиционных, несистемных политиков бывают не просто разными, но и взаимоисключающими. Для одних важна персона, для других – идея. Сами идеи могут быть непримиримыми: «Долой Запад» или «Запад – образец для подражания». Но при всем этом проявилась и общая тенденция: сегодня наибольшие шансы на успех имеют люди несистемные, не замешанные в политике 90-х, не дискредитированные ею. Может быть, в этом шанс Навального стать популярным и в провинции?

Л.Г.: Почему я думаю, что у него не очень много шансов пробраться в провинцию? У него сильнейший антирейтинг, самый большой из всех политиков, может быть, кроме Жириновского. Так, мнения о приговоре, вынесенном ему по делу «Кировлеса», разделились крайне неоднозначно (табл. 2). Всего 10–13% считали, что это совершенно несправедливый приговор, политически мотивированный, за которым стоит желание властей убрать опасную фигуру; но 39% (сентябрь 2013 года) полагали, что,

Таблица 3. Если бы Алексей Навальный зарегистрировал свою партию «Народный альянс» и возглавил на выборах в Государственную думу список этой партии, Вы проголосовали бы за эту партию или нет?

(в % от числа тех, кто знает, кто такой Навальный)

Определенно, да	5
Возможно, да	14
Скорее, нет	26
Определенно, нет	39
Затрудняюсь ответить	

Сентябрь 2013, в % к числу опрошенных, N=1600

несмотря на это, приговор адекватный совершенному им преступлению или даже «слишком мягкий». Это – прямой эффект телевидения и, соответственно, пропаганды, которая там работает.

В Москве же работает в его поддержку не телевидение, а социальные сети и личные его контакты, его мобильность.

Поэтому и готовность голосовать за него ограничена мегаполисами и большими городами.

Э.П.: Да, но социальные сети сейчас распространены уже и в провинции. Они охватывают 51% взрослого населения России.

Л.Г.: Частота пользования немножко другая, в провинции она все равно меньше. И потом, посмотри, как используется Интернет – в провинции в основном скачивают, играют, «тусуются», а сколько-нибудь серьезное обсуждение политических и общественных проблем там выражено крайне слабо. Ты сам это показывал в статье для нашего журнала. И эти выводы подтверждаются нами абсолютно, по всем опросам интернет-пользователей. Ты говоришь, 51%, больше половины, подключены ныне к Интернету, но наши опросы показывают, что только

10–12%, максимум 15% пользователей включены в обсуждение общественной тематики. Все остальное – это чисто «потребилровка» либо чаты.

Далее, тематика выступлений А. Навального как будто бы привлекательная – это коррупция. Однако это признак несистемного лидера и чисто популистской демагогии. Кто только ее ни использовал – от Муссолини и Гитлера до Лукашенко...

Э.П.: Да, Хомейни, лозунги «арабской весны», все построено на этом.

Л.Г.: Да, именно так. При этом я пока не вижу у нашего героя никакой программы, ни идеологической, ни политической. Если бы ты обнаружил у него какие-то признаки программности, хоть эклектической, хоть какой, а не только чистое поношение власти, это было бы уже интересно.

Э.П.: А я и обнаружил. Дело в том, что я и мои студенты провели сравнение выступлений в Интернете А. Навального и некоторых других либеральных политиков, «увлечшихся» идеей соединения либерализма и национализма. Не буду подробно говорить об этом исследовании. Некоторые его результаты будут опубликованы в том же номере «Вестника», что и наша с тобой беседа. Сможешь прочитать... Пока же отмечу, что у большей части либералов, сугубо прагматически погнавшихся за чужим националистическим электоратом, наблюдается утрата базовых либеральных признаков и быстрое нарастание всех атрибутов вульгарного, ксенофобного, этнического национализма. Это неудивительно, поскольку либеральные ценности, видимо, были непрочными изначально, потому что наш либерализм сугубо технократический...

Л.Г.: Детерминистский такой.

Э.П.: Да-да, он не замешан на главном, на праве человека...

Л.Г.: Там нет моральных ценностей.

Э.П.: И отсюда очень высокая вероятность спуска в крайнюю правизну, в лепеновщину, если не куклуксклановщину. Кстати, представители названных правых движений в экономическом отношении – либералы. Опасность спуска к зоологической ксенофобии велика для специфического российского либерализма.

Л.Г.: Это очень интересно, то, что ты говоришь; судя по всему, это правда.

Э.П.: Хочу отметить, что у Навального движения в другую сторону, причем они сугубо индивидуальные. Ощущается, что у него нет консультантов в этом вопросе, и, видимо, он не считает, что они ему нужны, он движется по наитию. Начинал он с походов на «Русские марши», с речей, которые можно было бы охарактеризовать как ксенофобный этнический национализм. Потом, после того как он был избран в Координационный совет оппозиции и ощутил, что эта среда категорически не принимает этнический национализм, он стал двигаться в сторону антиимперского национализма (критика имперской политики России на Северном Кавказе), что на нынешнем этапе, вообще-то говоря, для либерализма очень важно.

Ранний либерализм, а я полагаю, что наш либерализм сегодня в чем-то такой, каким был в XIX веке либерализм французский или испанский, невозможно представить без мощного запала гражданского национализма. Его суть состояла в переосмыслении истоков суверенитета. В чьих руках суверенитет – у монарха (олигархической группы) или у нации – общества? Нация, говорил аббат Сийес, один из видных деятелей Французской революции, – это «общество людей, живущих под общим законом и представленных одним законодательным учреждением». Гражданская нация противопоставлялась абсолютизму и, по мысли ее идеологов, объединяла представителей разных этнических, лингвистических и религиозных групп. Гражданский национа-

лизм того времени был немыслим без антиимперского начала. Рафаэль дель Риго-и-Нуньес, один из лидеров национально-революционного движения в Испании начала 1820-х годов выступал за соединение идей конституционного, парламентского государства и деколонизации. Его лозунги сегодня можно было бы прочесть на новый лад так: «Долой Латинскую Америку» или «Хватит кормить Латинскую Америку» и уж точно: «Хватит умирать за Латинскую Америку». Это говорил Риго и другие храбрые офицеры, готовые умереть за родную Испанию. Я полагаю, что попытки Навального соединить в своих лозунгах идеи правового государства с идеей народного суверенитета и деколонизации не стоит определять только как популистские. Они соответствуют велению эпохи. Я поддерживаю сейчас Навального вовсе не по совокупности прагматических причин – «чтобы в тюрьму не сел», «все равно не за кого», – а потому, что он нашел некую недостающую современному бюргерскому движению «рассерженных горожан» ИДЕЮ, очень важную и близкую моей. Я вижу у него какие-то проблески современных либерал-национальных идей и рассчитываю на появление у него идей гражданско-национальных. Это моя точка зрения.

Л.Г.: Может быть, вполне. Как гипотеза это очень любопытно. Тогда у него открываются перспективы.

Э.П.: А теперь давай подумаем о том, каковы же перспективы разных идеологических движений в нынешнюю эпоху.

Л.Г.: Вообще говоря, в российском социуме имеет место стирание идеологических границ и различий, довольно сильное. Это заметно и в Интернете, ты это ловишь, а в массе своей это скорее смазь такая, потому что больше половины говорят о том, что они ни с кем себя не отождествляют. Ну, там есть некоторая акцентировка, но, в принципе, доминирует установка на такую смазь.

Э.П.: Нет, у нас как раз по Интернету получилось, что на массовом уровне крупные группы все-таки проводят различия и характеризуют себя: «Мы левые», «Мы националисты», кто-то называет себя либерал-демократами и так далее.

Л.Г.: В возрастном, демографическом отношении это кто?

Э.П.: Ну кто же это в Интернете берет?

Л.Г.: Так вот если это смотреть на опросах, то окажется, что три из выделенных тобой групп (левые, либералы и националисты) составляют крайне узкий фрагмент общества, а основное поле – оно, я бы сказал, никакое. Конечно, может быть, тут просто сам метод массовых опросов стирает различия. Основная масса – это идеологическая туманность, которую лишь условно можно назвать социал-демок-

ратическим настроением, но по существу это...

Э.П.: ...конформистская группа, без идей совершенно. Такой она и представляется в нашем анализе Интернета.

Л.Г.: Да, и еще нужно добавить, конечно, явно выраженный спрос этой массы на государственный патернализм.

Э.П.: Это и есть основная социальная база поддержки партии власти.

Л.Г.: Совершенно верно, но она смещается и будет смещаться в сторону протеста, потому что «сделайте нам хорошо, сделайте нам все-таки с человеческим лицом».

Э.П.: Ты считаешь, основная масса будет двигаться...

Л.Г.: В сторону большей критичности по отношению к власти.

Бывают ли, по вашему мнению, такие ситуации в жизни страны, когда народу нужен сильный и властный руководитель, «сильная рука»?

Рисунок 2

Э.П.: Но какая это будет критика? Ты же сам говоришь, что она бывает двух сортов – «добавьте жесткости», «вернемся к старому», «давайте сделаем по-сталински» или «давайте жить по новому, как люди, как живут где-то там».

Л.Г.: Посмотри на этот график (рис. 2): авторитарные установки довольно сильные, вне зависимости от того, какой это лидер. В 1990 году лишь четверть россиян считала необходимым приход к власти персоналистского политического вождя, а доминировала тогда совсем другая установка – «ни в коем случае нельзя допустить к власти авторитарного лидера, мы уже это проходили». Но с началом трансформационного спада и череды сопровождающих его кризисов этот показатель упал с 44 до 18–20–22%. Зато запрос на вождя, отца и спасителя поднялся до тех же 40–45% (что и стало основой путинской популярности). Причем эта кривая на графике должна рассматриваться как показатель ясно выраженных политических установок, готовности переложить на лидера всю ответственность за положение дел в стране, отказаться от своего участия в политике, от свободы, от собственной защиты своих прав и прочее в том же духе. Но к этому можно добавить еще более слабый вариант тех же настроений – «бывают такие ситуации в жизни, когда стране нужен сильный человек, твердая рука и т. п.» (удельный вес таких установок примерно 30%). Я не стал бы называть это традиционной российской склонностью к самодержавию, к автократии, нет, скорее это черта переходного времени, длительной фазы социальной и политической дезориентированности и – что уже точно – свидетельство несостоятельности либерального общественного движения, это выражение надежды на чудо.

Поэтому я и говорю (глядя на первый график), что авторитаризм путинского типа сейчас размывается и превращается в эти несистемные пузыри популизма, во множество феноменов вне

системных лидеров, вроде Навального, Ройзмана и других.

Э.П.: Вот это очень важно, что на таком фоне появляются шансы у новых политиков.

Л.Г.: При условии сильной дискредитации власти.

Э.П.: А она, по-моему, очень активно работает в этом направлении.

Л.Г.: Она очень старается сама по себе и работает в этом духе, к тому же дискредитацию усиливают громкие коррупционные скандалы. Наконец, снижение социальных расходов тоже на это работает.

Э.П.: Дискредитацию власти усиливают даже ее мелкие промахи. Скажем, известно, что использование ритуально-символических элементов обеспечивает социальное сплочение в периоды революционных подъемов – вот тогда факельные шествия хорошо укрепляют власть. Но в кризисный период попытка устроить в Москве олимпийское шествие с гаснущими факелами и перекрытыми улицами, на которых по три часа стоят автомобили и общественный транспорт, вызывает массовый ропот, а возможно, и протест. В условиях московского транспортного коллапса нельзя даже придумать ничего более дискредитирующего власть.

Л.Г.: Совершенно точно.

Э.П.: А частные реформы, которые пытается проводить власть в условиях, когда обстоятельства заставляют экономить безразмерно раздутый бюджет, но эта экономия происходит за счет урезания расходов на общественно значимые нужды? Например, как реформа РАН воспринимается в массовом сознании?

Л.Г.: Никак. Мы попробовали, запустили вопрос, но результаты опроса по

этим проблемам еще не получили. Однако я думаю, что, в принципе, никакого влияния события вокруг РАН на массовое сознание не окажут, это слишком специальная область, люди практически ничего об этом не знают и не думают. Другое дело, сокращение средств на медицину, лекарства, которое, кажется, не событие, а медленный такой процесс, ощущается очень болезненно. То есть рост цен на лекарства и попытка (хоть и отмененная) ввести плату за оказание скорой помощи вызывают довольно сильные эмоции.

Э.П.: У меня такое ощущение, что власть не очень осознает общественную ситуацию.

Л.Г.: Согласен.

Э.П.: С одной стороны, вроде как она благоприятна, в том смысле, что доля деидеологизированной, конформистской, патерналистской части общества все еще очень велика. С другой стороны, власть не знает, что с этой массой делать и как, при каких условиях это неустойчивое большинство может предпочесть традиционному лидеру нового, несистемного лидера. И эта шаткость формирует противоречивость и растущую неэффективность ее действий. Мы уже говорили, что стратегия политической демобилизации кое-где уже подвела власть. Я вижу два разнонаправленных шага, которые она делает. С одной стороны, результат выборов, о котором ты говоришь, низкая явка — это было целенаправленное действие с точки зрения тактики демобилизации.

Л.Г.: Да. Но в Кузбассе у Тулеева явка, кажется, была на уровне 78%.

Э.П.: А у Кадырова 92%, как положено. Но я тебе говорю не о специфических регионах вождизма, а в массе своей. В некоторых районах, скажем, в Ставрополе, на выборы пришло 12–13%, чего не бывало никогда.

Л.Г.: Никогда не было, совершенно точно.

Э.П.: И эта демобилизационная тактика не всегда оправдывалась. А второй элемент действий нервничающей власти — это сдвиг в сторону поддержки ксенофобных требований. То, что еще недавно выдвигало запрещенное ныне Движение против нелегальной иммиграции, сегодня декларируют высшие деятели российского «политбюро».

Л.Г.: А это вечная такая технология перехвата лозунгов. Собственно, функция этих мелких партий и мелких маргинальных, обычно нацистских или расистских движений заключается в том, что они выдвигают какой-то радикальный лозунг, который центр, партия власти, естественно, переупаковывая его и делая более приемлемым, приличным и солидным, перехватывает и представляет в качестве центрального в своей политической риторике.

Общий тренд действий власти, помоему, будет такой: неотрадиционализм, эклектический, с элементами ксенофобских установок и с какой-то примесью либеральной фразеологии...

Э.П.: А где, в каких аспектах может быть либеральная риторика?

Л.Г.: Декларативные заявления типа медведевских «свобода лучше, чем не-свобода», «правовое государство», нужны инновации, новые технологии, партнерство с Западом, открытость и т. п.

Э.П.: Может быть, в экономической сфере...

Л.Г.: Ну, и в экономической, да.

Э.П.: Единый рынок труда (то, с чем Д. Медведев выступил в Сочи), свободное передвижение людей по стране...

Л.Г.: Притом что одновременно создаются всякого рода барьеры для социальной мобильности. Плюс «поддержка

малого и среднего бизнеса», очередная там программа будет, сопровождаемая повышением налогов, и всякое такое.

Э.П.: Наверное, еще и квазигражданские институты?

Л.Г.: Что-нибудь может быть в этом роде как «наш ответ Западу» на критику закона об иностранных агентах. Но мы говорим не о реальной политике, а об идеологической риторике, которая может приниматься или не приниматься.

Э.П.: А снизу какое движение может развиваться как альтернатива этой эклектике? Чаще всего говорят о «левом повороте».

Л.Г.: Да ничего они, левые, не могут. Какой ответ ты предполагаешь? Я не вижу какого-то реального запроса на левых, отклика на их лозунги. Что, усиление требований социальной справедливости и уравниловки? Да с этим сегодня кто только ни выступает.

Э.П.: Сегодня у этих требований нет партийной окраски.

Л.Г.: Конечно, но политика реальная и реальный массовый интерес направлены на потребление, ограничены горизонтом «общества потребления» (его хотят, но мыслят как возможность чистого потребления, без буржуазных добродетелей и ценностей). А это означает высокую терпимость к усилению дифференциации, а не стремление к равенству, к уравниловке. Зависть, конечно, возникает, но она слабее в социальном смысле, по крайней мере пока, чем сила потребительских установок.

Э.П.: Действительно, сегодня российское общество скорее правое, чем левое. Левый эгалитаризм приемлем разве что в сфере распределения материальных благ, да и там средний российский обыватель предпочтет, чтобы сосед жил хуже, чем он. А уже об эга-

литаризме по отношению к «понаехавшим» или сексуальным меньшинствам («содомитам») и говорить не приходится. То есть реально левые ценности в российском обществе совершенно не популярны, и у левого движения, всех его разновидностей, шансы на успех по мере смены поколений падают.

Л.Г.: Я вообще не понимаю, откуда взялся этот миф о мощи левых, о «левом повороте», как Ходорковский предрекал. Он ведь не сам придумал это, а откуда-то вытянул, читая.

Э.П.: Ну теперь перейдем к моей излюбленной теме – национализму.

Л.Г.: Национализм будет усиливаться во всех разновидностях, это совершенно определено. Я думаю, что если и будет какая-то идеологическая дифференциация в политической жизни России ближайшего времени, то она проявится между разными видами национализма – не знаю, согласишься ты или нет.

Э.П.: Конечно, соглашусь. Могу немножко развить эту мысль, потому что уже видно размежевание по крайней мере трех сил: (а) имперского национализма, (б) антиимперского, чисто этнического ксенофобного национализма и (в) небольшой, но все-таки растущей группы, которая себя называет национал-демократами. Можно было бы назвать их национал-западниками, потому что главная идея состоит в том, что русские в исторических муках выстрадали право быть нормальной европейской нацией.

Л.Г.: Открываю только что полученный журнал, извини, и читаю первую фразу: «Киевская Русь (IX–XIII вв.) воспринималась современниками как одна из европейских стран, качественно от них не отличающаяся». Все, больше, по-моему, читать не надо, можно закрывать эту статью, главное, тут все хорошо и современники, которые не видели

различий между Европой и Киевской Русью.

Э.П.: Это типичная форма исторической аргументации вестернизированной версии русского национализма, не модная ныне. Это в 80-е и в начале 90-х годов в России преобладала идея: «Мы такие же, как Запад», «Нужно вернуться в Европу, откуда нас вырвал октябрьский переворот». Но ситуация изменилась – поиск национального самосознания в настоящее время идет по принципу негативной консолидации: «Мы – не они». Не Запад и не Восток. В перестройку господствовали космополитические представления, тогда говорили об общечеловеческих ценностях, о примате международного права над национальным. Сегодня практически все элиты говорят с позиций национального эгоизма: «У нас свои особые интересы, мы конкуренты». Об этом заявляет не только Дмитрий Rogozin, но и Анатолий Чубайс. Как элитарное, так и массовое сознание стало фактически националистическим. И это исторически неизбежный этап, движение к национальному государству.

Л.Г.: Я думаю, что если и будет какое-то усиление национализма, то через добавки разных «присадок» – либеральной, либо социалистической, либо еще какой-то.

Э.П.: Да, конечно. Первое – националистические группы уже различаются по политическим целям, второе – действительно, они получают извне дополнительные «идеологические присадки». На наших глазах появляется популярный в определенных кругах национал-социализм, не полное подобие немецкого, а именно как сочетание национализма с российской «левой» идеей. Возникает национал-либерализм...

А как ты относишься к идее, с которой я сейчас все чаще выступаю, о том, что единственной альтернативой рас-

тущему этнонационализму может быть развитие идеи гражданского национализма?

Л.Г.: Я со вниманием слушаю тебя, когда ты об этом говоришь, и пытаюсь думать. Само гражданское сознание, хоть с какими там добавками, «присадками», оно настолько слабое...

Э.П.: Понимаешь, если начинать со слова «гражданское», то оно действительно слабое, а если начинать с более понятных для рядового человека слов, которыми пользовались те, кто придумал слово «граждане», то гражданская идея народного суверенитета становится понятнее, хотя бы как в песне Бориса Гребенщикова: «Эта земля была нашей, пока мы не увязли в борьбе. Она умрет, если будет ничьей. Пора вернуть эту землю себе». Это вполне в духе гражданского национализма, осталось добавить только саму гражданскую активность, участие.

Л.Г.: Дай бог. Я ничего не могу сказать, хотел бы посмотреть, как это будет.

Э.П.: Ну, хорошо. Мы ведь живем в этой стране, не покидая ее, несмотря на то, что видим, что пока тенденции ничего позитивного людям нашего мировоззрения не сулят. Есть у тебя хотя бы вера в то, что можно выбраться из этой ямы?

Л.Г.: Возможно, я не исключаю.

Э.П.: Но никакого оптимизма у тебя нет?

Л.Г.: Оптимизма у меня нет. Данные, которые мы получаем, не дают такой определенности.

Э.П.: Есть еще один элемент, давай его обсудим. Все же живем мы не на облаке и не на острове, а вмонтированы в мир, и этот фактор не может не оказывать влияния.

Индекс социальных настроений

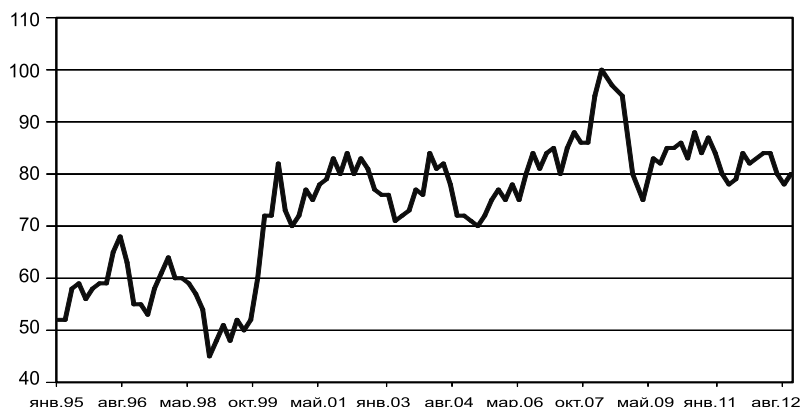

Рисунок 3

Л.Г.: Ты имеешь в виду глобализацию?

Э.П.: Да, глобализацию и необходимость соревнования. Дело ведь не только в том, что любое современное техническое устройство, любой iPhone через несколько дней после первой демонстрации появляется на рынке в России. Вместе с ним приходят и размышления об обстоятельствах, которые приводят к тому, что в одних странах производят все новые технические новинки, а в других только потребляют. Не кажется ли тебе, что этот фактор культурных заимствований, влияний может оказать какое-то воздействие на политические процессы?

Л.Г.: Ты прекрасно понимаешь, что, если заимствуются инструментальные штучки, их влияние будет непредсказуемым, поскольку технические системы сами по себе не вносят новых или самостоятельных смыслов в жизнь, а лишь проявляют ту смысловую структуру отношений, которая уже существовала, сложилась до них. По телевизору можно показывать оперу, а можно читать Коран, а можно и «Майн Кампф» или что-то из курса о мировом заговоре против России. Инструментальные инновации

приводят к эрозии сознания, бесспорно, но это означает, что в таком смутном состоянии одновременно возможно и усиление прозападных и либеральных ориентаций, и резкая архаизация массовых представлений – жажда спасителя, жажда определенности в ситуации кризиса.

Я думаю, что через несколько лет, поближе к следующему избирательному циклу, ситуация в России будет гораздо более напряженной. Пока она довольно спокойная...

Вот индекс социальных настроений, который у нас в Центре отслеживает М. Красильникова (рис. 3). Он строится как агрегированный показатель из многих вопросов, включая ожидания будущего, оценки материального положения своей семьи, страны в целом, доверия и отношения к власти, оценки политической ситуации и прочее. Причем ведется этот анализ с 1994 года. Тренд показан за большой период времени. Этот индекс – очень чувствительный показатель социальных настроений. Мы видим, что, начиная с лета 2008 года, шел спад общественных настроений, социального тонуса, приостановившийся на период выборов кампаний. Слабый подъем настроений обязан предвыборным обещаниям и обилию популистских заверений

власти: все будет хорошо, верьте нам и т. д. Но этот период был крайне непродолжительным и падение доверия к власти возобновилось и будет медленно усиливаться. Хотя, должен сказать, ресурсы терпения и массовых иллюзий относительно благих намерений политического руководства далеко еще не исчерпаны. Потенциал режима сегодня примерно такой же, что был где-то в начале 2000-х годов. Но тренд принципиально другой. Заметь, что усиление авторитарных настроений произошло не тогда, когда была самая глубокая точка спада в экономике и в материальной обеспеченности повседневной жизни, а когда положение дел в 1997 году стало улучшаться и потом внезапно оборвалось в 1998 году.

Э.П.: Конечно, больше всех недоволен сытый, но один день ненакормленный.

Л.Г.: Да. Но потом последовал резкий взлет, собственно, это путинский эффект, невероятный, такого не было ни до того, ни после. За 25 лет наших наблюдений не было такой ситуации.

Сегодня мы имеем дело не с кризисом, а с депрессией; по крайней мере нет кризиса той глубины, что была в 1998–1999 годах, нет той остроты ожиданий и упований на чудо, на спасителя. Напротив, мы имеем дело с нарастающим раздражением и усталостью от неисполненных обещаний стабильного улучшения жизни. Это проявления разложения режима, утраты его легитимности, но не конец света, не крайние времена. Поэтому ресурсов у власти еще достаточно.

Будет идти медленная такая болтанка со снижением общих показателей общественного самочувствия, падение настроений, и это будет продолжаться еще какое-то, может быть, сравнительно долгое время. До 2016 года точно, потому что иллюзии – это тот материал, из которого здесь построено почти все, неразрушимый материал, поскольку не подлежит рационализации. А там воз-

можны ситуации появления некоторых альтернатив. Ближе к следующим выборам, начиная где-нибудь с 2015 года, я так думаю, начнется обострение и тогда все процессы именно идеологического выстраивания будут резко интенсифицированы. Хорошо бы их предугадать, хотя бы в каком русле они будут развиваться.

Я думаю, что эта эволюция будет идти внутри националистического дискурса, но с разными «присадками», с дифференциацией внутри него. Не либерализм будет как бы прорабатываться, а либерализм с имперским комплексом неполноценности, или еще что-то будет «присаживаться», добавляться, как ты и говорил, набор (не широкий) основных идей в разных сочетаниях будет комбинироваться. *Идея либерального, прозападного мышления в чистом виде в современной России не усваивается, она должна усваиваться в качестве дополнения к чему-то*, а основным трендом, конечно, будет изживание национальных комплексов, проработка какого-то проекта будущего...

Э.П.: Это чрезвычайно важная идея... Магистральным направлением развития России будет национализм в очень разных вариациях. И спор будет идти не между либерализмом и, скажем, консерватизмом, а между, условно говоря, национал-прогрессизмом и национал-архаизмом.

Л.Г.: Да, именно так. Архаизм будет использоваться для легитимации власти, а прогрессизм – для критики и выработки какой-то альтернативы этому режиму. Вот, собственно, мне кажется, и весь диапазон идеологического умысливания.

Э.П.: Мы на этом завершим беседу, хотя тема, разумеется, не исчерпана. Нам было интересно обсуждать поднятые вопросы, надеюсь, читатели тоже найдут в нашей беседе нечто полезное для себя.

Последний год российской науки, или Что делать ученым и профессорам, которых бросило государство?

На протяжении двух постсоветских десятилетий образование и наука в России медленно, но неуклонно снижали свой потенциал. С одной стороны, несмотря на тяжелые внешние условия, инерционные силы в этих областях оказались сильны, накопленный кадровый потенциал, подвижничество (или неумение «приспособиться к рыночным условиям») тысяч и тысяч ученых и преподавателей не давал этим сферам «провалиться» синхронно со снижением государственного финансирования. С другой – это самое недофинансирование вкупе с открытием границ и появлением привлекательных карьер в бизнесе или на государственной службе привело к постепенному оттоку талантливой молодежи из этих сфер, что стало главным фактором постепенного снижения качества образования и науки. Кризис несколько смягчался расширившимися возможностями международного сотрудничества, доступа к современной литературе (что особенно сильно встряхнуло отечественные общественные науки), а также свободой научного труда, установившейся в 1990-е годы. Тем не менее бюрократизация последнего десятилетия свела на нет академические свободы, и будущее российской науки представлялось продолжением нисходящего пути в сторону «третьего мира». Ученые и преподаватели жили в состоянии бесконечной реформы, приспособляясь к нововведениям, бросая науку или же, напротив, эмигрируя из России, чтобы продолжать ею заниматься. Неспешная деградация сопровождалась постепен-

Иван Иванович Курилла,
доктор исторических наук,
заведующий кафедрой международных
отношений и регионоведения
Волгоградского государственного
университета,
former Kennan Institute Regional
Exchange and Short-Term Scholar

ным привыканием, и «лягушка» уже почти сварилась в разогретой воде. Но в последний год эта медленная деградация сменилось ураганным ветром, сдувающим оставшиеся институты и вынуждающим оставшихся в науке и преподавании людей реагировать.

Ситуация последнего года напоминает уже не дорогу на кладбище, а поле битвы, в которой, правда, плохо видно стороны и непонятны мотивы тех, кто в тебя целится. Первый «залп» дало правительство в конце декабря 2012-го – в течение нескольких дней был принят новый закон «Об образовании» (вступил в силу с 1 сентября 2013 года), «дорожная карта» его реформирования, а также Государственная программа РФ «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы, на которую в тот момент мало кто обратил внимание¹.

Собственно, такой массированный удар по доселе тихой заводи застал преподавателей и ученых врасплох: только к концу января сотрудники вузов разглядели, что «дорожная карта» предусматривает 40%-ное сокращение преподавателей с одновременным увеличением нагрузки (другими словами, снижением заработной платы) оставшихся. Несмотря на протесты работников образования, действия Министерства образования и науки весной и летом 2013 года показали, что этот документ выполняется, и по университетам прокатилась волна сокращений. А летом 2013 года без предварительного обсуждения был внесен в Государственную думу и в сентябре принят и подписан закон о реформе РАН, против которого – тоже безрезультатно

– пыталась бороться академическая общественность².

В итоге весь ландшафт научно-образовательного сообщества оказался, говоря словами премьера, «взорван», и мы вступили в какой-то новый период, резко отличающийся от предыдущих двадцати лет. Объяснительные модели «повышения качества» не выдерживают самой простой проверки содержанием реформ, в которых сокращение финансовых обязательств государства довлеет над декларациями о борьбе за качество науки и образования. Однако и сокращение затрат на науку и образование не признается государством главной целью происходящего. Я не собираюсь здесь гадать о причинах резких инициатив государства, но попробую порассуждать о том, как они повлияли на научно-образовательное сообщество России, и о том, что необходимо делать сегодня.

Прежде всего, резкость реформ пробудила научно-образовательное сообщество к активизации собственной позиции. Возникшее несколько ранее Общество научных работников приобрело новых членов и широкую известность³, в апреле 2013 года возник независимый профсоюз «Университетская солидарность»⁴, а летом и в начале осени тысячи ученых по всей стране вышли на акции протеста против «реформы академии наук». Среди заявивших свою позицию несогласия – ряд «статусных» ученых, академиков и членов-корреспондентов РАН, образовавших собственный клуб «1 июля»⁵.

Еще раньше ученые инициировали самоочищение научного сообщества от

¹ Подписан закон об образовании // Президент России. 31 декабря 2012 года [http://kremlin.ru/news/17251]; Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки». Распоряжение от 30 декабря 2012 года №2620-п // Правительство России [http://government.ru/docs/3391]; Об утверждении государственной программы «Развитие науки и технологий». Распоряжение от 20 декабря 2012 года №2433-п // [http://government.ru/docs/3346].

² Параллельно ряд серьезных конфликтов возник в вопросах содержания школьного образования в гуманитарных предметах – прежде всего это касалось весьма эмоционального обсуждения стандарта по литературе и «единого» учебника истории.

³ См. сайт Общества: [http://onr-russia.ru].

⁴ См. сайт профсоюза: [http://unisolidarity.ru/].

⁵ Заявление клуба «1 июля» // Полит.ру. 2013. 9 июля [http://polit.ru/article/2013/07/09/1_july_club/].

тех людей, кто приобретал научные степени как символ престижа, не занимаясь научной деятельностью, а также и от тех, кто способствовал успешной «защите» таких диссертаций⁶. Протесты в университетских коллективах вспыхивают по всей стране⁷.

Эти знаки весьма показательны. Ученые и преподаватели в современной России — одна из наименее организованных социальных групп. «Бюджетники» по основному источнику заработка, разрозненные и не имеющие структур, позволявших опереться на них в случае противостояния непосредственному начальству или тем более власти, наконец начали выстраивать структуры горизонтальной солидарности. Отсюда, конечно, еще очень далеко до самостоятельности и автономии, но путь начинается с этого момента. Важно то, что становится понятным отсутствие альтернативы: государство рядом решений расписалось в своем «уходе» из этих важнейших для общества сфер.

У современного российского государства плохая репутация: даже если не обращать внимания на коррупцию (а как на нее не обратить внимание?), реформирование чего бы то ни было превращается в усиление бюрократизации работы реформируемого объекта. Именно так уже произошло с реформой образования: нынешней осенью исполняется 10 лет, как Россия вошла в Болонский процесс, — и все эти годы нарастал вал бумаг, которые необходимо было заполнять преподавателям и вузам в целом, при общем сокращении времени на общение преподавателя и студента. В результате осуществления мер, которые на бумаге выглядели вполне разумно, качество образования резко снизилось, а жизнь преподавателей превратилась в кафкианский бюрократический кошмар.

Государство (в соответствии с теорией) должно выступать представителем интересов общества; в его представительных органах происходит согласование интересов, достижение компромисса — в том числе и по вопросу крупных реформ. Но мы не видим ничего подобного в нынешнем российском государстве. Принимаемые Думой законы не являются результатом компромисса и не учитывают интересы меньшинства (зачастую и большинства — тоже не учитывают), что должно быть частью демократического процесса. Но осуществлять кардинальные повороты, менять существовавшие веками институты можно только опираясь на поддержку (или хотя бы согласие) населения. У нынешнего государства нет мандата на реформы. Именно поэтому оно пытается проводить их в порядке спецопераций. И поэтому они приводят к таким последствиям.

Здесь мы подошли к ключевому вопросу нынешних реформ. Само общество не обсудило, зачем ему вообще нужны наука и образование, а чиновники трактуют этот вопрос с точки зрения сегодняшнего удобства. Отсутствие общественной дискуссии о том, зачем обществу нужны образование и наука, — серьезный провал со стороны самих ученых: кто же еще должен был эту дискуссию начать? Существует «экономический» взгляд на науку как на разновидность «сферы услуг», слышны высказывания, что Россия «не может позволить себе» фундаментальную науку или качественное высшее образование. В текстах руководителей страны мы не раз встречали и отнесение образования и науки к «социальной сфере», к бремени, которое государство вынуждено нести. Все это потому, что в стране не состоялся разговор о приоритетах развития. Вместе с тем опросы

⁶ См., например: *Курилла И.* Фальшивые публикации и имитационная наука // Троицкий вариант [http://trv-science.ru/2012/12/11/falshivye-publikacii-i-imitacionnaya-nauka/].

⁷ Вот, например, о ситуации в Омске: Омские преподаватели потребовали рассекретить зарплаты в университете // Лента.ру. 2013. 20 марта. [http://lenta.ru/news/2013/03/20/omgu/]; У Ливанова новая проблема: ОмГУ жалуется на низкие зарплаты // РИА Омскинформ. 2013. 11 июня [http://www.omskinform.ru/news/56852].

общественного мнения показывают высокую репутацию работников науки и образования, а такой влиятельный эксперт, как экс-министр финансов, председатель Комитета гражданских инициатив Алексей Кудрин, настаивает на необходимости увеличить бюджетные траты на эти цели (а не на оборону и безопасность, как предполагают планы руководства)⁸.

В то же время от государственных деятелей и бюрократии самих вузов можно услышать, что бюджетное финансирование надо оставить лишь для подготовки кадров для государства – будущих чиновников и бюджетников, – а обучение остальных, дескать, пусть оплачивают коммерческие структуры, на которые выпускники будут работать⁹. Однако это в корне неверная позиция. Образование есть общественное благо, государство тратит на него налоги не для того, чтобы воспроизводить само себя, а для того, чтобы давать возможность каждому члену общества реализовать свои способности и применить их в той области, где он сможет добиться большего. Это в интересах всего общества, а государство должно работать не на себя, а на эти интересы. Странно, что мы еще не слышим высказываний, что полиция и армия, скажем, должны

охранять только государственную собственность, – это был бы адекватный аналог такого подхода.

Тем не менее общество в целом не поняло угрозы, которую несет для страны разрушение фундаментальной науки и качественного образования. Любопытно, что даже в период «секьюритизации» всего и вся, в разговоре о науке не звучали высказывания о фундаментальной науке как залого национальной безопасности.

Активность ученых и преподавателей в отстаивании своих интересов, усилившаяся в течение последнего года, создала, как мне представляется, среду, готовую обсуждать идеи о роли и организации образования и науки в России. Возможно, надо думать о негосударственных формах существования каких-то институтов, возможно, российская научная диаспора может выступить активным субъектом на этом поле – и выходу из кризиса поможет институционализация международных научных групп или даже «международная РАН».

Мне представляется, что сообщество выпускников Института Кеннана может внести в начавшиеся наконец дебаты о будущем российской науки и образования очень важные идеи, экспертное знание и неравнодушие к общему делу.

⁸ См., например, ответы россиян на вопросы «Левада-центра» летом 2013 года: Ученые и преподаватели разделили с врачами самый высокий уровень уважения респондентов: Главные профессии, по мнению жителей России [http://www.levada.ru/04-07-2013/glavnye-professii-po-mneniyu-zhitelei-rossii]; Кудрин А. Правила игры // Коммерсант. 2013. 17 июля [http://kommersant.ru/doc/2234523].

⁹ См., например, следующий комментарий пресс-секретаря Нижегородской медицинской академии Алексея Никонова: «Сегодня государственных аптек почти не осталось, выпускники факультета идут работать в коммерческие структуры, финансировать их подготовку из федерального бюджета не выгодно государству» в статье: Попова А. Кошки лишили хвоста понемножку. Что происходит с бюджетными местами в вузах в 2013 году // Лента.ру. 2013. 17 мая [http://lenta.ru/articles/2013/05/17/kcp/].

Опыт развития «гражданского общества» в американской науке: нужен ли он России?

«Гражданское общество» в науке

Понятие «гражданское общество в науке» на первый взгляд звучит необычно. Действительно, гражданское общество – термин широко распространенный и активно используемый в разных контекстах и с разнообразными оттенками. Тема «гражданского общества» обсуждается в научных работах политологов, историков, экономистов. Точное определение дано в «Энциклопедии политических наук», согласно которому «термин “гражданское общество” возродился в 1990-х и стал почти таким же популярным, как и модное слово “глобализация”. Тем не менее даже в каком-либо приближении не существует хоть сколько-нибудь согласованного определения или концепции»¹. Поэтому можно говорить о том, что значение этого термина определяется для каждой конкретной темы. В данной работе гражданское общество понимается как сфера общественной жизни, где группы, организованные институционально, открыто обсуждают вопросы, касающиеся развития науки. С институциональной точки зрения гражданское общество представлено научными обществами, ассоциациями и их коалициями, которые независимы от правительства, – «самоорганизованные, сильные и автономные группы, которые можно рассматривать как баланс государству»².

Работа выполнена в рамках гранта имени Галины Старовойтовой.

¹ The Encyclopedia of Political Science / Ed. George Thomas Kurian. Vol. 1. Washington, DC: CQ Press, 2011. P. 242.

² Hall J.A. In Search of Civil Society // Hall J.A. (ed.) Civil Society: Theory, History, Comparison. Cambridge, 1995. P. 15.

*Ирина Геннадиевна Дежина,
доктор экономических наук,
заведующая сектором экономики
науки и инноваций Института
мировой экономики и международных
отношений РАН,
former Kennan Institute Galina
Starovoitova Fellow, former Kennan
Institute Regional Exchange Scholar*

В таком контексте гражданское общество рассматривается как часть сферы науки, в качестве одного из стейкхолдеров – наряду с университетами, научными организациями, бизнесом, а также правительственными структурами, ответственными за научную политику. Предметом анализа являются различные научные общества, ассоциации и иные институциональные структуры аналогичного типа, которые взаимодействуют с правительством и органами власти по вопросам, связанным с функционированием и развитием науки как сферы человеческой деятельности.

Гражданское общество в науке существует в разных странах, однако в качестве ориентира и основы для сравнительного анализа с российской ситуацией выбраны именно США. Этот выбор неслучаен. Для США характерна наибольшая развитость этого сегмента, хотя первые научные общества создавались в США по моделям, существовавшим в Великобритании и Германии. У обществ и ассоциаций очень разные цели и мандаты, но при этом основной тенденцией является растущая интенсивность и множасьщиеся формы их взаимодействия с властью. В связи с этим американский опыт представляет интерес не только своей длительной историей, но и разнообразием.

Почему гражданское общество важно для российской науки? Российская наука во многом наследует черты науки советской, и это касается как институциональной структуры, так и – что гораздо более серьезно – ее менталитета. Это опора на государство, стремление к крупным организациям и разного рода мегапроектам, методы принятия решений, основанные практически исключительно на индивидуальных согласованиях. Такая организация полностью соответствовала концепции авторитарного государства, но оказалась неэффективной в новых экономических условиях. Кроме того, меняется сама форма существования науки в мире, возникают новые вызовы, на которые она должна реагировать, более интен-

сивно идут обсуждения организации и управления наукой, в США несколько лет назад начала развиваться «наука о научной политике». Гражданское общество – это современный компонент структуры науки, в России практически отсутствующий. В постсоветский период начались попытки возродить элементы гражданского общества в науке. Но российские самоорганизующиеся структуры поставлены в более сложное положение, чем американские: там есть отработанный и налаженный процесс взаимодействий, в том числе закрепленный нормативно-правовыми актами. В России все происходит наощупь, но при этом на высокой скорости, требующей быстрого поиска оптимальных решений. Поэтому американский опыт, по крайней мере некоторые из практикуемых подходов и методов работы институтов гражданского общества в науке, могут оказаться полезными для России.

Ученые в научной политике

Взаимодействие ученых и власти предполагает нахождение общего языка, а также то, что политикам нужна наука. На эту тему есть немало работ зарубежных ученых, скрупулезно исследующих мотивы сторон, заложенные противоречия, а также «типажи» ученых, готовых участвовать в представлении или отстаивании интересов научного сообщества.

Ученым и политикам не так просто понять друг друга, так как ученые опираются на наблюдения и факты, а политики решают, каким «должен быть» окружающий мир. Это обуславливает более динамичное развитие политики по сравнению с наукой. Научное обоснование политических решений может занять больше времени, чем есть у политиков, особенно по «горячим» темам. Поэтому ученых нередко критикуют за неспособность предоставить политикам необходимую им информацию.

В свою очередь ученым свойственно позиционировать себя вне политики и как плохо понимаемых политиками.

Многие опасаются включаться в такую деятельность, полагая, что это нанесет урон их научной репутации. Действительно, система поощрения в науке и продвижения по карьерной лестнице никак не зависит от интенсивности взаимодействия с «внеаучной» средой. Видимо, именно с этим связано то, что среди членов научных обществ не так много ученых – общественных активистов (citizen scientists).

Наука нужна политикам для решения двух задач: (1) научного обоснования принятия или отклонения какого-либо предложения (решения), (2) подтверждения научной достоверности³. С точки зрения степени активности участия в научной политике ученых можно разделить на четыре достаточно «идеализированные» категории⁴:

- исключительно ученый;
- научный арбитр;
- адвокат по ряду вопросов;
- «честный брокер» политических альтернатив.

Исключительно ученый полностью сконцентрирован на своих исследованиях, далеко не всегда думая об их практическом приложении. Он, как правило, не имеет связей с лицами, принимающими решения в области научной политики.

Научный арбитр похож на «чистого ученого» с той разницей, что понимает – у чиновников могут возникать вопросы, требующие научного обоснования. Такой ученый может стать консультантом по конкретным научным проблемам, но он не вмешивается в вопросы организации научного процесса.

Адвокат по ряду вопросов – ученый, который периодически участвует в консультациях, связанных с разработкой новых мер политики.

«Честный брокер» не только включается в процесс принятия решений по вопросам политики, но и участвует в

выработке возможных альтернативных вариантов, которые помогли бы политикам. Именно этот тип ученых доминирует среди членов различных правительственных комитетов и комиссий.

Таким образом, у ученых всегда есть выбор – насколько активно и в какой форме участвовать в научной политике, индивидуально или через институциональные структуры, в том числе научные общества. Как правило, в научных обществах доля ученых – общественных активистов всегда очень небольшая, но именно они формируют позиции, выражаемые публично от имени обществ и ассоциаций.

Научные общества США и их взаимодействие с властью

Научные общества США все активнее включаются в виды деятельности, которые можно охарактеризовать как «взаимодействие с правительством и властью». Растущее число организаций открывает или расширяет подразделения, обычно называемые «по связям с общественностью» (public affairs) или «отношениям с правительством» (government relations). Кроме того, увеличивается разнообразие методов, практикуемых научными обществами и ассоциациями в сфере научной политики. Они варьируются от личных встреч, как правило, руководства обществ, с членами Конгресса или руководством ведомств до написания резолюций (табл. 1) и участия в лоббировании.

Следует отметить, что возможности лоббирования лимитированы юридическим статусом. Практически все ассоциации (наряду с вузами) имеют статус некоммерческих организаций (так называемый статус 501(c)(3)). Некоммерческий статус освобождает от налогов, и одновременно, согласно Налоговому кодексу, такие организации

³ Turmoil in American Public Policy: Science, Democracy, and the Environment / Leslie R. Alm, Ross E. Burkhart, and Mark V. Simon. Praeger: Santa Barbara, California, Denver, Colorado, Oxford, England, 2010. P. 63.

⁴ Pielke R. The Honest Broker. Making Sense of Science in Policy and Politics. Cambridge University Press, 2007. P. 14.

Таблица 1. Методы, используемые научными обществами в сфере научной политики

Метод	Определение
Визиты к членам Конгресса	Персональные встречи членов Общества или его сотрудников с членами Конгресса или сотрудниками офисов для обсуждения вопросов научной политики
Письма или заявления, направляемые политикам	Устные или письменные заявления, адресованные членам Конгресса или иным политикам
Публикации	Комментарии в газетах, новостные колонки, сводки, «белые книги»
Выражение позиции	Заявления, раскрывающие позицию Общества по важным вопросам политики, содержащие научное обоснование и оценку возможных альтернатив; могут также включать научно обоснованные рекомендации по вопросам политики
Резолюции	Заявления, содержащие взгляд Общества по какому-либо вопросу, составленные согласно принятому официальному стилю и содержащие менее аналитические выводы и предложения, чем те, которые принято высказывать в форме «выражение позиции»

Источник: *Scott M.J., Rachlow J.L., Lackey R.T.* The Science-Policy Interface: What is an Appropriate Role for Professional Societies? // *BioScience*. 2008. Vol. 58. No. 9. P. 868.

не могут тратить существенные средства на то, чтобы оказывать влияние на законодательство. Федеральный закон о регулировании лоббистской деятельности (the Lobbying Disclosure Act) определяет лоббирование как устную или письменную коммуникацию с чиновниками высшего уровня исполнительной или законодательной власти, касающуюся выбора федеральных чиновников, а также формулировки, модификации либо адаптации федерального законодательства, регулирующих норм и программ⁵. Лоббирование непосредственно связано с финансовыми интересами и предполагает оплату труда профессионалов, а высказывание позиций, издание резолюций и прочие формы гражданской активности рассматриваются как «образовательные» или «информационные» мероприятия. Эти виды деятельности разрешены, и ассоциации развивают их, хотя за обучением политиков часто скрывается, по сути, лоббирование интересов.

Можно выделить ряд причин, по которым общества более активно участ-

вуют в согласованиях по вопросам научной политики. Первая – меняются формы организации науки. Растут сетевые взаимодействия, сотрудничество ученых из разных организаций, что влечет за собой необходимость согласований новых норм, в том числе в области этики науки. Вторая – обострившаяся борьба за финансирование вынуждает ученых более тщательно обосновывать будущие социально-экономические эффекты их исследований. Третья – среди политиков растет скептицизм в отношении того, каким образом поддерживается наука. Этим обусловлено повышенное внимание к формальным методам оценки ученых и научных коллективов (индексы цитирования, патентная статистика и т. п.), которые следует использовать с большой осторожностью. Соответственно, политикам нужно разъяснять опасности формализованного подхода к оценке результатов науки.

Рассматриваемые ниже основные тенденции развития научных обществ и ассоциаций в США основаны на анализе

⁵ *Cook C.E.* Lobbying for Higher Education: How Colleges and Universities Influence Federal Policy. 1st ed. Nashville and London: Vanderbilt University Press, 1998. P. 143.

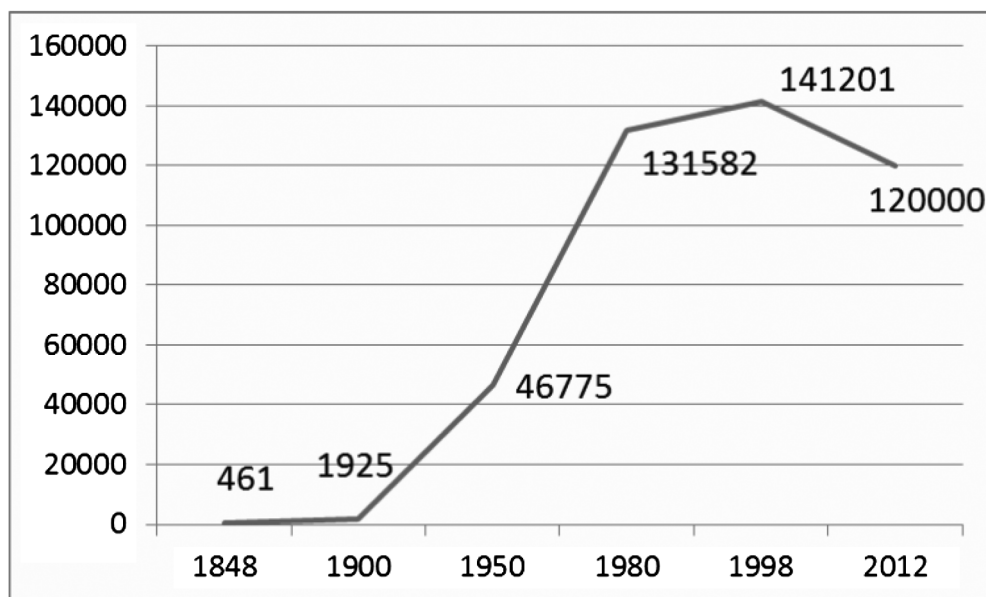

Рисунок 1. Динамика членства в AAAS

Источники: Kohlstedt S.G., Sokal M.M., Lewenstein B.V. *The Establishment of Science in America: 150 Years of the American Association for the Advancement of Science*. New Brunswick, New Jersey, and London: Rutgers University Press, 1999. P. 174–176; данные за 2012 год – с сайта Ассоциации: [<http://membercentral.aaas.org/about>].

не только научных публикаций и материалов самих обществ и ассоциаций, но также интервью, проведенных автором с рядом работников Конгресса, представителями ведомств (Национальный научный фонд США, Национальные институты здоровья, Государственный департамент США), а также руководством ассоциаций и обществ⁶.

Американская ассоциация содействия развитию науки – American Association for the Advancement of Science – AAAS

Одним из самых известных научных обществ, в чьем мандате взаимодействие с властью – среди центральных задач, считается Американская ассоциация содействия развитию науки. Она была образована в 1848 году с учетом опыта научных организаций Великобритании и Германии, которые к тому времени уже успешно работали со сво-

ими правительствами⁷. Численность Ассоциации в настоящее время составляет около 120 тыс. человек – почти 300-кратный прирост со времени ее основания (рис. 1).

AAAS знаменита изданием высокорейтингового журнала «Наука» (Science) и организацией стажировок для ученых, интересующихся вопросами научной и технологической политики. Основная идея, которая легла в основу журнала Science, состояла в том, чтобы в одном месте публиковались результаты исследований из разных областей наук и ученые любых специальностей могли бы найти там для себя что-то полезное. В условиях, когда существовало уже немало специализированных журналов, важно было иметь и такой, который бы освещал прогресс науки в целом.

Стажировки (AAAS Science and Technology Policy Fellowships) считают-

⁶ Интервью проводились в апреле-июне 2013 года в Вашингтоне, США. Научные общества, среди которых проводился опрос, включили AAAS, APS, ACS, ASM, AMS, the Society of Thoracic Surgeons.

⁷ *The Establishment of Science in America: 150 Years of the American Association for the Advancement of Science* / Sally Gregory Kohlstedt, Michael M. Sokal, Bruce V. Lewenstein. New Brunswick, New Jersey, and London: Rutgers University Press, 1999. P. 29.

ся одной из наиболее успешных инициатив общества, хотя формальной оценки результатов никогда не проводилось⁸. Программа популярна среди молодых ученых и положительно оценена работниками служб Конгресса, для которых стажеры представляют собой высокообразованных и при этом бесплатных помощников⁹.

Стажировки начались в 1973 году с семи участников. Сегодня (по данным на 2012 год) в программе участвует 279 человек¹⁰, которые проводят от года до двух в различных службах Конгресса и государственных ведомствах, помогая законодателям и чиновникам разбираться в вопросах научной политики. Характерно, что эту программу поддерживают обе политические партии США, а ее выпускники нередко выбирают новую карьеру, оставаясь работать в Конгрессе или различных ведомствах, финансирующих исследования и разработки. Это действительно особая форма участия ученых в политике, стимулирующая создание сетей и в какой-то мере если не облегчающая, то смягчающая взаимоотношения ученых и политиков. В настоящее время в программе участвуют 30 научных и инженерных обществ, отправляющих своих членов на стажировки через AAAS. При этом ассоциации и общества не преследуют цели проведения в жизнь своих интересов. Основная задача – привнесение научного компонента в процесс принятия политических решений.

Взаимодействие AAAS с властью развивалось неровно и прошло несколько важных этапов. Первоначально ассоциация стала очень активно участвовать в научной политике – в первые пять лет своего существования в правительство было направлено 14 резолюций, в которых высказывалась позиция преимущественно по вопросам реализации

отдельных проектов (например, геологических исследований, охраны природы, в частности защиты лесов). Позднее пришло понимание, что слишком активная деятельность в области взаимодействия с правительством может подорвать доверие к высказываниям ассоциации, и поэтому число комментариев на различные проекты законодательных и регулирующих документов снизилось и никогда не достигало уровня первоначальной интенсивности.

Важные изменения произошли в 70-х годах XX века, когда в ассоциацию разрешили вступать не только ученым. Это позволило наладить более тесное сотрудничество науки с другими сферами. В 1976 году, в развитие такой позиции, ассоциация ежегодно начала проводить анализ бюджетных ассигнований на исследования и разработки, и обзоры оказались очень востребованными. Это облегчило налаживание связей и общение с членами Конгресса, а также правительственными чиновниками из различных агентств, занимающимися бюджетными вопросами.

Анализ бюджетных ассигнований и расходов проводился на основе кооперации с другими научными обществами, и к середине 80-х годов сотрудничество настолько укрепилось, что была создана «Межобщественная рабочая группа» (Intersociety Working Group), которая в настоящее время включает более 20 организаций¹¹. Важность этой инициативы в том, что в США наука рассматривается во множестве комитетов и комиссий, и потому сложно сформировать консолидированную позицию. Федеральный бюджет на науку фактически определяется как сумма финансирования отдельных ведомств. Решения в отношении объемов финансирования тех или иных ведомств и агентств принимаются разными по-

⁸ Интервью с Аланом Лешнером (Alan Leshner), исполнительным директором AAAS. Вашингтон, 6 мая 2013 года.

⁹ Greenberg D. Science, Money, and Politics. Political Triumph and Ethical Erosion. Chicago and London: The University of Chicago Press, 2001. P. 448.

¹⁰ AAAS Annual Report 2012. P. 14 [http://www.aaas.org/publications/annual_report/2012/AAAS-AR_2012.pdf].

¹¹ Ibid. P. 153.

линиками, что сохраняет сложившиеся перекосы и затрудняет внесение серьезных изменений в бюджетную политику. Соответственно, не так много членов Конгресса фокусируется на науке как самостоятельной сфере деятельности. Большинство ставит решение вопросов в отношении науки в зависимости от того, что происходит в их штате или муниципалитете, реагируя в первую очередь на нужды конкретных университетов и лабораторий и не интересуясь тем, как улучшить функционирование сферы науки в целом¹².

Помимо AAAS, стоит выделить еще несколько научных обществ – специализированных по областям наук, – влияние которых, в том числе за счет их масштабов, на политику в области науки наиболее существенно. Это химическое, физическое, математическое общества, а также общество микробиологии.

Американское химическое общество – American Chemical Society – ACS

Одно из крупнейших обществ в Америке, насчитывает на сегодняшний день 169 тыс. членов, издает 39 научных журналов, в нем работает около 2 тыс. сотрудников (административный персонал). Подразделение по связям с государственными ведомствами (government affairs) появилось в 1965 году. С тех пор работа по этому направлению расширяется – сотрудники отдела готовят резолюции, участвуют в слушаниях в Конгрессе, высказывают свое мнение по различным вопросам научной и технологической политики, налоговой реформе, безопасности продовольствия и другим вопросам. С 1990 года деятельность подразделения была структурирована

в соответствии с выбранными приоритетами. Основными направлениями работы стали: образование, кадровые вопросы, охрана окружающей среды, бюджетные вопросы, технологическая политика¹³.

Особенностью ACS является наличие разветвленной сети участников «законодательных действий» (the Legislative Action Network), в которой состоит более 7 тыс. человек. Через эту сеть распространяется информация о новых законодательных инициативах правительства и Конгресса, а также осуществляется связь с чиновниками и конгрессменами¹⁴. Повсеместное распространение Интернета облегчило работу, поскольку многие вопросы стало возможным решать не лично, а используя электронные средства связи.

Стратегический план ACS на 2013 год и последующие годы (Strategic Plan for 2013 and Beyond) ставит одной из своих целей «объяснение общественности и политикам жизненно важной роли химии для ответа на возникающие вызовы»¹⁵. Для этого планируется активное участие Общества в целом и отдельных его членов в реализации гражданских инициатив, включая лоббирование, для продвижения науки, инжиниринга и инноваций внутри химической отрасли.

Американское физическое общество – American Physical Society – APS

В APS на сегодняшний день¹⁶ около 50 тыс. членов – физиков, работающих в университетах, национальных лабораториях и промышленности США и других стран. Формулировка миссии APS включает «сотрудничество с национальными научными обществами в целях прогресса науки, образования и научно-

¹² The Science of Science Policy: A Handbook / Ed. Kaye Husbands Fealing et al. Stanford, California: Stanford Business Books, 2011. P. 329.

¹³ The American Chemical Society at 125: A Recent History, 1976–2001 / Kenneth M. Reese, ed. American Chemical Society, 2002. P. 65.

¹⁴ Ibid. P. 74.

¹⁵ American Chemical Society: Strategic Plan for 2013 and Beyond [http://strategy.acs.org/includes/sp13.pdf].

¹⁶ По данным за 2012 год – 49653 члена.

го сообщества», что подразумевает реализацию различного рода гражданских инициатив, в том числе взаимодействия с правительством и Конгрессом.

В Обществе есть подразделение по законодательным вопросам (legislative affairs), которое представляет интересы физики и физиков в правительстве, Конгрессе и в стране в целом. Расходы на эти цели и программы составляют около 15% годового бюджета Общества (по данным за 2012 год)¹⁷.

Работа Общества по бюджетным вопросам проводится достаточно успешно. Так, следствием обращения Общества в Конгресс в связи с секвестром, которое было поддержано через региональную сеть (во всех 50 штатах представители Общества обратились с резолюциями во все 100 офисов Сената), стало то, что в 2012 году Конгресс и Белый дом согласились отложить секвестр на два месяца. Это позволило предотвратить 8-процентное сокращение бюджета¹⁸. Таким образом, Общество не только высказывает свою позицию, но эта позиция оказывается услышанной властями.

Американское математическое общество – American Mathematical Society – AMS

Американское математическое общество было образовано в 1888 году. На сегодняшний день членами AMS являются более 30 тыс. ученых и 570 организаций в США и за их пределами. В числе его ключевых задач – популяризация математики в обществе, включая правительственные ведомства и Конгресс. Вашингтонский офис AMS непосредственно занимается связями с государственными ведомствами, продвигая идеи науки и математики, в том числе

участвуя в составе коалиций в обсуждениях бюджета на науку. Была организована «сеть членов общества» (Grassroots Advocacy Network)¹⁹, для того чтобы отстаивать прирост бюджетных ассигнований в исследования и образование.

Американское общество микробиологии – American Society for Microbiology – ASM

Американское общество микробиологии выросло от 59 членов в 1899 году до 39 тыс. на сегодняшний день, из которых более трети находятся за пределами США. В Обществе представлено 26 дисциплин, имеющих отношение к микробиологическим исследованиям. Это самое крупное научное общество в области микробиологии. Одно из его подразделений – по связям с общественностью – занимается вопросами научной политики, общественного здоровья, клинических испытаний, охраны окружающей среды и другими вопросами, релевантными для микробиологии. Это подразделение выпускает резолюции, доклады, срочные сообщения по вопросам политики и другие информационные материалы²⁰.

Бюджеты научных обществ

Бюджеты научных обществ во многом основаны на том, что они издают известные в своей области журналы. Именно издательская деятельность является основным источником их доходов. Так, например, в Американском физическом обществе доходы от издательской деятельности составляют 75% бюджета²¹ (членские взносы – около 10%); Американском математическом обществе – более 70%²², Американском обществе микробиологии – около 65%²³, в AAAS

¹⁷ American Physical Society. 2012 Annual Report. P. 11.

¹⁸ Ibid. P. 4.

¹⁹ [http://www.ams.org/policy/government/advocacy/grassroots]

²⁰ [http://www.asm.org/index.php/programs2/public-policy]

²¹ American Physical Society. 2012 Annual Report. P. 11.

²² American Mathematical Society. Annual Report, 2011–2012. P. 6 [http://www.ams.org/about-us/annual-reports/Annual-Report11-12.pdf].

²³ [http://www.asm.org/index.php/governance/program-annual-reports]

Таблица 2. Источники финансирования AAAS в 2011–2012 годах, %

Источник	2011	2012
Доходы от издательской деятельности	50,0	49,2
Гранты и программы	29,0	30,2
Членские взносы	11,9	11,2
Лизинг, инвестиции и другое	9,1	9,4
ВСЕГО, тыс. долл. США	94,604	96,743

Источник: AAAS Annual Report 2012. P. 52 [http://www.aaas.org/publications/annual_report/2012/AAAS-AR_2012.pdf].

– приблизительно половину бюджета (табл. 2). Научные общества получают также поддержку от компаний и корпораций, поскольку их членами являются не только «академические» ученые, но и работающие в компаниях. Особенно это характерно для дисциплин, непосредственно связанных с промышленностью – например, в химическом обществе, микробиологическом обществе.

Темы дебатов

Основной темой при общении с властью является финансирование науки. Политическая активность обществ в этой сфере особенно возросла в последние несколько лет в связи с секвестром на науку. Второе направление взаимодействия – по темам, связанным с решением глобальных проблем – изменением климата, клонированием, различными медицинскими вопросами. Третья группа объединяет возникающие дискуссии по вопросам организации науки – например, открытого доступа к журнальным публикациям, экспертной оценки проектов, критериев оценки качества и результатов научной работы. Масштабы обществ имеют значение: «Когда мы говорим, что это мнение научного общества, в составе которого почти 170 тыс. членов, Конгресс к нам прислушивается»²⁴. Однако успешный процесс согласований – то есть такой, который при-

водит к внесению поправок к законам, – длительный, и обществам требуется терпение, для того чтобы дождаться результатов. По мнению представителя Американского физического общества, в среднем прохождение законодательного акта с поправками и предложениями от общества занимает 4–5 лет²⁵.

Следует отметить, что мнения высказывают как научные общества, так и их руководство – иногда в качестве самостоятельной позиции²⁶. Несмотря на то, что лидеры обществ выступают в данном случае как самостоятельные эксперты, то, насколько интересна их позиция, влияет и на имидж общества, которое они возглавляют. Общества и ассоциации стремятся, чтобы ключевые посты в них занимали влиятельные люди: только в этом случае удастся наладить конструктивный диалог с Конгрессом.

Оценка результатов взаимодействия с властью

Общества применяют разные подходы и методы для оценки результатов своих усилий по «информированию» власти. Некоторые из них – например, Американское общество микробиологии – используют формальные оценки, такие как аналитика Google (сколько человек прочло послание президента общества, сколько было скачиваний

²⁴ Интервью с Кэролайн Трапп Джил (Caroline Trupp Gil), помощником директора отдела по связям с правительством, Американское химическое общество. Вашингтон, 23 мая 2013 года.

²⁵ Интервью с Фрэнсисом Слейки (Francis Slakey), заместителем директора отдела по связям с общественностью, Американское физическое общество. Вашингтон, 20 мая 2013 года.

²⁶ Например, исполнительный директор Американского математического общества участвовал в дискуссии о том, каким должен быть советник президента по науке. См.: Science Advice for the Next President. Editorial // BioScience. 2008. October. Vol. 58. Issue 9. P. 798.

петиций или резолюций). Анализируется также активность на Facebook и отклик на нее²⁷. Американское химическое общество оценивает результаты рассылки писем, резолюций и прочих контактов – по тому, какой они дали результат²⁸. Американское физическое общество подходит к этому еще строже – позитивным результатом считается принятие поправок в законодательство²⁹. Наконец, AAAS оценивает успех неформально – по отдельным ситуациям, либо оценка не проводится – как, например, для стажировок. Однако в целом серьезного фокуса на количественную оценку нет. Как справедливо заметил Сэмюэл Ранкин III (Samuel Rankin III), директор вашингтонского офиса Американского математического общества, «деятельность по взаимодействию с Конгрессом является во многом волонтерской, и поэтому любой контроль может привести к тому, что ученые потеряют интерес к такого рода активности»³⁰.

Объединение в коалиции

Со временем научные общества и другие заинтересованные организации (в частности, университеты) стали объединяться в коалиции, чтобы совместно отстаивать интересы науки, полагая, что единый голос – это более эффективно. При этом многие не только небольшие, но и крупные научные общества входят в состав «зонтичных» организаций (коалиций, конфедераций), для которых участие в научной политике становится одной из основных функций³¹. Обычно коалиции специализируются на каком-либо виде

лоббирования, в основном по вопросам бюджетной политики в отношении того или иного ведомства. Примером может служить Коалиция национального финансирования науки (the Coalition for National Science Funding), основной целью которой является лоббирование бюджета Национального научного фонда США (ННФ). Одновременно она участвует в различных акциях, касающихся работы ННФ. Так, в мае 2013 года в ответ на предложение одного из конгрессменов скорректировать процесс экспертной оценки заявок на гранты коалиция подготовила письмо, которое подписали 110 организаций³², включая различные научные общества. В итоге инициатива по вмешательству в работу ННФ пока отложена, не в последнюю очередь благодаря объединенной позиции большого числа научных обществ. Не менее мощными являются коалиции, лоббирующие бюджет Национальных институтов здоровья.

Интернационализация

Отличительной чертой последних лет является растущая интернационализация научных обществ США, выражающаяся в росте удельного веса иностранных членов. Все общества заинтересованы в расширении международной деятельности. Наука становится все более транснациональной, в том числе в этом направлении развивается корпоративная наука, и исследования, проводимые в других странах, могут помочь развитию США. AAAS начала активно привлекать иностранных членов в начале 90-х годов, в том числе стало приветствоваться то, чтобы зарубеж-

²⁷ Интервью с Джейсоном Рао (Jason Rao), директором по международным связям, Американское общество микробиологии. Вашингтон, 8 мая 2013 года.

²⁸ Интервью с Кэролайн Трапп Джил (Caroline Trupp Gil), помощником директора отдела по связям с правительством, Американское химическое общество. Вашингтон, 23 мая 2013 года.

²⁹ Интервью с Фрэнсисом Слейки (Francis Slakey), директором вашингтонского офиса Американского математического общества. Вашингтон, 24 мая 2013 года.

³⁰ Интервью с Сэмюэлем Ранкин III (Samuel Rankin III), заместителем директора отдела по связям с общественностью, Американское физическое общество. Вашингтон, 20 мая 2013 года.

³¹ Pollard T.D. Life Scientists and Politics in the United States // Nature Reviews. Molecular Cell Biology. 2001. December. Vol. 2. P. 930.

³² American Institute of Physics. Bulletin "FYI". 2013. May 22. No. 95.

ные ученые представляли свои статьи в редакцию журнала Science. Сегодня в AAAS около 20% членов – иностранные ученые. AMS с 1989 года привлекает иностранных членов, в том числе снижая размеры членских взносов для ученых из Восточной Европы. В APS иностранные члены составляют 22%, притом что 70% публикаций в Physics Today подготовлено зарубежными учеными³³.

В то же время при растущем числе иностранных членов снижается лоббистский потенциал обществ, поэтому в настоящее время они все более задумываются о том, как найти баланс, который позволит продолжать отстаивать национальные интересы.

Лоббистская роль университетов

Наряду с ассоциациями все активнее заявляет о себе еще один лоббист интересов науки – университеты. В США существует шесть крупных университетских ассоциаций, которые играют ключевую роль в отстаивании позиции университетов. Среди них выделяется Ассоциация американских университетов (the Association of American Universities – AAU) – она наиболее элитная, так как ее членами являются ведущие исследовательские университеты страны. Сейчас в Ассоциацию входит 60 американских университетов, а также два канадских университета³⁴. В них работает 35% всех Нобелевских лауреатов, среди выпускников университетов – членов AAU – 230 членов 113-го Конгресса, 12 членов Кабинета, 24 губернатора. В них работает 63% академиков национальных академий наук США. Многие университеты стремятся попасть в эту ассоциацию, но она старается сохранять свой «элитный» статус

и неохотно принимает новых членов. Действительно, Ассоциация зависит от коллективной репутации своих университетов-членов, а не от того, сколько университетов входит в ее состав.

Университеты не сразу стали сильными лоббистами. После Второй мировой войны, особенно в 50-е и 60-е годы, они могли себе позволить быть «худшим лобби в Вашингтоне», поскольку в период холодной войны в университеты направлялись существенные ресурсы³⁵. В дальнейшем ситуация изменилась, и надо было приобретать навыки общения с политиками. В отличие от научных ассоциаций компонент именно лоббирования (преимущественно своих бюджетов на науку) в университетах выражен сильнее. Вместе с тем, вступая в коалиции, они усиливают влияние «гражданского общества» в американской науке.

Процесс согласований: взгляд трех сторон

Научные общества и ассоциации, а также их коалиции взаимодействуют как с ведомствами, занимающимися поддержкой науки, так и с представителями законодательной власти. Как правило, общества и ассоциации позиционируют себя в качестве партнеров правительственных ведомств – они отстаивают прирост их бюджетов, согласуют различные акции, сверяют позиции по ряду вопросов научной политики. Более того, общества нередко получают финансирование от ведомств – например, на стажировки молодых ученых либо на проведение исследований, издание учебно-образовательной литературы и другие проекты. В свою очередь ведомства обращаются к обществам, когда им требуется получить оценки по тем или иным вопросам – например, по качест-

³³ *McMurtrie B.* America's Scholarly Societies Raise Their Flags Abroad // *Chronicle of Higher Education*. 2000. January 28. Vol. 46. Issue 21. P. A53.

³⁴ AAU by the Numbers. April 2013.

³⁵ *Cook C.E.* Lobbying for Higher Education: How Colleges and Universities Influence Federal Policy. 1st ed. Nashville and London: Vanderbilt University Press, 1998. P. 11.

ву образования в той или иной дисциплине (химии, математике, физике).

Есть и ведомства, проводящие специальную политику по сотрудничеству с научными обществами. Так, Государственный департамент США заинтересован в развитии так называемой «научной дипломатии»³⁶ – распространении через научное сообщество, включая различные диаспоры, американских ценностей. Общества в данном случае становятся «агентами влияния», в том числе в среде своих иностранных членов.

Отношения научных обществ с законодательной властью имеют несколько иную природу. Общества, обращаясь к членам Конгресса, стараются убедить их в своей правоте. При этом в ряде случаев общества могут становиться оппозицией – это зависит от решаемого вопроса, а также от политической конъюнктуры. Со своей стороны, члены Конгресса далеко не всегда принимают во внимание мнение представителей научных обществ и ассоциаций. При этом, согласно проведенным интервью, влияние той или иной организации необязательно определяется ее размером. Важнее то, как выстраиваются отношения с членами Конгресса, какие аргументы используются для обоснования своей позиции, изложены ли они на понятном для политиков языке. Наибольшего успеха обычно добиваются те организации, которые смогли установить на личностном уровне долгосрочные и доверительные отношения. Наблюдение таких отношений занимает в среднем 3–4 года, и таким образом развитие связей обществ и ассоциаций с политиками – процесс длительный и последовательный.

Наконец, общества в своей работе объединяют усилия с другими стейк-

холдерами – например, промышленными компаниями. У бизнеса свои интересы и цели, однако можно достичь консенсуса, и тогда крупный бизнес отстаивает в Конгрессе консолидированную точку зрения. Этот подход особенно эффективно используется обществами, среди членов которых много представителей отраслевой науки³⁷.

Таким образом, общества могут выступать связующим звеном самых разных групп интересов – университетов, промышленности, исполнительной власти – поэтому можно говорить о том, что они – инструмент согласования разных позиций, а не только продвижения своих собственных взглядов. Именно это делает научные общества и ассоциации необходимым элементом инновационной системы, обеспечивающим ее связанность.

Российский опыт формирования научных обществ

«Гражданское общество» в российской науке исчезло в советский период. В дореволюционной России научные общества динамично развивались и были разнообразными – от небольших любительских организаций до крупных профессиональных ассоциаций (таких, например, как Русское химическое и Русское физическое общества). В 1910 году была создана Русская ассоциация для развития науки – по модели аналогичных структур в США и Великобритании. К 1917 году в России действовало свыше 300 научных обществ³⁸. Они все больше приобретали характер профессиональных объединений, влияя на развитие исследований и привлекая общественный интерес к науке.

³⁶ Интервью с Вильямом Колглейзером (William Colglzier), советником Госдепартамента по науке и технологиям. Вашингтон, 10 мая 2013 года.

³⁷ Например, в Американском химическом обществе 60% членов – из научных подразделений промышленных компаний. Источник: Интервью с Кэролайн Трапп Джил (Caroline Trapp Gil), помощником директора отдела по связям с правительством, Американское химическое общество. Вашингтон, 23 мая 2013 года.

³⁸ Левин А. Наука в России на пути к формированию гражданского общества // Философские исследования. 1993. № 4 [http://russcience.euro.ru/papers/lev93sp.htm].

После революции достаточно быстро произошло полное огосударствление науки, и поэтому элементы «гражданского общества» должны были погибнуть. Это не означает, что были закрыты научные общества – но их цели и задачи радикально изменились. Из независимого голоса, выражающего взгляды научного сообщества, они превратились в структуры, обслуживающие власть. Например, в уставе Всесоюзного химического общества среди основных целей деятельности значилось «содействие развитию исследовательской мысли во всех областях химической науки на основе марксистско-ленинского мировоззрения»³⁹. В 1954 году, после издания постановления ЦК КПСС «О научных и инженерно-технических обществах»⁴⁰, они окончательно потеряли самостоятельность: им был предписан перечень задач, которые нужно было решать, а сами они были переданы в подчинение ВЦСПС⁴¹.

Первую попытку «возрождения» децентрализации науки можно связать с учреждением в 1989 году Санкт-Петербургского союза ученых (СПбСУ). Это было незадолго до распада СССР, когда активизировались различные движения и обсуждались демократические преобразования. Тогда же шла дискуссия о преобразовании Академии наук в почетное общество, по образцу Национальных академий в США⁴². СПбСУ действует и в настоящее время, однако численность его членов не так велика – около 1 тыс. человек⁴³. Вместе с тем следует отметить, что СПбСУ, имея наиболее длительную историю среди постсоветских научных обществ,

занимающихся вопросами научной политики, успел сделать немало, особенно принимая во внимание то, что Союз существует преимущественно за счет членских взносов и достаточно скромных грантов российских научных фондов⁴⁴. В частности, СПбСУ был одним из учредителей Европейского университета в Санкт-Петербурге, а в 2008 году начал издавать научно-популярный журнал.

Новый всплеск гражданской активности ученых произошел только в 2011–2012 годах, когда было создано сразу две общественные организации – Российская ассоциация содействия науке (РАСН) и Общество научных работников (ОНР). Формально две организации похожи и имеют основной целью содействие развитию науки и ее популяризации в обществе. Однако по сути это две разные структуры. Одна – воплощение попытки самоорганизации научного сообщества (ОНР), вторая – созданная по инициативе «сверху» структура, тесно ассоциированная с Общественной палатой и другими властными структурами (РАСН).

ОНР было стихийно учреждено в феврале 2012 года во время семинара в Институте общей физики РАН⁴⁵, и сначала в него входило всего 20 человек. В состав ОНР было решено принимать только тех, кто может подтвердить свой научный статус – числом и качеством публикаций. Членами ОНР могут стать не ученые, а, например, научные журналисты – но тогда требуется рекомендация двух членов Общества. ОНР сразу сконцентрировалось именно на вопросах научной политики – было проведе-

³⁹ Русанов А.И. Российское химическое общество на пороге XXI века [<http://www.chem.msu.su/rus/jvho/1998-3/rusan.html>].

⁴⁰ [<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=18921>]

⁴¹ ВЦСПС – Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов.

⁴² Graham L., Dezhina I. Science in the New Russia: Crisis, Aid, Reform. Indiana University Press, 2008. P. 12–17.

⁴³ По данным на 2009 год [<http://www.spass-sci.ru/hronik/>].

⁴⁴ Боркин Л.Я. Заповедник энтузиастов // Санкт-Петербургские ведомости. 2010. 15 января [http://www.spbvedomosti.ru/guest.htm?id=10263815@SV_Guest].

⁴⁵ Волčkova Н. В расчете на взаимность. Ученые снова пытаются объединиться // Поиск. 2012. 16 марта. № 10–11 [<http://www.poisksnews.ru/theme/science-politic/3052/>].

но немало акций, написаны обращения и резолюции по вопросам, касающимся работы Министерства образования и науки, Российского фонда фундаментальных исследований, оценки качества диссертаций, отдельных нормативно-правовых актов. Численность ОНР резко возросла в июле 2013 года, когда стало известно о планах реформирования системы государственных академий наук, и ОНР заняло очень активную общественную позицию. В настоящее время в него входит почти 500 человек⁴⁶, что составляет 25-кратный прирост всего за полтора года существования общества. ОНР, как и СПбСУ, рассчитывает преимущественно на членские взносы, однако пока оно не имеет юридического лица, и потому членские взносы еще не собирались.

В то же время в ОНР могло бы быть больше членов, если бы оно пошло по пути развития профессиональных научных обществ и постепенно преобразовалось из политического, реагирующего практически исключительно на инициативы правительства, в общество, активно занимающееся популяризацией науки и ее результатов, обсуждением научных проблем вне связи с государственной политикой.

РАСН изначально задумывалась как влиятельная организация, создаваемая по модели AAAS и имеющая представительства в 51 регионе России. Прием в РАСН осуществляется по рекомендации двух членов организации, однако в отличие от ОНР, никакого формального ценза, позволяющего оценить научные заслуги соискателей, нет. Ее инициатором выступил академик Е.П. Велихов, а в ее Президиуме⁴⁷ — два ректора и член-корр. РАН

М.В. Ковальчук — хорошо известная и неоднозначная фигура в российском научном сообществе. В составе РАСН немало членов РАН⁴⁸, и в целом она позиционирует себя не столько в качестве борца за права ученых, сколько в качестве эксперта-аналитика, подготавливающего для органов государственной власти доклады по тем или иным проблемам развития науки. Так, РАСН за время своей работы⁴⁹ обнародовала два больших документа, подготовленных в академическом стиле, содержание которых свидетельствует о том, что они не свободны от взглядов и предпочтений членов Президиума, — «Материалы к вопросу о состоянии российской науки»⁵⁰ и «Состояние научной инфраструктуры в РФ»⁵¹.

РАСН достаточно пассивно реагировала на острые события, регулярно происходящие в российской науке, и этим, по всей видимости, объясняется то, что между ОНР и РАСН практически нет никакого взаимодействия.

Обе организации пока малочисленные, и отчасти это свидетельство того, что ученые в основном интересуются своими областями наук, а не политической деятельностью. Тех, кто готов сочетать одно с другим, меньшинство, что подтверждает и американский опыт. Проблема еще и в том, что специализированные (по дисциплинам) научные общества в России не возрождаются, поскольку собственно научное сообщество стало намного слабее. Кадровые проблемы, «утечка умов» — все это с неизбежностью сказалось на состоянии науки, и это же является источником серьезной проблемы, касающейся сложности налаживания объективной экспертизы научных проектов.

⁴⁶ По данным на конец августа 2013 года.

⁴⁷ [<http://russian-science.com/c/peoples>]

⁴⁸ Текущая численность членов РАСН неизвестна, а по данным на январь 2012 года в ней состояло немногим более 200 человек. См.: Боровикова Е. Ученые снова пытаются объединиться. 2012. 26 января [http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=44806#.UiNf_j-BZhk].

⁴⁹ Устав РАСН был утвержден 28 ноября 2011 года.

⁵⁰ Декабрь 2012 года [http://russian-science.com/files/file/survey_051212.pdf].

⁵¹ Аналитический доклад по итогам общественных слушаний РАСН. 2013. 15 апреля [<http://russian-science.com/files/file/infrastrukturanaukirekomendacii.pdf>].

Уроки для России

Анализ российской ситуации показывает, что американский опыт нужен России скорее как потенциально полезное знание, но практически применимы пока только отдельные его элементы. В России общества еще очень малочисленные, и поэтому, несмотря на активную гражданскую позицию, их голос не может быть не только определяющим, но даже и существенно влияющим на процесс принятия решений. Специализированных научных обществ в России нет, и общества-одиночки – ОНР и РАСН – к тому же мало взаимодействующие между собой – это недостаточно влиятельная сила.

Подходы к согласованию интересов с властью в США и России отчасти похожи – многое базируется на личных связях, многолетних контактах. Здесь влияние политической системы минимально, и наблюдаемое сходство объясняется в первую очередь нормами общественного поведения. В то же время в России воспроизведение формальных норм лоббирования маловероятно, так как это может быть расценено как проникновение в Россию «агентов влияния», западной политической идеологии.

Вместе с тем налаживание сотрудничества российских и американских обществ в области науки и ее популяризации вполне реалистично, и через такие взаимодействия можно было бы отлаживать структуру российских профессиональных обществ.

История развития AAAS показывает, что слишком активная политическая деятельность, интенсивный выпуск

резолуций и высказывание мнений по любым вопросам научной политики вредит репутации. Важно сосредоточиться на ключевых вопросах и по ним проводить последовательную работу. Для новых российских научных обществ есть риск избыточного реагирования на фактически любой правительственный проект. Это снижает шансы быть услышанными.

Еще один немаловажный аспект – это способ продвижения идей, высказывания позиции. Как показывает американский опыт, при общении с властью аргументы должны быть представлены как обоснование блага не только и не столько для науки, но и для общества в целом, либо для решения каких-либо острых проблем (например, охраны окружающей среды). При этом эффективной тактикой, позаимствованной из опыта США, может быть то, чтобы наряду с обществами выступали в одном альянсе другие заинтересованные стейкхолдеры – университеты, студенческие союзы, в ряде случаев – промышленные компании. Теоретически это должно способствовать тому, чтобы голос «гражданского общества» в науке стал более влиятельным.

Можно говорить о том, что отсутствие «гражданского общества» – это одна из причин стагнации российской науки. Однако ему сложно развиваться в условиях, когда репутационные аспекты для представителей органов власти сведены к минимуму и мало влияют на то, какие решения и каким образом они принимают. Поэтому шансы на то, что голос «гражданского общества» будет услышан и принят во внимание, пока остаются невысокими.

**Александр Валентинович
Оболонский,**
доктор юридических наук,
профессор Национального
исследовательского университета
«Высшая школа экономики», former
Kennan Institute Galina Starovoitova
Fellow

Право граждан на уличный протест и полиция: опыт США

*Недоверие к власти должно быть
первейшим гражданским долгом.
Дуглас Норт*

*Настоящий патриот всегда должен
быть готов защитить свою страну от
своего правительства.
Эдвард Эбби*

Благодаря гранту имени Галины Старовойтовой прошлую осень и начало зимы я провел в Институте Кеннана. Широкая формулировка темы моего проекта – «К новой модели отношений между государством и обществом: реформы государственной службы как ответ на вызовы гражданского общества» – предполагала анализ достаточно большого круга вопросов государственно-политической жизни современной Америки. В их число входили и такие на первый взгляд мало связанные вещи, как состояние федеральной государственной службы и попытки преодолеть кризис традиционной бюрократической модели управления, президентская избирательная кампания, протестные движения и акции политических активистов, взаимоотношения так называемых «оккупантов» с полицией и многое другое. Настоящая статья посвящается двум последним из названных проблем.

Исследование, положенное в основу данной статьи, было частично выполнено благодаря гранту имени Галины Старовойтовой, полученному на конкурсной основе и финансируемому Бюро образовательных и культурных программ Госдепартамента США. Работа производилась в Институте Кеннана Международного научного центра имени Вудро Вильсона. Ни одна из названных организаций не несет ответственности за высказанные в статье взгляды.

Общемировой характер проблемы

Вынесенные в эпиграф слова выдающегося американского экономиста, нобелевского лауреата Дугласа Норта передают, на мой взгляд, суть современных политических протестов, отражая принципиальный сдвиг, происходящий в последние пару десятилетий в сознании широких масс людей по всему миру. Проблематика уличных протестных акций приобрела в настоящее время особую актуальность. Волны массовых политических демонстраций прокатываются по городам самых разных стран – богатых и бедных, демократических и авторитарных. От традиционных «революций» их отличает то, что главной движущей силой протестов стали не самые бедные, не самые обездоленные, а наиболее продвинутые носители гражданского самосознания вне зависимости от их материального положения и социального статуса. Словом, не пролетарии в традиционном марксистском смысле слова, а в основном средний класс. Это во многом определяет и характер акций – подчеркнуто мирных, а зачастую и с элементами карнавала. Политики пока плохо понимают, как реагировать на этот новый по формам вызов гражданского общества.

Актуальность этой проблематики для современной России, особенно после жестокого разгона демонстрантов 6 мая 2012 года и цепочки других запретительно-карательных мер того же плана, не вызывает сомнения. Тем более интересным будет узнать, как подобные вопросы решаются по другую сторону Атлантики – в демократии не имитационной, а реальной. В этой статье мы расскажем как о законодательном регулировании массовых акций протеста в США, так и о поведении демонстрантов и полиции. Объект нашего обзора ограничен по месту и времени. Это в основном события в США осенью 2011 года, хотя законодательное регулирование, разуме-

ется, выходит далеко за эти временные рамки. Политическая направленность протестов – тема, заслуживающая отдельного разговора. Мы в данном случае затронем ее минимально, сосредоточившись на реальных действиях «окуппантов» и реакции полиции.

Протестные идеологии: краткий обзор

Все же необходимо кратко обозначить содержательные аспекты протестов, основные краски их весьма широкой палитры. Главный объект критики – крупные корпорации и банки, по мнению протестующих, не только спровоцировавшие финансовый и экономический кризис, но и заставляющие «простых людей» расплачиваться за его последствия. Эту позицию отражает лозунг: «Нас 99%!» «Нью-Йорк Таймс» в редакционной статье так определила ситуацию: «Чрезмерное неравенство доходов угрожает создать из части среднего класса устойчивый низший класс, состоящий из способных и волевых, но не имеющих работы людей – поколение потерянных возможностей (generation of lost opportunity)»¹.

Силен в протестах и либертарианский дух. Он традиционен для Америки, но новый импульс ему придала компьютерная эра. Связанный с ней поворот в сторону технократического управления либертариисты считают ложным, типовым путем. Идеологическим центром этого направления является Институт Катона. Вот что, например, пишет автор одной из вышедших под эгидой Института работ: «Технологические достижения создали мир, где правительства могут быть больше не нужны... Новые технологии дали людям новые возможности... В информационный век планирование невозможно... Экспансия государственной власти не освобождает людей от необходимости контроля над ней. Правительство не может нарушать естественные неотчуждаемые права

¹ Editorial // New York Times. 2011. October 8.

и свободы, и люди вправе сопротивляться тираническому репрессивному правительству... Государство – великая фикция, в рамках которой каждый старается жить за счет другого»². Впрочем, либертаризм (кроме совсем уж крайних его версий) отнюдь не предполагает анархизма. Его главный пафос – не отмена государства, а его серьезная перестройка на принципах самоорганизации людей, открытости, горизонтальности и максимального ограничения роли лидеров и иерархии³.

Порой либертаристскую идеологию пытаются связать с недавно возникшим в правом крыле Республиканской партии движением Tea Party из-за его риторики, направленной против «большого правительства». Но, на мой взгляд, и по своему интеллектуальному уровню, и по своей политической крайне консервативной направленности, и по взглядам его адептов оно – феномен явно другого, более низкого уровня и характера⁴.

Гораздо более серьезными представляются моральные, не связанные напрямую с какими-либо политическими силами, но при этом достаточно массовые и охватившие едва ли не все главные города страны акции «оккупантов», тон в которых задавали образованные, интеллектуально продвинутые гражданские активисты, в основном принадлежащие к «среднему классу». При неизбежных для людей этого типа идейных расхождениях и спорах их, помимо экономических проблем, объединяло и другое, на мой взгляд, не менее важное: задевшее чувство собственного достоинства, гражданская ответственность, гуманистические ценности, ненасильственная

тактика. Их политические взгляды заслуживают специального уважительного анализа, благо материал для этого в Интернете легко найти.

Правовой аспект

Первая поправка американской Конституции гласит: «Конгресс не должен издавать законов, устанавливающих какую-либо религию или запрещающих ее свободное вероисповедание, либо ограничивающих свободу слова или печати или право народа мирно собираться и обращаться к правительству с петициями об удовлетворении жалоб»⁵. Нас в данном случае интересует заключительная часть поправки. Конституция изначально и совершенно недвусмысленно установила приоритетность свободы слова и собраний как базовой ценности и запрет властям на нее покушаться, в том числе изданием каких-либо ограничительных законодательных норм. Иными словами, фундаментальные права и свободы людей выше всего остального. Такова базовая отправная точка американского конституционализма.

Разумеется, проблема не так уж проста. Как говорил когда-то Вольтер, «Ваша свобода размахивать руками ограничивается расстоянием до моего носа». То есть свободы и права разных граждан и их групп могут входить в противоречие друг с другом. Помимо этого, политическая реальность порой вынуждает правительство идти на определенные ограничения гражданских свобод. А еще чаще правительства, прикрываясь якобы «высшими» интересами, злоупотребляют своими прерога-

² Doherty B. Radicals for Capitalism. Washington, 2006.

³ Rathke W. The Global Substructure Beneath the Occupy Movement // Social Policy. 2011. Winter.

⁴ Davidson A. Ron Paul or Gury Johnson? Division in the Liberty Movement // The Liberty Crier. 2012. September 2; Kelly K. Tea Party and Occupy phonies // The Washington Times. Communities. 2012. July 2 [http://communities.washingtontimes.com/neighborhood/remnant/2012/jul/2/tea-party-occupy-phonies-ron-paul-liberty-movement/].

⁵ Конституции зарубежных государств. М., 1997. С. 30. Замечу, что, на мой взгляд, этот утвердившийся еще с советских времен перевод несколько смягчает смысл поправки. Последние слова – “redress and grievances” – можно перевести и как «устранение повода для недовольства (вариант – жалобы)». Да и слово «петиция» (petition) в американском политическом контексте значит не просто жалобу, а содержит оттенок требовательности. Иными словами, народ не челобитную подает, а скорее высказывает правительству свое недовольство тем, как оно ему служит. Словом, другая политическая культура, которой и нам, если мы считаем себя европейцами, неплохо поучиться.

тивами и ограничивают права одних в угоду интересам других, а нередко даже просто в угоду личным или групповым эгоистическим интересам причастных к власти лиц. Американская история, как и любая другая, в этом отношении тоже порой бывала отнюдь не идеальна. Однако в конечном счете гражданские свободы как высшая ценность всегда торжествовали. Хотя добиться этого бывало непросто. Известная фраза “Freedom is never free”, вряд ли требующая перевода, максимально лапидарно отражает реалии политической истории США.

Проблематика эта неоднократно обсуждалась в судах, решения которых в США, как известно, являются одним из источников права. Адекватный обзор ее современного состояния содержится в так называемой ‘Lectric Law Library’⁶. Обратимся к нему. «Верховный суд указал, что в публичных местах следует проявлять максимальную терпимость даже к оскорбительным и грубым речам, чтобы обеспечить воздушное пространство (так в оригинале. – А.О.) свободам, защищаемым Первой поправкой. В этой связи перед полицией возникают сложные проблемы двойного характера ответственности: необходимость обеспечить и права протестующих, и определенный порядок»⁷. Процитированная статья дает обзор судебных решений на этот счет. Они основаны на трех принципах: (1) следует обеспечить высокий уровень защиты политических речей в традиционных местах публичных форумов, по отношению к которым запреты общего характера (blanket prohibitions) антиконституционны; (2) определенные ограничения по времени и месту допустимы, только если они безотносительны к содержанию выступлений, конкретно связаны с существенными правительственными интересами и оставляют

альтернативные возможности для произнесения этих речей; (3) ограничения возможны в случае, если речи или поведение протестующих порождают незаконные действия, такие как нарушение определенных границ (trespassing) или насильственное вовлечение случайных или незаинтересованных наблюдателей (captive audience). Поясним на примере, что имеется в виду: суд во Флориде установил 12-метровую буферную зону для протестующих против абортов перед северо-западным крылом клиники, производящей аборты, а также запретил «запугивание пациентов и персонала устрашающими визуальными образами и избыточным усилением звукового и шумового эффекта», производимого протестующими. Но суд в Калифорнии в аналогичной ситуации счел установление 100-метровой буферной зоны перед клиникой мерой избыточной»⁸.

Важна судебная оговорка, что любая норма, допускающая какое-либо произвольное усмотрение и жестко не связанная с местом и временем протестной акции, содержит потенциал для подавления определенной точки зрения и потому неконституционна в своей основе. Также подвергается критике и само право исполнительной власти решать, необходимо ли в том или ином случае согласовывать с ней проведение протестной акции⁹.

Действия гражданских активистов и реакция полиции

Наибольшую известность, по крайней мере за пределами США, получили события осени 2011 года в Нью-Йорке, на южной оконечности Манхэттена, где от нескольких сот до двух тысяч человек (точные цифры назвать невозможно, ибо число и состав «окупантов» меня-

⁶ ‘Lectric Law Library. Controlling Public Protest: First Amendment Implications. Lectlaw.com. 1994–2012. Сайт этот полезен еще и тем, что содержит выходы на все законодательство, связанное с правозащитной тематикой.

⁷ Article by Daniel L. Schofield – chief legal instructor Unit at FBI Academy.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid.

лись) расположились палаточным лагерем в так называемом Зукотти-парке и оставались там в течение нескольких месяцев. Их главным лозунгом было «Захвати Уолл-стрит». В поддержку протестующих 5 октября марш солидарности числом около 15 тыс. человек двинулся к парку от площади Фоли через Бруклинский мост и далее в направлении юга Манхэттена.

Несмотря на законный характер марша, первая реакция городских властей была весьма жесткой и нервической: полиция теснила демонстрантов, произвела задержания и, по свидетельству корреспондентов «Гардиан» и телестанции «Фокс», даже применила против них перестрелку. Однако это вызвало бурную встречную реакцию публичного возмущения и вовлекло в протесты множество новых людей, причем не только в Нью-Йорке. Пожалуй, наиболее четко и лапидарно смысл этого возмущения был сформулирован в следующих словах: «Полицейское насилие по отношению к спокойно сидящим в ряд людям есть грубое злоупотребление властью. При виде этого наша “коллективная кровь” (collective blood) закипела вне зависимости от того, согласны мы с протестующими или нет. И протест против экономического неравенства быстро перерос в протест против полицейского государства»¹⁰. Что касается полиции, то дополнительную остроту и «пикуантность» ситуации придавало то обстоятельство, что буквально за несколько недель до событий один из крупнейших банков – Дж.П. Морган Чейз – перечислил в городское управление полиции беспрецедентную сумму – 6,4 млн долл. – на ее технологическое переоснащение¹¹. Похожие события произошли 11 октября и в Бостоне, где полиция тоже применила против демонстрантов силу и тоже произвела аресты¹². Правда, там

сведений о дополнительной «подкормке» полиции нет.

И тут очень показательна реакция властей. Уже на следующее утро президент Обама, которого спросили на пресс-конференции о его отношении к происшедшему, сказал: «Я думаю, что люди разочарованы и поднимают голос в связи со своим более общим разочарованием тем, как работает наша финансовая система. Американцы понимают, что не все соблюдают правила, и Уолл-стрит – тому пример». Он также подверг несколько завуалированной критике действия нью-йоркских властей, заявив: «В эти дни многие люди, поступавшие правильно, не были поддержаны, а многие, поступавшие неправильно, были поощрены» (о «поощрении» см. чуть ниже). Далее президент высказал критические замечания в адрес финансовой системы за «скрытые выплаты и обманывающие цены», но, естественно, поддержал финансовую систему как таковую, подчеркнув, что «сильный финансовый сектор необходим для роста экономики».

В другой аудитории ему вторил вице-президент Джо Байден. После этого и мэр Блумберг, вряд ли испытывавший особые симпатии к протестующим, тоже был вынужден заговорить о чрезмерных заработках людей с Уолл-стрит, а также о действиях полиции, которые он, как мог, но не слишком убедительно, оправдывал. Мэр Бостона Томас Мерано выступил хотя и двойственно, но по существу с моральной поддержкой протестующих. Оговорившись для начала, что «гражданское неповиновение не будет терпеться», он тут же практически солидаризировался с позицией манифестантов, сказав, что согласен с их посланием и что всю свою карьеру посвятил борьбе с теми же самыми несправедливостями со стороны корпораций и т. п. С поддержкой права граждан

¹⁰ Forbes. 2011. November 19.

¹¹ The Guardian. 2011. October 6.

¹² См. блог American Constitutional Society for law and policy за 12 октября 2011 года с подробным пересказом интервью, данном газете «Бостон глоб» юридическим наблюдателем на акции, где, в частности, говорится: «...действия полиции ежедневно напоминают нам, что она больше не защищает американский народ и служит не ему, а больше благополучию и власти 1%».

на мирный протест сразу же выступили Национальная гильдия юристов и Союз американских гражданских свобод.

Протесты тем временем расширились, и уже на следующий день полиция повела себя совершенно иначе. Стражи порядка прибыли в парк, видимо, с намерением предпринять какие-то действия против лагеря и даже попробовали применить переносный газ против сидевших в ряд демонстрантов, но встретили такой взрыв массового возмущения стоявших вокруг, что просто растерялись, а затем отступили, сопровождаемые улюлюканьем и скандированием «Позор вам!», «Уходите!» и др.¹³ В итоге лагерь в Зукотти-парке простоял около пяти месяцев и был ликвидирован лишь следующей весной по санитарным соображениям. К тому же он и сам к этому времени, уже заявив о себе максимально громко и широко, постепенно выродился в своего рода «тусовку» неприкаянных людей.

По несколько иному, более любопытному и, на мой взгляд, имеющему общее значение сценарию события разворачивались в столице – Вашингтоне, где полиция отказалась применять репрессии по отношению к манифестантам. Чтобы объяснить причину этого, нам нужно сначала вернуться на 12 лет назад – в 2000-й год. Тогда в городе проходило очередное заседание Всемирного банка, штаб-квартира которого там находится. Ему предшествовало несколько международных встреч в Америке и Европе, сопровождавшихся массовыми протестными акциями, которые, к сожалению, не обошлись без отдельных актов вандализма. Со стороны полиции тогда были предприняты избыточные меры безопасности, а также оказано не всегда целенаправленное и умеренное противодействие. Поэтому к мероприятию в Вашингтоне готовились заранее обе стороны – и протестующие, и полиция. Протестующие, в основном молодежь, съезжались

в столицу со всей страны и частично размещались в студенческих общежитиях. Полиция, действуя в рамках своей охранительной логики, превентивно задержала на краткое время несколько сот человек, в основном приезжих. Впрочем, затем события происходили по вполне мирному сценарию. Квартал, где расположен банк, был полностью оцеплен полицией, а по периметру оцепления расположились, в основном сидя на мостовой, демонстранты с лозунгами и «речевками». Полиция вела себя по отношению к ним более чем терпимо – это мое личное наблюдение. На второй или третий день демонстранты провели многотысячный марш с лозунгами (причем самого разного политического содержания) по так называемому «эллипсу», т. е. прямо перед Белым домом. Полиция пребывала там в самом минимальном количестве и сугубо в качестве наблюдателей. Помимо этого, вдоль Конститушн-авеню было установлено несколько десятков больших «армейских» палаток, внутри которых стояли длинные столы, за которыми происходили спонтанные дискуссии вокруг «горячих» тем и в которых мог принять участие любой пришедший. (Уровень этих обсуждений, заметим попутно, если и уступал профессиональному, то незначительно.)

Но для нашего сюжета главное состоит в том, что произошло потом: превентивно задержанные (и, разумеется, вскоре и без последствий для них освобожденные) люди в массовом порядке подали иски в суды за незаконное задержание с требованиями моральной компенсации. И суды признали их правоту, а город был вынужден выплатить людям многомиллионные штрафы! После этого руководство полиции было уволено, а в ее рядах произведена серьезная кадровая чистка. Полиция урок, преподанный ей системой правосудия, усвоила, что в полной мере проявилось осенью 2011 года.

¹³ Эти события есть на восьмиминутном видео, очень впечатляющем и поучительном, на мой взгляд [http://www.youtube.com/watch?v=WmJmmnMkuEM&feature=player_embedded].

Вот краткое описание событий. В Вашингтоне сложилось множество различных групп недовольных. Их перечень составляет около сорока названий. В начале октября часть из них собралась на Фридом-плаза, другая – на Макферсон-плаза. Площади эти стали как бы постоянными базовыми площадками для разнообразных действий демонстрантов. Например, в один из дней около 2 тыс. человек прошли маршем по направлению к Белому дому. Власти этот марш не санкционировали, но и не препятствовали ему. В другой день состоялся марш по более длинному маршруту – к мемориалу Мартина Лютера Кинга. В третий – к Музею авиации и космоса. Лозунгов было много и самых разных. Вот только несколько для примера: «На выборах нас никто не представляет – и это плохая новость для Обамы», «Остановите Машину», «Нужды людей, а не жадность корпораций», «Основы шатаются», «Нас слишком много, чтобы проиграть», «Мы – народ» и т. д.

Помимо маршей делалось и многое другое. На Макферсон-плаза большая группа людей сложила из себя число 99. Время от времени производилось символическое закрытие расположенных на площади и поблизости контор главных, по мнению протестующих, виновников – Палаты коммерции, Банка Америки, Ситибанка... Прошла конференция, посвященная реформе системы здравоохранения. Основной ее посыл состоял в том, что интересы бизнеса направлены против программ здоровья.

Всех вовлеченных в этот процесс людей объединяла некая общая атмосфера праздника утверждения человеческого достоинства, сознание своего права не просить, а требовать от правительства сделать главным приоритетом удовлетворение реальных человеческих нужд. Демонстрантов поддерживало множество «болеельщиков» вокруг, которые хоть и не принимали прямого участия в акциях, но разными способами выра-

жали свою с ними солидарность. В частности, большинство офисов, которых на этих площадях множество, периодически самозакрывалось, символизируя этим свою моральную поддержку. То же самое делало большинство кафе и ресторанов, несмотря на явные для себя убытки¹⁴.

События не ограничились лишь главными городами. Их эхо прокатилось по всей Америке – от Бостона в Массачусетсе до Сакраменто в Калифорнии. В частности, в один из дней более чем в полутора тысячах городов по всему миру, включая более сотни городов США, прошла акция «От площади Тахир – до Таймс-сквер». В Балтиморе много идеологов протеста – в основном белых людей из среднего класса – пришло в довольно неординарное для себя место – Африканскую методистскую епископальную церковь. Вместе с обычными ее прихожанами и поддерживавшим их священником они отслужили мессу, а затем выступали, объясняя, что их цель – не в том, чтобы добиться «раздувания» программ помощи, а в том, чтобы научить людей стать «фискально ответственными», т. е. следить, чтобы налоги, которые они платят, шли на обустройство будущего для них и их семей¹⁵.

В целом можно сказать, что движение «оккупантов» обрело симпатии и моральную поддержку со стороны значительной части общества.

Полиция и другие власти

Итак, американское общество крайне резко отреагировало на действия полиции против демонстрантов. Благодаря его гражданской зрелости репрессии оказались контрпродуктивными для тех, кто пытался ими погасить протест.

Впрочем, было бы неверным упрощением (по крайней мере, в американском случае) демонизировать полицию и идеализировать другие структуры

¹⁴ См. материалы The Washington Post за октябрь 2011 – январь 2012 года.

¹⁵ The Washington Post. The Root DC Live. 2011. December 18.

власти. Реальность была отнюдь не такой уж пасторальной. В том же Вашингтоне власти, не осмеливаясь выступать против протестов по существу, попытались перевести все в плоскость создаваемых «оккупантами» неудобств и гигиенических требований. А правые политики даже воззвали к применению силы и наказаниям (так, некоторые конгрессмены начали сетовать, что из-за демонстрантов им стало сложно приезжать на работу на машине). К ним присоединились и консервативные голоса из церковных кругов. Правда, последним тут же оппонировали, поддержав протестующих, другие религиозные сообщества (faith-based communities). В некоторых случаях полиция прямо признавала, что на нее «давят» из властных кругов.

Словом, полиция оказалась между двух огней и была поставлена перед необходимостью предпринимать хоть какие-то меры. В итоге она запретила устанавливать на площадях палатки и готовить еду. Но с этим протестующие довольно легко примирились. Нашлись достаточно эффективные способы решать такого рода проблемы, не нарушая запретов. В итоге вашингтонские «оккупанты» оставались на площади несколько месяцев и разошлись сами лишь тогда, когда посчитали свою миссию выполненной. В Олбани же в аналогичных обстоятельствах полиция прямо отказалась выполнять приказ губернатора штата об арестах «нарушителей порядка».

Надо сказать, что эти проблемы стали в полицейских кругах предметом профессионального обсуждения. Например, специальное внимание было уделено пассивному сопротивлению. Было признано, что эта эффективная форма гражданского неповиновения, основанная на философии ненасилия и восходящая к Ганди и Кингу, ставит проблемы и перед полицией, и перед судами, впоследствии рассматриваю-

щими поданные в связи с ее действиями иски. В обзорной статье по данной проблематике приводится целый ряд примеров как судебной, так и превентивной, т. е. осуществляемой самой полицией, корректировки применения силы, в том числе недопущения ее чрезмерности. Заключение статьи, названное «Внимательная избирательность и четкий контроль за потребностью в применении силы», заслуживает, на мой взгляд, того, чтобы его изучили как российские оппозиционеры и их защитники, так и в особенности наши политики, управленцы и полицейские начальники: «Стратегии пассивного сопротивления могут создавать сложности для обеспечения законного порядка силовыми средствами при попытках вмешательства в протесты и демонстрации. Однако обычно серьезность совершаемых нарушений минимальна; ненасильственное сопротивление обычно не создает непосредственной угрозы безопасности ни для официальных лиц, ни для кого-либо другого; протестующие активно не сопротивляются аресту; более того, они предпочитают арест попытке избежать его, убежав. Поэтому, столкнувшись со стратегиями пассивного сопротивления, официальные лица должны тщательно избирать тактику для использования силы и внимательно контролировать ее применение»¹⁶.

Думается, что неоднозначное поведение полиции в контактах с протестующими имеет несколько причин. С одной стороны, полиция – военизированная структура, приказы в которой, как известно, должны выполняться беспрекословно. Но, с другой – полисмены ощущают себя частью общества, причем не принадлежащей к привилегированному меньшинству. К тому же идеология приоритетности защиты интересов граждан составляет немалую часть профессионального обуче-

¹⁶ Zigmund E. Chief's Counsel: Police Use of Force: The Problem of Passive Resistance // The Police Chief. The Professional Voice of Law Enforcement. 2012. November.

ния стражей порядка. Таким образом, у американских полицейских, в отличие от наших, существует двойная лояльность – «наверх» и «вниз», хотя сами эти понятия, наверное, более адекватны применительно к российской, а не к американской реальности, несмотря на то, что фактор давления «системы» там тоже существует. Помимо прочего, полицейских сдерживает возможность последующего их осуждения общественным мнением, превращения в своего рода «козлов отпущения». Вашингтонский прецедент начала века недвусмысленно об этом свидетельствует. А для «забывчивых» есть внятное напоминание, выраженное в одном из текстов протестантов следующими словами: «Придет время, когда оправдания типа “Я лишь выполнял приказы” не будут считаться приемлемыми».

Автор отчетливо понимает соблазн спроецировать американский опыт на более близкие реалии. Но презумпция уважения к читателю делает это излишним, предоставляя ему самому проделывать эту работу.

Разве что добавлю один штрих. Если бы омовцы и полицейские, избивавшие людей в Москве на согласованной акции 6 мая 2012 года, не гуляли бы безнаказанными (а некоторые – и позванивая ключами от полученных за это квартир), а должны были бы в рамках закона отвечать на «неудобные» вопросы в суде и на следствии, многое могло бы быть иначе в нашей жизни. И эти, и иные, совсем уже свежие события на улицах Москвы и других российских городов показывают, что уровень гражданского самосознания людей, одним из атрибутов которого является сознание права на мирный политический протест, существенно превосходит уровень политической культуры властей предрекающих.

Психологический аспект: «банальность зла» vs. «банальности героизма»

Было бы неоправданным упрощением представлять всех полицейских исполнителей подавления протестных акций некими бездушными автоматами или монстрами. Автор давно уже вошедшего в анналы психологии стэнфордского «тюремного эксперимента» Ф. Зимбардо выделяет три среза того, что Ханна Арендт назвала в свое время «банальностью зла»¹⁷, – факторы личностные, ситуационные и системные. Анализируя в едином смысловом контексте жестокости и пытки, совершавшиеся американскими военными полицейскими в иракской тюрьме Абу-Грейб, и пугающе сходное поведение вполне уважаемых и гуманитарно образованных студентов Стэнфорда, игравших случайно распределенные между ними роли охранников и заключенных в искусственно созданной в стенах университета в экспериментальных целях «как бы тюрьме», Зимбардо пишет: «Глубокое, но скрытое влияние нескольких ситуационных переменных может оказаться сильнее воли человека и может подавить его сопротивление... участники этих исследований – и студенты колледжей, и “простые граждане” – приспособляются, подчиняются, повинуются и охотно поддаются искушениям, делая то, что не могли себе и представить... Описан целый ряд психологических процессов, способных заставить хороших людей творить зло – деиндивидуализировать других, повиноваться власти, проявлять пассивность перед лицом угрозы, оправдывать себя и искать рациональные объяснения своему поведению. Дегуманизация – один из основных процессов, заставляющих обычных, нормальных людей спокойнo или даже с энтузиазмом творить зло. Дегуманизация – нечто вро-

¹⁷ «Проблема с Эйхманом заключалась именно в том, что таких, как он, было много, и многие не были ни извращенцами, ни садистами – они были и есть ужасно и ужасающе нормальными. ...эта нормальность была более страшной, чем все зверства вместе взятые... уроком страшной, бросающей вызов словам и мысли банальности зла» (Арендт Х. Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме. М., 2008. С. 276).

де «катаракты мозга»... Страдающие «катарактой» видят в других лишь врагов, которые несомненно заслуживают страданий, пыток и уничтожения»¹⁸. Согласно Зимбардо, помимо формирования образа врага, «человека враждебного» (*homo hostilis*), есть и несколько других социально-психологических механизмов, санкционирующих ситуативную поведенческую жестокость «хороших людей», т. е. тех, кто в обычных обстоятельствах к ней не склонен, – деиндивидуализация, анонимность (причем как исполнителей, так и тех, по отношению к кому зло совершается), нерассуждающее выполнение приказов, отключение внутреннего самоконтроля в отношении «назначенных» объектов насилия, пассивное принятие наблюдаемых несправедливостей («зло бездействия»).

Однако «хорошая новость» состоит в том, что Зимбардо, стараясь понять и научно объяснить механизмы, побуждающие обычных людей совершать безнравственные, жестокие и противозаконные поступки, при этом их отнюдь не оправдывает, не считая давление ситуационных и системных факторов реабилитирующими или непреодолимыми обстоятельствами. Более того, в противовес концепции банальности зла

он предложил концепцию «банальности героизма», рассматривая «героизм как эгалитарный, общий признак человеческой природы, а не редкое качество, присущее немногим избранным»¹⁹. Потенциал героизма есть в каждом человеке и ждет своего часа. «Обычный герой» (тоже термин Зимбардо) отнюдь не всегда «идет в обход», в отличие от «нормальных героев» из кампании Бармаля в известном фильме про доктора Айболита. «Каждый способен стать героем в той или иной степени»²⁰. И обращенный к «обычному герою», когда извне, а когда изнутри, «призыв пробуждает лучшие качества человеческой природы, открывает в нас способность встать выше могущественного давления ситуации и Системы. И это – яркое свидетельство человеческого достоинства, противостоящего злу»²¹.

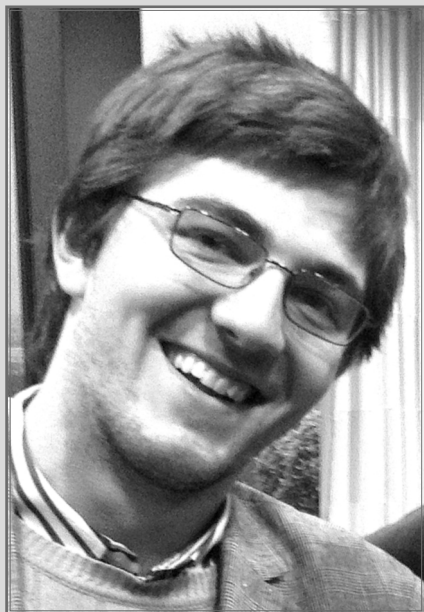
Полагаю, полицейские жестокости при разгоне демонстраций следует рассматривать и под этим углом зрения. Например, даже судебное разбирательство «болотного дела» недавно дало образец такого поступка «обычного героя» – омовца, отказавшегося свидетельствовать в суде против демонстрантов и при этом мотивировавшего свой отказ гражданской позицией.

¹⁸ Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев. М., 2013. С. 12–13.

¹⁹ Там же. С. 678.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 15.

Сергей Владиславович Ефремов,
референт отдела развития
некоммерческого сектора
экономики Департамента
инновационного развития,
Министерство экономического
развития Российской Федерации;
младший научный сотрудник
Центра исследований гражданского
общества и некоммерческого сектора
Национального исследовательского
университета «Высшая школа
экономики», former Kennan Institute /
Higher School of Economics Short-Term
Scholar

Российский некоммерческий сектор: особый путь?

Системы НКО в различных странах серьезным образом отличаются друг от друга, что показывают исследования Лестера Саламона, Кирстен Грэнберг, Стивена Смита, Эстель Джеймс, Гельмута Анхайера – пожалуй, наиболее известных авторов¹, работающих над проблематикой взаимодействия государства и НКО. Даже в одной стране невозможно найти универсальную форму их взаимоотношений. Можно сказать, что НКО «приспосабливаются» к государству, а государство, со своей стороны, более или менее «адаптируется» к существующему некоммерческому сектору. Так возникают индивидуальные, «страновые» формы взаимодействия НКО и государства, которые зависят от предыдущих результатов такого взаимодействия, отрасли социальной политики и даже от специфики деятельности отдельных НКО².

К сложности форм взаимодействия государства и НКО добавляется сложность определения НКО: некоммерческий сектор настолько сильно связан с гражданским обществом и государством, по своей конфигурации являясь результатом их взаимодействия, что в разных странах могут отличаться не только функции, но и сама сущность

¹ Напр.: Anheier H.K., Salamon L.M. The Nonprofit Sector in the Developing World: A Comparative Analysis. New York: St. Martin's Press, 1998.

² Подробнее см.: McLoughlin C. Factors Affecting State-Non-Governmental Organization Relations in Service Provision: Key Themes from the Literature // Public Administration & Development. 2011. October. Vol. 31. No. 4. P. 240–251; Ramanath R., Ebrahim A. Strategies and Tactics in NGO-Government Relations // Nonprofit Management & Leadership. 2010. Fall. Vol. 21. No. 1. P. 21–42; Lacy J., Van Slyke D. Nonprofit Sector Growth and Density: Testing Theories of Government Support // Journal of Public Administration Research & Theory. 2013. January. Vol. 23. No. 1. P. 189–214.

НКО, варьирующаяся в спектре значений от «полностью общественных» до «квазигосударственных» организаций.

Согласно Лестеру М. Саламону, директору Центра исследований гражданского общества Университета Джона Хопкинса, чьи работы по развитию некоммерческого сектора и институтов общественной самоорганизации уже признаны классическими во многих странах, включая США, Китай, Австралию и большинство европейских государств, некоммерческий сектор может возникнуть в тех случаях, когда государство и частный коммерческий сектор не справляются с социальными потребностями населения. В этих случаях некоммерческий сектор имеет преимущество, состоящее в том, что НКО лучше, чем государственные агентства, понимают проблемы и потребности той социальной группы населения, с которой они работают. Это связано с социальной природой НКО и презумпцией априорной альтруистичности побуждений их создателей, действующих во благо интересов местного сообщества. То есть теоретически государственные агентства и НКО, сотрудничая, могут эффективнее реализовывать конституционные права граждан в образовании, здравоохранении, социальном обеспечении и других социальных секторах.

Однако вследствие страновых различий в сущности НКО не все результаты исследований американских ученых непосредственно применимы к другим государствам. Некоторые работы косвенно свидетельствуют о неправомерности полной экстраполяции американских моделей в практику других стран³. В них демонстрируется зависимость моделей отношений государственного сектора и

НКО от политической структуры общества, его истории, уровня экономического и социального развития. То, как НКО справляются с удовлетворением социальных потребностей, в чем они видят свое предназначение, насколько НКО активны и т. д., зависит во многом, например, от того, какова власть: централизована она или значительно децентрализована, реализуется через власть элит или через «представительство интересов», насколько демократичен процесс формирования властных институтов и т. д. Ответы на эти вопросы имеют важные последствия для анализа НКО в таких развитых, но централизованных по сравнению с США странах, как Великобритания и Франция.

В данной статье будут рассмотрены некоторые отличия системы НКО современной России от приведенного выше «канонического» понимания НКО и их функций. В частности, будут проанализированы причины, из-за которых важное утверждение Кармен Марсуелло⁴ и Вольфганга Бильфельда⁵ о том, что рост некоммерческого сектора связан с уровнем государственных расходов на его поддержку, может не подтвердиться в российской действительности, либо данная взаимосвязь может быть не столь выраженной на первых этапах расширения государственного финансирования деятельности отдельных НКО.

Общества вспомоществования, творческие союзы и власть — первый круг колеса истории НКО

Российский некоммерческий сектор начал свое формирование еще в имперс-

³ См.: Scott W.R. Institutional Analysis: Variance and Process Theory Approaches // Scott W.R., Meyer J.W., et al (eds.). Institutional Environments and Organizations: Structural Complexity and Individualism. Thousand Oaks, California: Sage, 1994. P. 80–99; Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1990; Walzer M. The Concept of Civil Society // Walzer M. (ed.) Toward a Global Civil Society. Providence: Berghahn Books, 1995. P. 7–27; Titmuss R.M. Essays of «The Welfare State». Boston: Beacon Press, 1958.

⁴ Marcuello C. Determinants of the Non-Profit Sector Size: An Empirical Analysis in Spain // Annals of Public and Cooperative Economics. 1998. No. 69. P. 175–192.

⁵ Bielefeld W. Metropolitan Nonprofit Sectors: Findings from NCCS Data // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 2000. No. 29. P. 297–314.

кой России, когда был накоплен первый успешный опыт решения социальных проблем силами общественных организаций. Так, заполняя нишу социального обеспечения создавались организации и кассы взаимопомощи, включая организации профессиональной взаимопомощи, благотворительные организации и попечительские общества о бедных (наиболее известные находились в Санкт-Петербурге, Москве, Воронеже, Тамбове). В 1905 году насчитывалось 125 таких обществ с несколькими десятками тысяч участников⁶. Заполняя нишу слабо финансируемого народного образования, создавались культурно-просветительские организации, среди которых особенно выделяются общества вспомоществования нуждающимся учащимся (111 организаций в 1908 году)⁷, а также народные дома, которые, вопреки распространенному мнению, занимались вопросами более широкими, нежели борьбой с злоупотреблением алкогольных напитков, — они вели активную просветительскую, образовательную деятельность среди крестьянского и рабочего населения, организовывали театральные представления, лектории с приглашением известных писателей того времени, образовательные программы, воскресные чтения и даже предоставляли доступ к специальному оборудованию для изучения звезд или отдельных физических явлений, а также проводили иные мероприятия для повышения общей и политической культуры. В 1914 году существовало 222 народных дома по всей России, одним из наиболее известных является Лиговский народный дом, основанный княгиней Софьей Паниной⁸.

Заполняя нишу социальной защиты и борьбы с детской бездомностью,

преступностью, повышенной смертностью, создавались общества призрения сирот и детей, оставшихся без попечения, социальной реабилитации и трудоустройства, народные школы, после которых дети получали возможность быстрого трудоустройства.

Более того, в дореволюционной России была распространена деятельность некоторых феминистических организаций, которые впоследствии, несмотря на зачастую обильное финансирование со стороны западных фондов в 1990-х годах, столь трудно приживались в постсоветской России. Так, российское феминистское движение А. Filosoфовой и А. Шабановой помимо борьбы за политические права женщин оказывало помощь в приютах, общественных столовых, общежитиях, дневных яслях, тем самым дополняя и помогая им осуществлять свои функции.

Чаще всего, однако, власть относилась к некоммерческим организациям с подозрением и за исключением отдельных народных домов и некоторых других организаций не производила их финансирования. С приходом советской власти почти все политико-ориентированные некоммерческие организации исчезли, а те, что остались, стремились максимально ретушировать свою политическую роль. Одним из немногих успешных примеров сохранения некоммерческой самоорганизации являются крестьянские общества взаимопомощи, творческие союзы, российское общество Красного Креста, занимавшееся помощью раненым и пострадавшим от стихийных бедствий⁹. Однако позднее в советскую эпоху некоммерческие организации все больше уходили от парадигмы некоммерческого сектора в дефиниции Лестера М. Саламона и ста-

⁶ Чарюлуский В.И. Частная инициатива в деле народного образования. СПб., 1910. С. 169.

⁷ Там же. С. 126.

⁸ Подробнее об истории народных домов, их роли в имперской России см.: *Lindenmeyr A. Building Civil Society One Brick at a Time: People's Houses and Worker Enlightenment in Late Imperial Russia // Journal of Modern History. 2012. March. Vol. 84. P. 1–39.*

⁹ Подробнее о роли НКО в решении социальных проблем в досоветской России см.: Справится ли государство в одиночку? О роли НКО в решении социальных проблем: Аналит. докл. Нац. исслед. ун-та «Высшая школа экономики» / под ред. Л.И. Яковсона, И.В. Мерсияновой. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: НИУ ВШЭ, 2012. С. 29–37.

новились скорее «расширением» или «продолжением» партийно-государственной системы страны, нежели услуго-ориентированными образованиями, призванными восполнять и дополнять функции государства, как это делали некоторые организации в дореволюционной России.

Особенности некоммерческого сектора современной России

Некоммерческие организации новой России оказались слабыми как в отношении своей политической роли, так и в отношении социальных функций. Это положение сектора НКО является прямым следствием советского прошлого. Еще во времена революции и гражданской войны страну покинуло или было физически уничтожено большинство филантропов, организаторов и лидеров некоммерческого сектора, которые чаще всего принадлежали к высшей социальной прослойке, торговому сословию, реже – мещанам, зажиточному крестьянству. Это лишило некоммерческий сектор корней и преемственности развития. В советское время была сужена и политическая роль НКО: многие НКО избрали путь в «фарватере» государства и идеологии, вплоть до следования (либо невоспрепятствования) порой одиозным политическим заказам (особенно это касалось крупных всесоюзных, всероссийских ассоциаций, союзов). На другой стороне этого полярного спектра «системы НКО советского периода» были организации, полностью оппозиционные политическому режиму, что особенно ярко проявлялось в подпольном движении диссидентства¹⁰.

Советское наследие определило первые шаги развития системы НКО в новой России. Несмотря на всплеск политизированности общественных организаций в начале 90-х годов, ког-

да практически все они выражали свои политические взгляды и когда бывшее «диссидентское крыло» НКО зачастую трансформировалось в современные правозащитные организации, в начале 2000-х годов получило «вторую жизнь» и услуго-ориентированное направление НКО. Это направление окрепло во время роста экономики 2000-х годов и стало главенствующим, что подтверждается статистическими данными, которые будут приведены далее. Внешне современная российская ситуация с НКО выглядит как снижение политизированности большинства общественных организаций, как общее смещение системы НКО в сферу услуг, которая с начала 2000-х годов начала быстро развиваться и активно преобразовываться.

Можно сказать, что современный этап развития российских НКО де-факто происходит в той же системе координат, в которой прервалась их деятельность с приходом советской власти: в условиях перевеса роли НКО в сторону оказания услуг, нежели в сторону политического участия. Это важная отличительная особенность российского некоммерческого сектора. Например, в США политическое участие, *advocacy*, лоббирование являются не только целью деятельности отдельных НКО, но и инструментом работы большинства услуго-ориентированных организаций в социальных секторах от здравоохранения и социальной защиты до спорта, культуры и образования.

Уровень политического участия российских НКО

Зададим вопрос: является ли данная направленность (превалирующая ориентация большинства НКО на услуги) современного российского некоммерческого сектора добровольно выбранной, или она скорее обусловлена особенностями экономической и по-

¹⁰ Подробнее о взаимном восприятии НКО и органов власти, а также подотчетности российских НКО: *Jakobson L., Meriyanova I., Efremov S.* Challenges and New Trends for Nonprofit Accountability in Russia / Working papers by NRU Higher School of Economics. Series PA "Public Administration". 2012. No. 3.

литической среды? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим некоторые данные Мониторинга состояния гражданского общества, проводимого Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»¹¹ (далее – Мониторинг НИУ ВШЭ), которые демонстрируют достаточно низкий уровень политического участия российских НКО.

Наиболее прямой способ участия в политической жизни – взаимодействие с политическими партиями. За период с 2010 по 2012 год количество НКО, взаимодействующих с политическими партиями, уменьшилось. В 2012 году 72% НКО не взаимодействовали ни с одной политической партией (в 2010 году – 66%). Из остальных – 20% НКО взаимодействовали с «Единой Россией» (на 9% меньше, чем в 2010 году), 4% – с КПРФ, 3% – с партией «Справедливая Россия», 2% – с ЛДПР, и лишь 1% – с другими непарламентскими партиями. Подобное снижение уровня политической активности может быть интерпретировано с позиции меньшей заинтересованности НКО в участии в политическом процессе, вероятно связанной с бурными дебатами, которые произошли в 2011–2012 годах в связи с ч. 3 ст. 81 Конституции Российской Федерации и третьим президентским сроком, а также внесенными в 2008 году поправками об увеличении этого срока. С какими бы партиями ни взаимодействовали политические НКО, после вступления новых поправок в силу, логично было ожидать, что в первые три года из шести будет наблюдаться политическое затишье, так как нужен перерыв для определения расстановки политических сил, анализа настроений населения, выработки новых стратегий. «Затишье» может быть также обусловлено некоторой растерянностью либо фрустрацией, особенно в среде изначально-

но политико-ориентированных НКО и отдельных инициативных групп, в отношении которых были организованы дополнительные проверки.

В частности, согласно п. 6 статьи 2, добавленному в Федеральный закон «О некоммерческих организациях» в июле 2012 года, НКО признается участвующей в политической деятельности, если «независимо от целей и задач, указанных в ее учредительных документах, она участвует (в том числе путем финансирования) в организации и проведении политических акций в целях воздействия на принятие государственными органами решений, направленных на изменение проводимой ими государственной политики, а также в формировании общественного мнения в указанных целях». То есть в тексте закона политическая деятельность определяется формулировкой, допускающей неоднозначную интерпретацию. Вместе с тем НКО, занимающаяся политической деятельностью и получающая финансирование из-за рубежа обязана регистрироваться как «иностранного агента». Но, во-первых, статус «иностранного агента» воспринимается как «клеймо подозрительности» и психологически вызывает недоверие. А во-вторых, этот статус ассоциирован с усложненной процедурой отчетности и особых проверок. Введение закона привело к дополнительным проверкам деятельности НКО со стороны государственных органов, что вызвало юридические споры. Таким образом, некоторые организации могут предпочесть не декларировать свою причастность к деятельности по формированию общественного мнения. Конечно, активность таких НКО может временно усиливаться в периоды значимых выборов кампаний.

Какие же НКО оказываются «вне подозрения», и насколько они «не подозрительны» для власти? Согласно классическому определению и смыслу

¹¹ Некоторые результаты Мониторинга состояния гражданского общества, выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 году. Объем выборки составил 1005 НКО. Опрос проводился в 33 субъектах РФ по квотной выборке с использованием репрезентативных квот по организационно-правовым формам и годам регистрации НКО. Сбор информации осуществлялся ООО «МаркетАп».

некоммерческой деятельности, НКО служат изменению существующей, возможно, неэффективной государственной, социальной или рыночной системы. Тем самым, вроде бы выход для НКО есть (вместо политики заняться, например, устранением недостатков рыночной системы), так как отсылка к «формированию общественного мнения» допускает широкую трактовку, как-то: формирование общественного мнения как мнения, нацеленного на совершенствование социальной или рыночной системы.

Закон по сути указывает на то, что социально ориентированная деятельность не является политической. То есть социально ориентированные НКО вполне могут развиваться, если они не используют политическое воздействие как инструмент достижения своих целей (например, формирование общественного мнения в целях увеличения числа обращений граждан в государственные органы с просьбами повысить качество услуг здравоохранения и образования). В то же время, реализуя свою деятельность, такие организации часто меняют общественное мнение, и граждане могут на основе полученной информации самостоятельно начать обращаться в органы власти, посещать митинги, проводить различные акции. Считается ли деятельность политической в том случае, если организация ставила целью информировать граждан об их правах или возможностях, а не активизировать их гражданское участие или сподвигнуть к определенным действиям? Возникает парадокс: любая НКО, социальная деятельность которой «видна» населению, при определенном подходе может считаться политической, так как опосредованно всегда влияет на формирование общественного мнения.

Конечно, в законе оговаривается, что к политической деятельности не относится деятельность в области науки, культуры, искусства, здравоохранения, профилактики и охраны здоровья граждан, социальной поддержки и защиты граждан, защиты материнства и детства,

социальной поддержки инвалидов, пропаганды здорового образа жизни, физической культуры и спорта, защиты растительного и животного мира, благотворительная деятельность, а также деятельность в сфере содействия благотворительности и добровольчества. Но при определении политических НКО специально оговаривается: «...независимо от целей и задач, указанных в ее учредительных документах».

На сегодняшний момент, при таких свободных трактовках понятия «политическая НКО», существует большая вероятность получения ошибочной информации при анализе учредительных документов и отчетности НКО о реальной ее деятельности, так как многим политическим НКО будет намного «интереснее» не афишировать свою деятельность как политическую, а многие социальные НКО будут избегать участия в таких серьезных социальных проектах, которые могут привести к масштабному сдвигу общественного мнения.

Достаточно низким было участие НКО в политических событиях 2011–2012 годов. 60% опрошенных среди представителей НКО отметили, что их организация, ее члены и сотрудники не принимали участие в политических событиях 2011–2012 годов, как-то в поддержке партий и кандидатов на выборах, работе наблюдателей на выборах, подготовке и проведении митингов и демонстраций. Лишь 18% респондентов ответили, что отдельные сотрудники или члены НКО участвовали в политических событиях, тогда как их организация участия не принимала. Таким образом, 78% НКО в политических событиях не участвовали. При этом чаще других не принимали участие в политических процессах последнего времени религиозные организации (82%), НКО, занимающиеся религией (83%), здравоохранением (74%); НКО, не считающие себя социально ориентированными (76%). Тогда как чаще всего в политических процессах участвовали НКО, занимающиеся правозащитной деятельностью (37%). Из самих рес-

пондентов лишь 7% по собственной инициативе участвовали в акциях протеста, митингах, пикетах. Более того, 38% НКО склонны оценивать возможное изменение политической власти в стране как неблагоприятное. Также 44% НКО считают, что общественно-политические процессы 2011–2012 годов создали риски для положения и деятельности их организаций. Интересно, что организации, созданные до 1985 года, считают, что возможные политические изменения окажут безусловно положительный эффект на деятельность НКО. Такую точку зрения разделяет в три раза меньше НКО, созданных после 1985 года.

Почти половина представителей НКО (45%) считает, что желания большинства российских НКО относительно направлений изменений политической власти в стране не совпадают. Более того, 66% руководителей НКО полагают, что сегодня в стране среди людей больше несогласия и разобщенности. Лишь четверть представителей НКО считает, что желания НКО относительно возможных изменений совпадают, а 30% респондентов затруднились ответить на данный вопрос. Интересно, что даже среди представителей правозащитных организаций большинство считает, что желания относительно изменений также скорее не совпадают (29%). 54% респондентов полагают, что большинство НКО не желают непосредственно участвовать в подготовке и осуществлении крупных политических перемен в стране, 30% – что желают, остальные затруднились дать оценку. Данные цифры могут свидетельствовать как о достаточно высоком уровне политической разобщенности, так и о разнородности задач, решаемых внутри сектора и предполагающих сильно различающиеся степени и способы политического участия.

При этом основная часть представителей НКО склонна скорее к взаимодействию с органами власти в целях решения социальных задач (письменные, в том числе коллективные, обращения в государственные органы, участие в публичных слушаниях), нежели к конфронтации (участие в демонстрациях, пикетах). Так, в 2010 году 90% руководителей НКО считали, что общественные и другие государственные некоммерческие организации должны наряду с государственными учреждениями участвовать в решении социальных задач в сфере образования, здравоохранения, культуры и других, 81% НКО взаимодействуют с органами местного самоуправления, и 83% из них довольны таким взаимодействием. 52% представителей НКО считают, что другие общественные объединения, НКО и гражданские инициативы должны совместно с властью участвовать в выработке и реализации общественно важных программ.

Приведенные данные могут быть интерпретированы по-разному и свидетельствовать как о возможном «уходе в тень», так и о фактически низком уровне политического участия НКО. Однако отсутствие ярко выраженного политического участия не означает отсутствия политической составляющей деятельности НКО в принципе. Ведь политическая деятельность может выражаться не только в «формировании общественного мнения» и участии в общественных мероприятиях, но и в активном взаимодействии с органами власти¹².

Так или иначе, при всем многообразии форм и пониманий политической деятельности данные свидетельствуют о том, что современный российский некоммерческий сектор является скорее услуго-ориентированным. Этой своей особенностью он в определенной мере повторяет очертания некоммерческого

¹² Парадигма возникновения некоммерческого сектора Л. Саламона, Г. Анхайера не отменяет возможность сотрудничества государства и НКО. Более того, некоторые исследования свидетельствуют именно о наличии «партнерства», например: *Salamon L.M. Partners in Public Service: Government-Nonprofit Relations in the Modern Welfare State.* Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1996; *Salamon L.M., Anheier H.K. The Civil Society Sector // Society.* 1997. No. 34. P. 60–65.

сектора досоветской России, и именно в этой его ипостаси и будет проходить его дальнейший анализ.

Инфраструктура российского некоммерческого сектора

С момента распада СССР российский некоммерческий сектор прошел две ключевые фазы:

- фазу импорта моделей, ресурсов, идей, информации, подходов к работе, связанную преимущественно с работой и финансированием крупных «западных» фондов, появившихся в России в 1990-е годы; деятельность этих фондов была направлена на предотвращение катастроф либо на сближение российского общества и государства с западным миром, а потому они были ориентированы в большей степени на вопросы защиты окружающей среды, борьбы со СПИДом, помощи беженцам, развития демократии, журналистики, независимых исследований;

- фазу «укоренения» сектора, где доминируют созданные «снизу» экономически слабые НКО и в то же время образуются крупные фонды в рамках корпораций и больших компаний и продолжают существовать некоторые организации с советским и западным типом управления. Сектор является пестрым, для организаций всех типов характерно наличие сильного лидера¹³.

По мере развития филантропии, роста числа НКО, а также появления новых успешных практик их участия в решении социальных задач возникла потребность в поиске и распространении таких практик, создании поддерживающей инфраструктуры сектора, систематизации деятельности некоммерческих организаций, а также коор-

динации государственной политики в данной сфере.

Отчасти в этих целях в 2010 году было впервые введено понятие «социально ориентированной некоммерческой организации» (СО НКО). Основными объектами поддержки стали СО НКО, работающие по следующим направлениям:

- профилактика социального сиротства, поддержка материнства и детства;
- повышение качества жизни людей пожилого возраста;
- социальная адаптация инвалидов и их семей;
- развитие дополнительного образования, научно-технического и художественного творчества, массового спорта, деятельности детей и молодежи в сфере краеведения и экологии;
- межнациональное сотрудничество.

При этом наиболее близким понятием для обозначения российских СО НКО является американское «service nonprofit» (услуго-ориентированная / сервисная НКО).

Рост и «укоренение» третьего сектора в части услугу-ориентированных организаций продолжается в течение последних четырех лет и выражается в некоторых количественных показателях¹⁴.

В 2009–2011 годах происходил рост как количества НКО, обслуживающих домашние хозяйства (в силу специфики статистического учета НКО до 2011 года для оценки примерного количества услугу-ориентированных НКО используется данная группа НКО-ДХ), в среднем на 16% в год, так и количества занятых работников – в среднем на 10% в год. В 2011 году количество добровольцев, вовлеченных в деятельность таких организаций, выросло на 18%. В сумме в 2011 году

¹³ Подробнее об этапах развития некоммерческого сектора России с советских времен и до наших дней см.: *Jakobson L., Sanovich S. The Changing Models of the Russian Third Sector: Import Substitution Phase // Journal of Civil Society. 2010. Vol. 6. No. 3. P. 279–300.*

¹⁴ Далее приведены некоторые данные Федеральной службы государственной статистики с уточнениями об особенностях методологии сбора и обработки данных, важными с точки зрения интерпретации показателей.

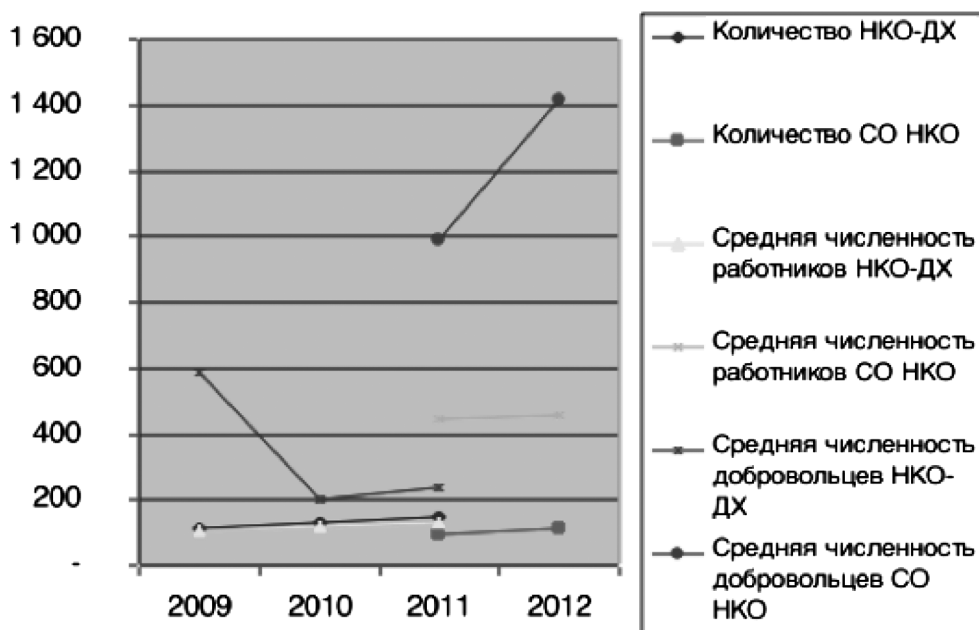

Рисунок 1. Динамика количества НКО-ДХ и СО НКО, а также численности их работников и добровольцев (2009–2012 годы), тыс.

было зарегистрировано более 150 тыс. НКО, обслуживающих домашние хозяйства, в которых числилось более 130 тыс. работников и более 230 тыс. добровольцев. Для всех трех показателей отмечен пропорциональный рост в 2011 году по сравнению с уровнем 2010 года.

Почти тем же темпом росло количество СО НКО и их работников в 2011–2012 годах (лишь с 2011 года с началом статистического учета СО НКО стала возможна относительно точная оценка количества услуг-ориентированных НКО), составив 17,5% и 2,2% соответственно. Количество добровольцев СО НКО резко выросло в 2012 году – на 42,8%. Таким образом, в 2012 году было зарегистрировано порядка 100 тыс. СО НКО, в которых числилось не менее 450 тыс. работников и было задействовано не менее 1,5 млн добровольцев¹⁵. При этом от общего количества неком-

мерческих организаций СО НКО составляют порядка 44%¹⁶.

При этом отмечается единая тенденция более медленного роста количества сотрудников и ускоренного роста количества добровольцев по сравнению с темпами роста самого сектора. Данная тенденция может говорить о растущей роли добровольчества в оказании услуг НКО, а также о возможном постепенном замещении труда сотрудников трудом добровольцев.

В 2012 году произошло увеличение поступлений денежных средств и иного имущества СО НКО примерно на 330 млрд руб. – до 414 млрд руб., включая денежные средства и иное имущество, полученное организациями за отчетный год, в том числе субсидии, гранты, пожертвования, иные целевые поступления, доходы от предпринимательской деятельности и внебюджетные доходы. Основными источни-

¹⁵ В силу особенностей методологии статистического учета СО НКО, используемой Росстатом, данные цифры не отражают состояние всего сектора СО НКО, при этом в массиве 1,5 млн добровольцев возможны пересечения. В этом случае фактическое количество добровольцев может быть существенно меньшим.

¹⁶ Показатели СО НКО 2012 года представляют собой оценку, составленную на основании данных Росстата.

ками поступления денежных средств и иного имущества СО НКО в 2012 году стали: доходы (выручка) от реализации товаров, работ, услуг, имущественных прав (кроме доходов от целевого капитала) (36%); поступления (включая пожертвования) от российских коммерческих организаций, за исключением дохода от целевого капитала (18%); поступления (включая пожертвования), гранты от российских физических лиц, за исключением денежных средств и иного имущества, полученного по завещанию в порядке наследования (15%). При этом поступления из федерального бюджета, бюджетов субъектов, муниципальных (местных) бюджетов, бюджетов государственных внебюджетных фондов также составили более 66 млрд руб., то есть немногим более 16% всех поступлений, что свидетельствует о значительной роли государственного финансирования в развитии сектора СО НКО.

Государственные программы поддержки направлены в основном на предоставление субсидий СО НКО.

К примеру, субсидии Минэкономразвития России служат прежде всего формированию инфраструктуры поддержки сектора СО НКО в целом, а не помощи самим благополучателям. Именно в таком подходе заключается специфика и уникальность данного механизма государственной поддержки некоммерческих организаций. То есть предпринята попытка создать благоприятную среду деятельности и развития всего сектора некоммерческих организаций в различных субъектах РФ.

Несмотря на относительно небольшой размер выделяемых каждой организации средств каждый год на конкурс подает в среднем около 600 организаций. 83 организации получили субсидии на общую сумму 284 млн руб., то есть в среднем чуть более 3,4 млн руб. каждая¹⁷.

При этом нет жестких рамок отчетности и целевых показателей. Суще-

ствует минимальный набор задач, над которыми каждая организация-получатель должна работать. В частности, от участников конкурса ожидают привлечение софинансирования (что косвенно должно свидетельствовать о заинтересованности и мотивации НКО), охват своей деятельностью как можно большего числа регионов, предоставление поддержки как можно большему числу СО НКО. В результате рубль потраченных на поддержку СО НКО государственных средств способствовал в среднем привлечению 67 копеек внешнего софинансирования.

Выделяются следующие основные группы инфраструктурных СО НКО:

Центры профессиональной компетенции по отдельным социальным направлениям деятельности СО НКО – занимаются помощью СО НКО в оказании услуг населению, поиском лучших практик работы и их тиражированием в субъектах Российской Федерации. Организации данной группы работают в достаточно узкой нише социальных услуг: социальная поддержка граждан (профилактика социального сиротства, поддержка материнства и детства, повышение качества жизни людей пожилого возраста; социальная адаптация инвалидов и их семей; оказание социальной поддержки бездомным; профилактика правонарушений, наркомании, алкоголизма, табакокурения; помощь пострадавшим в чрезвычайных ситуациях и т. д.), образование, здравоохранение и спорт и т. д.

Межрегиональные и региональные ресурсные центры – действуют по принципу центров профессиональной компетенции, но ориентируют работу на обмен опытом в организации деятельности СО НКО между секторами (здравоохранением и спортом, культурой и образованием и т. д.), а не внутри сектора. Также оказывают непосредственную помощь в создании новых НКО с учетом региональных потребностей и спроса на социальные

¹⁷ По данным на 1 сентября 2013 года.

услуги. При этом подобные центры делятся на межрегиональные и региональные. Сложность развития этого и предыдущего звена инфраструктуры состоит в том, что большинство НКО пока не рассчитывают на поддержку от коллег из других ресурсных центров. 55% НКО ждет поддержку от местной власти, 35% – от властей субъекта РФ, 27% – от населения и лишь 12% – от коллег, 11% – от других НКО и 7% – от ресурсных центров поддержки НКО. С 2010 года доля НКО, ожидающих поддержку от других НКО, выросла лишь на 3%¹⁸.

Консультационные центры поддержки СО НКО в части их правовой и бухгалтерской деятельности – в отличие от двух предыдущих звеньев инфраструктуры функционируют вне зависимости от направления и географии деятельности. Работа таких центров нацелена на информационную и методическую поддержку и консультирование узкопрофильных специалистов НКО: юристов и бухгалтеров. Действительно, 14% руководителей НКО отмечают нехватку специалистов как значимую проблему для развития организации.

Ресурсные центры по отдельным механизмам поддержки СО НКО – направлены на поддержку развития механизмов деятельности НКО вне зависимости от сферы их деятельности и географии. Особенно выделяются центры по развитию добровольчества, которые помогают СО НКО в привлечении труда добровольцев, их обучении, максимизации эффекта от привлечения труда добровольцев. Стоит повторно отметить, что труд добровольцев может быть замещающим по отношению к труду сотрудников, помогая сэкономить денежные средства, одновременно расширив деятельность организации. Так, стоимостная оценка труда добровольцев эквивалентна почти 10% от общего объема софинанси-

рования, привлеченного победителями конкурса. Всего к участию в мероприятиях, на реализацию которых были предоставлены субсидии, было привлечено более 720 тыс. добровольцев. Их труд относительно недоиспользован: в 2012 году 69% НКО использовали труд добровольцев и лишь 13% организаций привлекали труд 50 и более добровольцев¹⁹.

Другая часть ресурсных центров, вошедших в группу, ориентирована на развитие таких относительно редких механизмов деятельности НКО, находящихся на стадии становления в России, как использование фондов местных сообществ и целевого капитала. Такие центры работают не со всеми организационно-правовыми формами СО НКО, а чаще всего с прочими ресурсными центрами, а также СО НКО-фондами.

Информационные ресурсные центры – являются связующим звеном, «кле-ем» инфраструктуры поддержки СО НКО. Они призваны способствовать и осуществлять информационное сопровождение деятельности всех участников некоммерческого сектора, включая ресурсные центры, СО НКО и непосредственных благополучателей услуг (аудитория таких центров в рамках проектов, реализованных за счет субсидии, уже составила более 80 млн человек). Такие центры выполняют двойную роль:

- служат площадкой для обмена информацией (между НКО, населением, органами власти, другими ресурсными центрами), включая информирование всех участников о существующей инфраструктуре поддержки СО НКО и распределении ролей между звеньями структуры;

- информируют всех участников сектора о своих услугах и проводят исследования эффективности организации коммуникации внутри некоммерческого сектора, а также с остальными участниками взаимодействия (государство, СМИ, население).

¹⁸ Данные Мониторинга НИУ ВШЭ.

¹⁹ Там же.

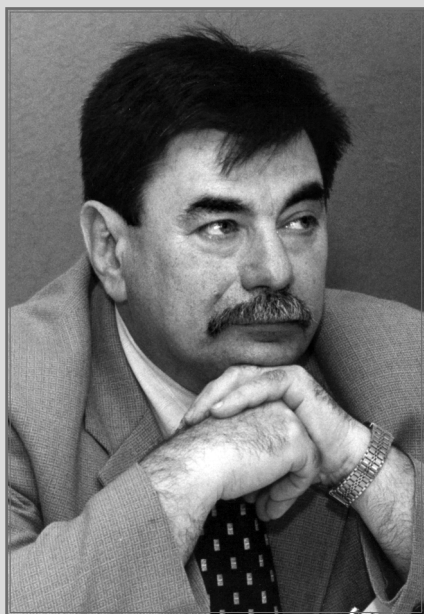
Заключение

Российский некоммерческий сектор продолжает свое становление и развитие. Однако данные о его состоянии пока достаточно фрагментарны и не позволяют комплексно оценить роль российских НКО в оказании социальных услуг, а также характер реализуемой ими политической деятельности. При этом гипотеза о влиянии государства на соотношение количества НКО, нацеленных на реализацию услуг, социальную сферу, правозащитную и политическую деятельность, не опровергнута. Очевидно, однако, что российское понимание НКО, их сущности и функций, сильно отличается от канонического: оно дихотомично, отчасти «разорвано».

Российское государство активно уточняет и определяет законодательные рамки взаимодействия НКО и государственного сектора, но зачастую это приводит к таким результатам, которые необходимо корректировать.

Впервые в России государство предприняло попытку системного подхода к поддержке СО НКО, наметилась тенденция их роста.

Стоит, однако, отметить, что развитие третьего сектора должно зависеть не только от действий со стороны государства, но и от доверия населения, а также быть следствием мощной внутренней мотивации сектора. Уровни доверия российских граждан к НКО и элементы мотивации самих НКО необходимо изучать, все эти темы заслуживают отдельного детального рассмотрения.

Эмиль Абрамович Паин,
доктор политических наук, профессор
Национального исследовательского
университета «Высшая школа
экономики», научный руководитель
РОО «Кеннан», former Woodrow Wilson
Center Guest Scholar, former Kennan
Institute Galina Starovoitova Fellow

Российское идеологическое безвременье в зеркале Рунета

О «партии Интернета» и «партии телевизора»

Западные исследователи давно уделяют внимание Интернету как инструменту формирования общественного мнения и как его отражению. Российские ученые обратили внимание на Интернет и на его российскую ветвь Рунет только в последние годы. На это есть две главных причины.

Во-первых, Россия именно в эти годы продемонстрировала чрезвычайно быстрый рост числа интернет-пользователей, которое на весну 2012 года достигло 59,5 млн человек (это более 51% взрослого населения России). При этом по количеству времени, проведенного в социальных сетях, россияне оказались одними из самых активных пользователей в мире (третье место после Израиля и Аргентины)¹.

Во-вторых, массовые акции протеста, которые произошли зимой-весной 2011–2012 годов, заставили обратить внимание на возможную роль Рунета в формировании оппозиционных движений и координации действий участников акций.

Эти движения, как и предшествовавшие им «цветные революции» на постсоветском пространстве и «арабская весна», привели некоторых исследователей к мысли о необычайных политических возможностях Интернета. Ряд исследований указывает на пропасть между дискурсами, разрабатываемыми в социальных медиа, и тем, что в западных исследованиях принято на-

¹ Интернет в России. М.: Фонд «Общественное мнение», весна 2012. Вып. 37 [<http://runet.fom.ru/files/download/1387>].

зывать mainstream media (прежде всего телевидение). Например, социолог М. Кастельс рассматривает Интернет как единственный инструмент «производства» и совершенствования демократии, которая перерастает в развитие социальных связей и протестов против некоторых действий власти². Традиционным клише стало выделение противостоящих друг другу в политическом плане «партии телевизора» и «партии Интернета»³. Образ телевидения, воспринимаемого как наиболее контролируемое государством и ограниченное политикой телеканалов СМИ, дополняется образом Интернета в качестве независимой информационной среды. И это при том, что телевидение статистически остается главным источником информации для подавляющего большинства россиян⁴.

Кроме того, социологические исследования интернет-аудитории («Левада-центр», 2012 год) показали, что соотношение идеолого-политических групп в интернет-сообществах мало чем отличается от того, что социологи фиксируют во всем обществе или в среде избирателей. Численно во всех случаях пока преобладает группа провластных (пусть и не с таким отрывом, как на последних выборах президента), далее идут объединенные левые и замыкают список националисты и «демократы-либералы»⁵.

Общий вывод, который можно сделать относительно связи интернет-активности и протестных выступлений, заключается в том, что Интернет не более чем средство связи между людьми, не всегда способствующее консолидации оппозиции и развитию социальных

связей. Интернет оказывает как позитивное, так и деструктивное влияние на рост реальной гражданской активности, пока не перекрывая влияния других медийных каналов.

По мере спада эйфории по поводу чудодейственных возможностей Интернета как коллективного организатора и вдохновителя демократизации в России, растет уверенность исследователей в том, что социальные медиа могут рассматриваться как новый и важный источник знаний о процессах, которые происходят в российском обществе, и прежде всего об отражении в нем реальной картины идеолого-политического размежевания. Только здесь представлен весь спектр политических сил России, поскольку многим политическим течениям, таким как националисты, новые левые, религиозные фундаменталисты и др., нет места в mainstream media.

Именно на изучение этих вопросов было нацелено коллективное исследование идеологических течений современной России, проявляющихся в зеркале Рунета. Первый его этап назывался «Этнополитические процессы в российской блогосфере» (январь – сентябрь 2012 года), второй – «Российское идеологическое безвременье в зеркале социальных медиа» (сентябрь 2012 – апрель 2013 года). Исследование проводилось под руководством Эмиля Паина (НИУ ВШЭ, Москва) и при научном консультировании Галины Никипорец-Такигава (Университет Кембридж). Методология исследования достаточно подробно изложена в коллективной статье участников проекта⁶.

² Байдакова А. Социолог Мануэль Кастельс – о неизбежности новой демократии // Радио Свобода. 2012. 16 ноября [http://www.svoboda.org/content/article/24620450.html].

³ Захаров М. «Партия телевизора» живет и побеждает // Полит. ру. 2012. 5 июня [http://polit.ru/article/2012/06/05/internet_tv/].

⁴ Источники информации: откуда черпают информацию представители разных социальных слоев. М.: Фонд «Общественное мнение», 2012 [http://fom.ru/SMI-i-internet/10481].

⁵ Волков Д. Протестное движение в России в конце 2011 – 2012 гг.: истоки, динамика, результаты. Доклад. «Левада-центр», сентябрь 2012 [http://www.levada.ru/sites/default/files/movementreport.pdf].

⁶ Пайн Э., Мохов С., Поляков Е., Федюнин С. Этнополитические процессы в зеркале Рунета // Политическая наука. 2013. № 1. С. 133–160.

Идеологическое размежевание по исторической памяти

На основе анализа массовых интернет-сообществ и элитарных групп в блогосфере наша исследовательская команда пыталась определить идеологический портрет современной России. Вырисовались четыре узнаваемых «лица»: либералы, левые, националисты и сторонники действующей власти. Это те идеологические течения, которые проявились в России еще в начале XX века и сохранились в исторической памяти, несмотря на более чем семидесятилетнюю монополию в СССР одной партии – коммунистов. Восстановившееся идеологическое разделение российского общества весьма аморфно, что понятно: люди самоопределяются на основе тех признаков, которые сохранила наша историческая память, а кроме левых – правых, либералов – державников мы вряд ли что-то помним. В массовом Интернете («ВКонтакте») идеологическая направленность групп узнаваема уже по названию, вроде «Я русский», «Наша Родина – Советский Союз», «Коммуна» и т. п. Их изучение позволило нам сосредоточиться на тех социальных феноменах, которые обычные опросы общественного мнения оставляют незамеченными. Анализ контента Рунета позволяет анализировать не только сиюминутные оценки и настроения респондентов, но и устойчивые идеологические объединения, обладающие специфическим самосознанием и особым языком. Именно с составления словаря такого сообщества начиналось наше исследование. Мы выделили наиболее популярные и устойчивые тематики обсуждений в различных интернет-сообществах, а также ключевые, специфические только для данного сообщества слова и семантически-смысловые конструкции их дискурсов.

Наибольшую группу в Рунете формально составляют *сторонники действующей власти*. Однако после детального изучения мы дали ей другое

название – «материковая масса советских людей». Это те люди, которые всегда в большинстве и всегда составляют опору власти, даже если политический режим радикально изменяется. Сегодня они поддерживают партию «Единая Россия» и близкие ей партии типа партии В. Жириновского (ЛДПР), а также религиозно-православные группировки, но многие из этих людей в 1990-е поддерживали партию «Наш дом – Россия», созданную Б. Ельциным, а в свое время – и либералов Е. Гайдара и А. Чубайса. Конформизм – вот свойство, которое прежде всего отличает данное сообщество, использующее для самоописания, в качестве главного признака, словесную конструкцию «мы большинство» или «мы как все». Единая инертная масса имперского, советского общества, являющаяся основным объектом манипуляций, ныне диверсифицируется, постепенно, крайне медленно и болезненно, но расслаивается. Это не так заметно в самой массовой социальной сети «ВКонтакте», а вот анализ Facebook и Twitter показал, что здесь уже во всех идеологических течениях появляется множество drobных элитарных ячеек, которые сильно усложняют, раскалывают эти течения.

Прежде всего изменения коснулись группы *левых*. Именно в ней проявились совершенно новые для России течения, отчасти доказывающие справедливость вывода Фрэнсиса Фукуямы о том, что левые (пока больше на Западе) ныне сменили основной объект любви и защиты. Их больше не интересует рабочий класс, обуржуазившийся и не нуждающийся в их поддержке. Они поддерживают сегодня колониальные народы, культурные меньшинства, ЛГБТ-группы и т. д. Мы видим и в России это гигантское различие между людьми, которые называют себя марксистами, левыми. Все они выступают вроде бы за идею эгалитаризма, социальной справедливости, но между ними, между ультраксенофобами из партии Г. Зюганова и защитниками меньшинств «антифа»; между левыми Pussy Riot и советски-

ми коммунистками, патриархальными бабушками, которые борются с теми, кого называют «кошунницы», мало общего. Впрочем, новые левые и в Рунете численно составляют ничтожное меньшинство по сравнению со сторонниками коммунистов (КПРФ).

Очень серьезные перемены наблюдаются в группе *националистов*. Русские националисты рождались как группа, защищающая империю и самодержавие. Поэтому их политические объединения, появившиеся в начале прошлого века («Черная сотня», «Союз русского народа»), были настроены ультрамонархически и проимперски. Ныне же мы видим в среде русских националистов нарастание антиимперских настроений, проявляющихся в лозунге «Долой Кавказ!» С этого начинаются расхождения русских националистов с властью, ставящей в качестве одной из главных своих задач сохранение империи. Антивластные настроения усиливаются и разрастаются, проявляются не только в Петербурге и Москве, но и на периферии. Причем в некоторых районах России, например в Ставропольском крае, русский национализм выступает в качестве основной оппозиции власти.

Меньше перемен в группе *либералов*. Кстати, у них и меньше различий между массовой и элитарными группами. Можно выделить три основные особенности этой группы.

Первая: либеральное интернет-сообщество — самая атомизированная, разобщенная группа. Это проявляется уже на уровне самоидентификации в силу отсутствия единого термина для самоопределения. Так, скажем, слово «либерал» по отношению к самим либералам употребляется довольно редко. Из специфических самоопределений можно назвать либо сугубо этические: «мы рукопожатные», а они «нерукопожатные», либо такие негативные по своей природе самоназвания, как «антиселигер» (очень популярный, между прочим, термин).

Вторая особенность этого интернет-сообщества состоит в крайнем песси-

мизме в отношении реализации либерального политического сценария как некоего европейского пути для России. Господствуют представления о том, что либералы — это меньшинство, которое существует в некоем враждебном социальном окружении, среди народа с «рабским сознанием», поэтому это меньшинство обречено на поражение.

Из этого вытекает и третья особенность — эта группа самая некреативная, она не предлагает общей для страны повестки дня — единой программы действий. В лучшем случае делаются предложения только для «своих».

Впрочем, некоторые политические деятели, позиционирующие себя как либералы, пытаются расширить свой электорат за счет привлечения внимания к себе со стороны русских националистов. Таких персон совсем немного (единицы), и среди них наиболее заметны Алексей Навальный и Владимир Милов. Нам представляется весьма важным проанализировать это течение.

Меня давно беспокоит вопрос о «национализме» А. Навального, поэтому в рамках исследовательского проекта НИУ ВШЭ по изучению российской блогосферы я и мои аспиранты и студенты специально проанализировали дискурс нескольких политических фигур. Это спорные фигуры, которые сами себя называют либералами, но числятся в либеральных кругах «националистами».

Привожу динамику контента на этнополитические темы у А. Навального (см. приложение).

Почему оскорбительные для грузин высказывания Навального от 2008 года так запомнились и многократно тиражируются? Да потому, что они уникальны. Мы проанализировали 1315 постов А. Навального (с июня 2010 по июнь 2013 года) в LiveJournal и не нашли ни одного, в котором было бы оскорбительное высказывание в отношении какой-то этнической группы или демонстрация чувства превосходства русских над какой-либо иной этнической общностью. Лишь 40 выступлений

в той или иной мере можно отнести к этнополитической тематике. Более 90% приходится на высказывания по поводу Северного Кавказа, порядков в республиках и поведения некоторых руководителей, которые используют бюджетные средства как свои собственные, теряя остатки уважения и к закону, и к общепринятым нормам морали. Навальный не обсуждает особенности поведения тех или иных этнических групп. В его высказываниях не заметно каких-либо проявлений русского этнического или культурного превосходства. По сути, все его высказывания повторяют главную тему этого политика – борьбы против «жуликов и воров», т. е. осуждение коррупции и казнокрадства, но на примере межрегиональных отношений.

Характерные высказывания А. Навального:

- «Чувствую я, что лозунг “Голосуя за “Единую Россию”, ты оплачиваешь еще один порш для Кадырова, Суркова” будет весьма востребованным в грядущей избирательной кампании»⁷;

- «Общенациональная кампания “Хватит кормить Кавказ” совершенно правильная кампания. Кремлежулики, расплачиваясь за 120% голосов для Партии Жуликов и Воров на выборах, вбухивают в СевКавказ какие-то немислимые, фантастические деньги. Естественно, не забывая по дороге отщипнуть от этих денег свои 30%»⁸;

- «...я абсолютно убежден, что деньги, совершенно бесконтрольно выделяемые бандитам, получившим удостоверение милиционеров, несут только вред Северному Кавказу. Показная роскошь одних и нищета с завистью других – какая еще нужна почва для развития терроризма?»⁹;

- «Я шел на “Русский марш” с лозунгом “Долой “Единую Россию” – партию Жуликов и Воров”, мне кажется, вполне

себе дошел. Это был один из главных лозунгов митинга»¹⁰.

Наивысшая интенсивность высказываний на этнополитическую тему приходится на период декабрьских событий на Манежной площади в 2010 году и на начало 2011 года. После избрания А. Навального в Координационный совет оппозиции (октябрь 2012 года) замечен спад интереса к этой тематике. Вероятно, этот политик, зная о неприятии членами КС и большинством либералов этнополитической тематики, стал сокращать ее объем в пользу тем общегражданского содержания (см. приложение).

Для того чтобы дать представление, какой может быть иной дрейф либерала к национализму, настоящему ксенофобному этнонационализму, я приведу наброски к портрету еще одного героя нашего исследования Владимира Милова.

И он, так же как Навальный, после Манежки начинал с критики экономической и региональной политики по отношению к Северному Кавказу, хотя в большей мере, чем Навальный, ополчался на либералов за то, что «национальная компонента была полностью потеряна в российском либеральном движении». И он стал заполнять этот пробел со все возрастающим энтузиазмом. Траектория его включения в националистическую проблематику оказалась совсем иной, чем у А. Навального. Последний старался не противопоставлять себя другим известным фигурам либерального движения, уклонялся от дебатов с ними и, зная нелюбовь либералов к так называемой националистической тематике, уменьшил ее интенсивность к 2013 году более чем в двое. Совершенно иная динамика в выступлениях Милова: националистическая тематика нарастала в 2012 и 2013 годах. В качестве

⁷ Алексей Навальный. LiveJournal [http://navalny.livejournal.com/587857.html]. 2011. 25 мая.

⁸ Там же [http://navalny.livejournal.com/2011/09/30/].

⁹ Там же [http://navalny.livejournal.com/633234.html]. 2011. 20 октября.

¹⁰ Там же [http://navalny.livejournal.com/640474.html]. 2011. 4 ноября.

основных оппонентов Милова выступали представители именно либеральных кругов (С. Алексахенко, Е. Гонтмахер, А. Верховский) и именно в полемике с ними защитник «либерального национализма» отстаивал не либеральную, а исключительно этнонационалистическую повестку дня, выступая, например, за отмену 282-й статьи УК РФ о разжигании национальной розни и за снятие с рассмотрения закона об упрощении процедуры получения гражданства для бывших соотечественников и т. д. Но в его риторике все чаще звучала откровенная ксенофобия.

Приведу только несколько примеров. Так, он упрекает Путина в том, что он «сдает Россию азиатам по всем фронтам». Напомню, презрительная кличка «азиаты» в большом ходу у так называемых «имперских националистов»¹¹. А в чем проявляется сдача позиций по Миллову? Оказывается, она состоит в «готовящейся массовой раздаче русских паспортов киргизам, узбекам и таджикам»¹². Но паспорта им дают не русские, а российские власти, и возникает вопрос: какие национально-государственные интересы могут быть нарушены при выдаче паспортов представителям нерусских национальностей? Или вот такой перл в обращении к руководителю ВГТРК О. Добродееву: «Пусть посмотрит на своего бывшего начальника, Асламбека Суркова-Дудаева, и подумает о своем будущем как следует. В жизни ведь всякое бывает»¹³. Можно одобрять или не одобрять деятельность бывшего главного кремлевского идеолога, но в данном случае в тексте сознательно выпячиваются не политические характеристики, а одна из этнических идентификаций Суркова и в характерной для этнических националистов манере ему придумывается новое имя и несуществующая фамилия с дефисом. Так искажали или придумывали новые фамилии Б. Ельцина, Г. Попова, А. Соб-

чака и почти всех известных либеральных политиков.

Исследование показало, что разделение общества на идеологические группы можно считать свершившимся фактом. Отчасти это позитивный сдвиг – по сравнению с эпохой доминирования аморфной массы советских людей. Теперь тотальная мобилизация общества в мирных условиях исключена. Значительно меньше возможности манипуляции людьми. Однако у каждой медали есть и обратная сторона. Международные сравнительные исследования интернет-сообществ показывают, что российское – самое раздробленное, его идеологические «кусты» слабо связаны друг с другом, умение разговаривать и договариваться так и не появилось. При всех различиях просматривается несколько признаков, общих для всех течений. Во-первых, негативная консолидация во всех группах превалирует. Так, для самоидентификации интернет-сообщества чаще используют негативные определения («мы – не они») и объединяются только перед лицом общих врагов. Ни одна из идеологических групп, включая провластную, не выражает удовлетворенности текущим положением дел и нынешнюю власть оценивает в лучшем случае как меньшее из зол. В-третьих, во всех группах преобладает скепсис в отношении позитивных перемен. Мало кто верит, что у нас может стать лучше, и уж тем более, что скоро станет лучше. Сравнение массовой интернет-аудитории с элитарной показывает, что чем выше уровень интеллектуализма, тем больше проявляется критическое отношение к современным условиям, но при этом у всех групп впечатление бесперспективности. Одни не хотят перемен, боятся их, другие хотят, но не верят в возможность благоприятных перемен. Для большинства групп настоящее безобразно, будущее бесперспективно. И это сущность того

¹¹ Владимир Милов. Livejournal [<http://v-milov.livejournal.com/391438.html>]. 2013. 15 мая.

¹² Там же.

¹³ Там же.

безвременья, о котором мы сегодня говорим.

Что нас ждет после конца безвременья?

Эпоха безвременья постепенно уходит. Это еще не очень заметно – как наступление утра зимой: пять часов утра в декабре мало отличаются от трех часов ночи, однако язык все-таки говорит нам, что одно – утро, а другое – ночь. И вот сейчас по ряду признаков уже можно угадывать приближение хмурого утра.

Фундаментом безвременья была политическая стабильность, пусть и застойная. В таких условиях большинство идеологических группировок оставались пассивными и могли позволить себе абстрактно размышлять на тему, а нужны ли им программы действий. Но это была шаткая конструкция, и стоило какой-то из ее частей проявить активность, как равновесие нарушилось. После серии митингов в 2011–2012 годах включилась власть. Ее новую стратегию Владислав Сурков назвал «долгожданной жесткостью», а политическая оппозиция (практически всех ее оттенков) – репрессиями. Так или иначе, возникает цепная реакция – действие рождает противодействие. То, что Сурков назвал «однозначной победой» власти, может быть всего лишь естественным запаздыванием ответа оппозиционных сил на действия властей. В начале прошлого века этот ответ растянулся на 12 лет (между 1905 и 1917 годом), сегодня сроки способны сжиматься, а варианты «отдачи» – быть еще более непредсказуемыми. Оппозицию буквально провоцируют к росту напряжения: в 2010 году, когда футбольные фанаты вышли на Манежную площадь, Путин с ними встретился. Через год, после целой серии многократно больших по численности митингов, власть отказалась от диалога. Оппозиция, дескать, не конструктивная. Действительно, куда ей до футбольных фанатов. Но ведь и провластные силы не получили успокоения. Напротив,

именно они стали основными потребителями потока антизападной истерии. Мобилизовать с ее помощью население нельзя, не получается, а вот страхи и фобии возрастают, а это плохая опора для стабильности. К тому же все это происходит в условиях экономического спада. За период 2012 года динамика ВВП снизилась в России примерно в четыре раза. Приток иностранных инвестиций в экономику России уменьшился и, по прогнозам, в 2013 году еще сократится. Правительство РФ выдвинуло задачу улучшения инвестиционного климата. Но стратегия «долгожданной жесткости» вряд ли будет способствовать этому. Вся система сдержек и противовесов, обеспечивавшая состояние застойной стабильности, деформируется. Нас ждет интересное будущее.

Чтобы оценить, какой будет идеологическая палитра России в ближайшем будущем, стоит обратить внимание на способность к самоорганизации и объединению сторонников каждой из представленных групп. Когда все находится в становлении, эта способность очень важна. И в этом аспекте расстановка сил иная. Наибольшую способность и готовность к самоорганизации проявили левые и националисты. Заметно отстают провластные (их организуют сверху). А наименьший интерес к самоорганизации у либералов. Соответственно, у них же самые безрадостные перспективы. Кроме того, в этом исследовании мы выделили тематические блоки дискуссий каждой из четырех групп – новости, самоорганизация, идеология, развлечения и т. д.

Идеология – это то, чем интересуются в основном левые. Они рассуждают, что такое марксизм новый, что такое марксизм старый, что такое отчужденность, справедливость, интересы. На втором месте по этому пункту оказались русские националисты. Меньше всех идеологией интересуются российские либералы. У них лидирует блок «иное» – это та «каша с гвоздями», которой даже названия не найти: личные фотографии, обсуждение книг, споры о киногероях

и котиках... Собственно политический контент сведен к минимуму. Интерес к приватной жизни понятен, но обратите внимание: мы рассматривали политические интернет-сообщества. Справедливо заметить, что и на Западе сегодня либеральная идеология сравнительно размыта. Но почему? Потому что там основная либеральная идея – о главенстве прав человека – стала общим местом. Ею воспользовались почти все существующие партии. Либералам осталось бороться за частности. Однако у нас иная ситуация. Права человека в России ценностью не считаются. Более того, именно сейчас они подвергаются целенаправленной травле, постулируется мысль, что Запад использует идею прав человека для вмешательства во внутренние дела России. Казалось бы, в этих условиях именно либералы должны сплотиться под знаменем защиты прав человека, но, увы, и в этом лагере идут дискуссии (пусть и в иносказательной форме) о пользе соблюдения таких прав. Случается, что либералы (даже такие заметные, как Владимир Милов) предлагают с пониманием отнестись к призывам «Хватить кормить Кавказ!» и «считаться с устойчивыми стереотипами против выходцев с Кавказа». Какие уж тут права человека.

Идея гражданской нации, полтора века назад высказанная Э. Ренаном, в либеральном сообществе даже не упоминается. Непонятными для идеологов российского либерализма остались и идея Э. Геллнера о нации как основе экономической и политической модернизации, и мысль Д. Растоу о том, что национальное единство – главное предварительное условие для демократии. Народ может стать источником власти, однако сначала нужно договориться, что же такое народ. Россия решила обойти ответ на этот щекотливый вопрос, в результате у нас ведутся споры между либералами-космополитами и этническими националистами – заранее тупиковые споры. И наконец, главный грех современного русского либерализма – это склонность его сторонников к

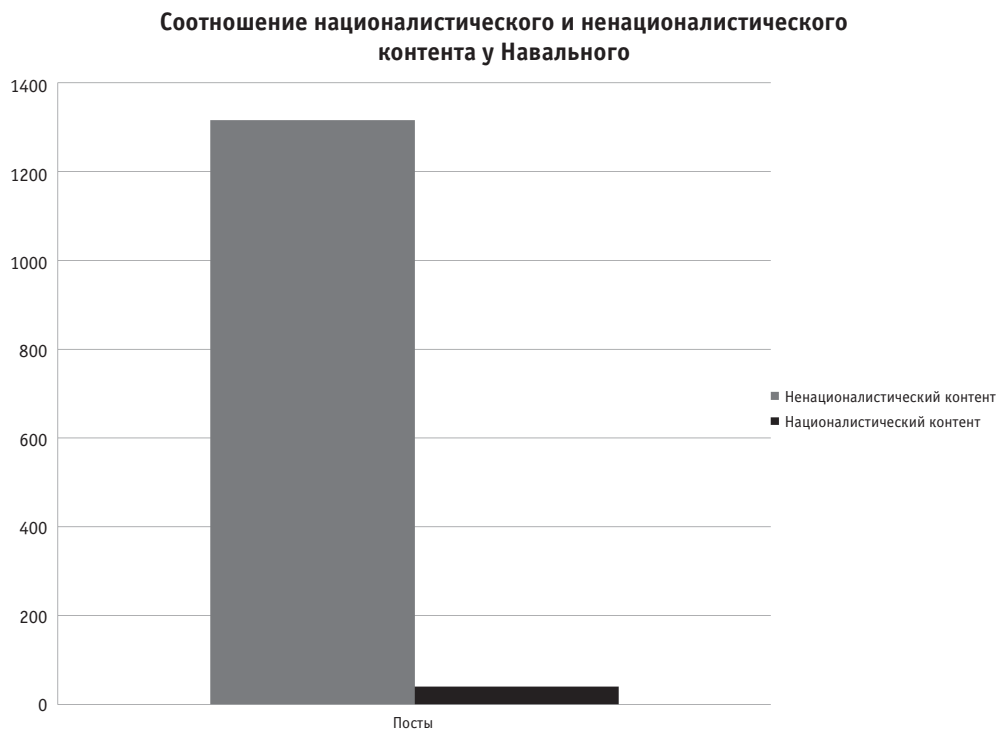
идее исторической предопределенности. В двух ее разновидностях. Во-первых, в пессимистической. В России, мол, сложилась авторитарная политическая культура, рабское сознание. «Плохой народ» не способен отказаться от «исторической памяти» и поддержать либеральный курс. Во-вторых, предопределенность сквозит и в натужно оптимистических выступлениях. Этот мотив преобладает на митингах, когда собравшихся убеждают, что исторический прогресс сам собой приведет Россию к торжеству свободы и демократии. Непонятно лишь, о каком масштабе истории идет речь – о веках, тысячелетиях? Если говорить о текущем историческом моменте, то он показывает, что победа из рук либералов ускользает. Положим, они многое сделали для того, чтобы внушить большинству населения святую ненависть к «партии жуликов и воров». Но вот публикуется список министров-миллионеров, охарактеризованных как сторонники экономического либерализма, и тут же в Интернете появляется пост: «Хорошо устроились либерасты: сами воруют, а на Путина сваливают». Доверия к либералам нет.

Неструктурированные, расколотые, донациональные общества в течение долгого времени оказываются во власти либо диктатур, либо толпы, и трудно оценить, какое из зол большее. В 1979 году после свержения монархии в Иране к власти пришла исламская теократия. В 2011–2012 годах после революций так называемой «арабской весны» в ряде арабских стран были свергнуты застойные диктатуры, но власть захватили идеологи исламского фундаментализма. В современной России в случае ослабления авторитарных тенденций и нарастания нестабильности не исключено, что претендентами на политическое лидерство станут совершенно новые силы – идеологические мутанты, возникшие из сочетания ксенофобного национализма и левого социального популизма. Их появление вызвано запросом снизу. Наше исследование показало, что единственная

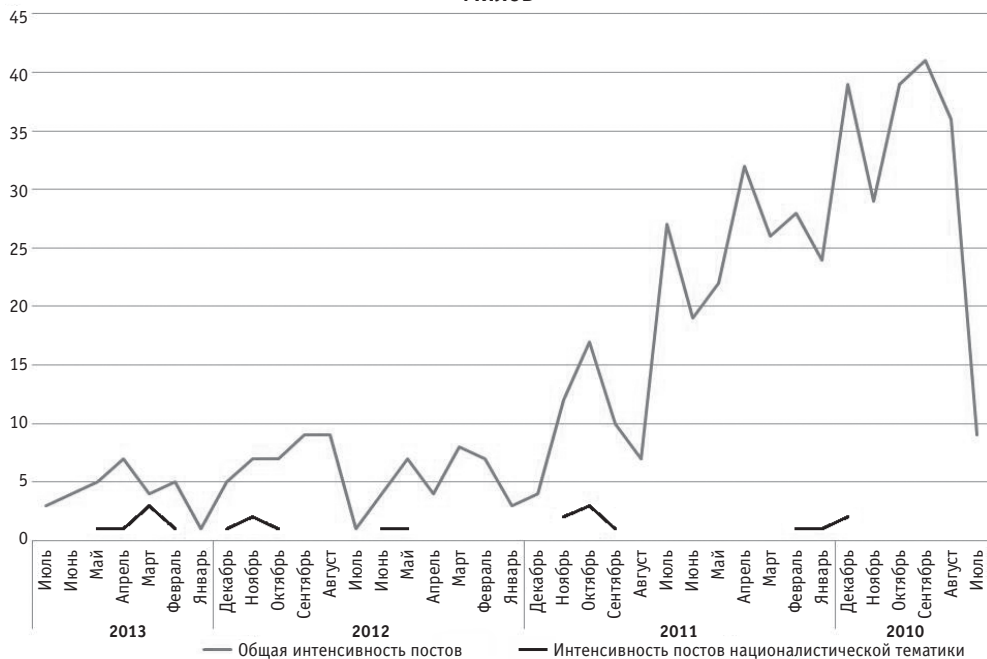
идея, общая для массовой аудитории каждой из четырех групп, – это ксенофобия. Исламофобия, кавказофобия, мигрантофобия распространены даже среди либералов, а в других течениях они еще сильнее. Также растет популярность идеи социальной справедливости. Согласно последним соцопросам, россияне все большее значение придают условиям жизни, комфорту и защищенности по сравнению с тем же увеличением зарплаты. А власти, конечно, гораздо легче прибавить зарплату и индексировать пенсии, чем разбираться с ЖКХ. Назревает недовольство. Подстраиваясь под эту реальную повестку дня, националисты и левые мутируют. Самые активные ячейки слева и справа подхватывают лозунги друг друга, сливаясь в своеобразный национал-социализм российского розлива. В одном из информационных листовок партии «Воля», отнюдь не самой популярной, но весьма показательной, собраны все ударные лозунги: критика власти – «Наша страна умирает. Ее убивают как раз те, кто должен “по должности” о ней заботиться, – чиновники»; национализм – «Народное движение “За Иванов!”» (это значит в защиту корен-

ного населения России против колонизации страны); левая риторика против иностранной буржуазии – «Заводы и предприятия за годы перестройки были отданы на откуп Западу, грабительство названо “приватизацией”». Подобные лозунги в современной России вполне перспективны. История в таких ситуациях, как сегодняшняя российская, предлагала два варианта сплочения граждан на общей платформе. Либо испанский сценарий – пакт Монклоа, когда разные политические силы после смерти генералиссимуса Ф. Франко объединились в неприятии диктатуры и выработали «дорожную карту» демократического транзита; либо сценарий эволюции Веймарской республики – от авторитаризма к диктатуре. Во втором случае, как мы помним, объединение происходило не за счет диалога и учета мнений оппонентов, а за счет уничтожения или выдавливания всех противников режима. Я не говорю, что в России невозможен первый сценарий. Однако опасность второго налицо: он гораздо проще, и, если ничего не предпринимать, в силу исторической инерции может осуществиться именно он.

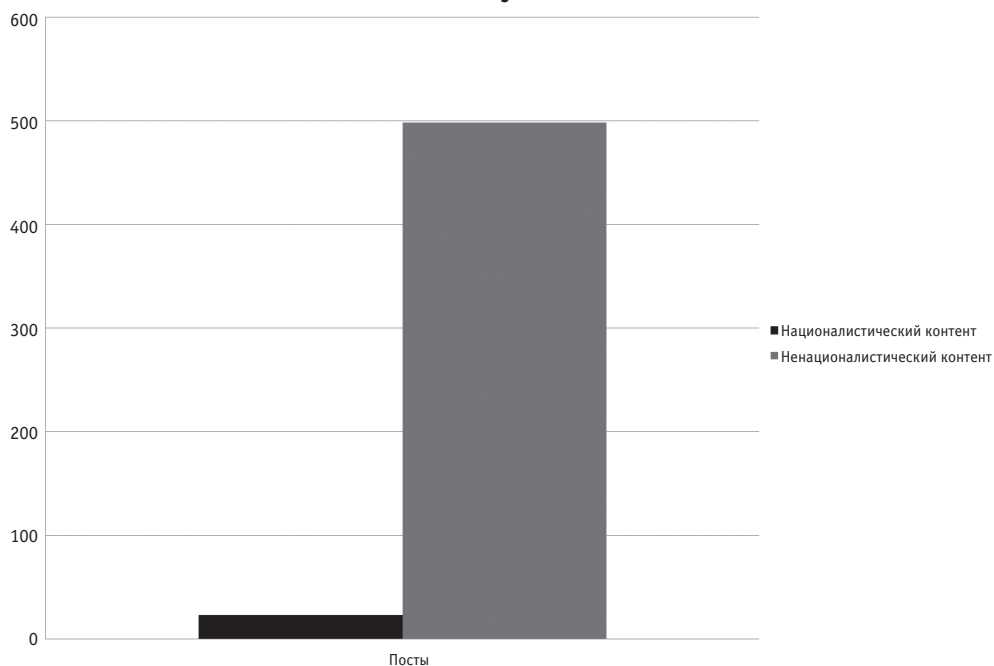
Приложение. Навальный vs Милов: битва патриотов

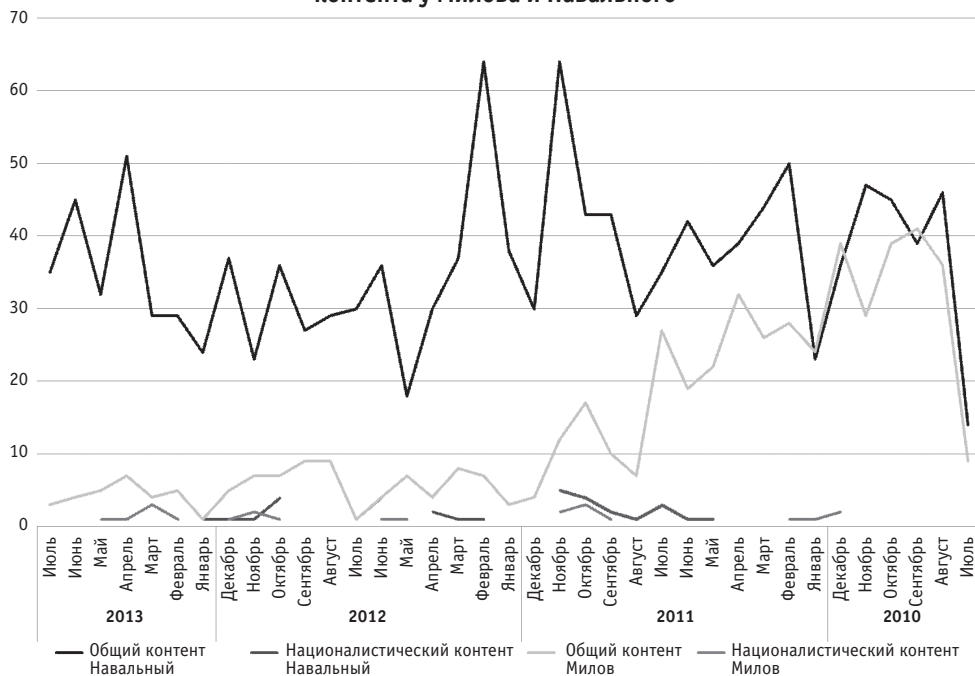
Общая интенсивность \ Интенсивность националистических постов Милов

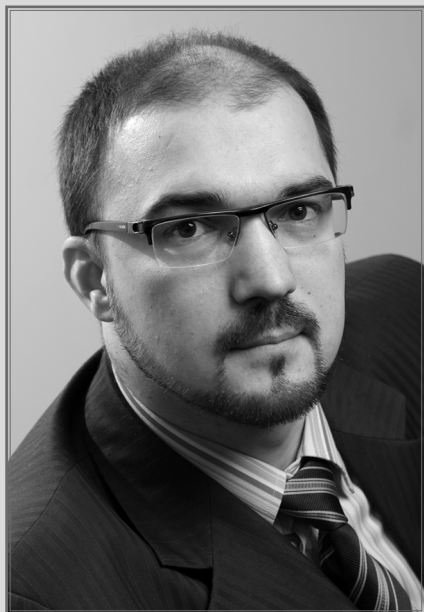

Соотношение националистического и ненационалистического контента у Милова

Сравнительная интенсивность общего и националистического контента у Милова и Навального

**Андрей Александрович
Мирошниченко,**
*журналист, теоретик медиа,
руководитель Школы эффективного
текста «Медиа», former Fulbright-
Kennan Scholar*

Интернет и эволюция медиаактивизма в России

Интернет освободил частное авторство: сотни миллионов людей обрели возможность высказывать и распространять свое мнение без ограничений. Раньше эта возможность была исключительной монополией медиа. В результате все современные общества переживают сейчас важный социальный сдвиг – от трансляционной к вовлекающей модели медиа. Будучи обусловлен технологическими причинами, этот сдвиг влияет не только на медийный рынок, но и на политическую ситуацию. Освобожденное авторство рождает огромные объемы частной активности. Эта активность эволюционирует и, рано или поздно, неизбежно приходит в политику. На примере развития Интернета и политической ситуации в России в 2010–2012 годах попытаюсь показать закономерности эволюции медиаактивизма.

Весной 2009 года в Молдавии Twitter разогрел и координировал протесты против результатов выборов; протесты местами перешли в уличные беспорядки. Социальные медиа сыграли большую роль в «арабской весне», которая началась в конце 2010 года. Летом 2011 года молодежь с лондонских окраин устраивала погромы в английской столице. Происхождение и координацию этих то ли протестных, то ли криминальных действий тоже связывали с влиянием социальных медиа. Чуть раньше, в 2008 году Facebook, YouTube и Twitter впервые активно использовались и оказали влияние на президентские выборы в США.

Иными словами, в конце 2010-х Интернет по всему миру стал влиять на политические события. Где-то он аккумуляровал гражданскую активность, где-то провоцировал или поддерживал протесты, погромы, гражданскую войну. События везде разные, но объединяет их одно. Пользователи Интернета перешли от обсуждений к действиям.

Как определить волшебный рецепт превращения виртуальной реальности в социальную? От ответа на этот вопрос зависит и состояние гражданского общества, и безопасность авторитарных правителей. Так что интерес к теме есть как со стороны общественных активистов, так и со стороны власти.

Перебирая многочисленные случаи, можно выделить четыре типа воздействия блогосферы на социальную действительность.

1. «Варимся в собственном соку»

Самый «ленивый» тип воздействия блогосферы на реальность можно охарактеризовать так: возбудились и пошумели. Влияние таких историй лишь в том, что у большого количества людей появляется какое-то новое отношение к общей для всех теме. Возможно, оно сработает потом. Но пока реакции Интернета ограничиваются настроениями Интернета.

2. «Бумеранг»

Воздействия второго типа приводят вроде бы к реальным событиям, но главная цель этих событий – последующий резонанс в самой блогосфере. Тема вылетает из виртуальной реальности в социальную лишь затем, чтобы бумерангом вернуться обратно и собрать урожай отклика. Таковы, например, почти все флэшмобы или вечеринки, задуманные в Сети и проведенные в «реале», но для последующего обсуждения в виртуальном пространстве.

Мода, отклик и резонанс – нормальные мотивы для изменений; изменения могут быть даже существенными. Однако и начальной, и конечной точкой по-

лета этого бумеранга все равно остается Интернет.

3. «Let them do it»

Интернет-активность выплескивается в онлайн, но адресована «другим» деятелям. Люди из Интернета пытаются воздействовать на кого-то другого в реальном мире. Средства перевода виртуальности в реальность – петиции, организуемые в Интернете, жалобы, подаваемые в инстанции, воззвания и т. д.

Чаще всего такие действия, затеваемые в мире виртуальном, адресованы властям или организациям, то есть институциональным субъектам реального мира. Последующий возврат обсуждения в социальные сети вероятен и желателен. Но все-таки основной эффект связан именно с перемещением действия из соцмедиа в реальную жизнь. Обсуждение же в блогосфере является не целью, а средством.

4. «Let us do it»

В этом случае блогеры порождают в Сети инициативы, которые потом сами же и реализуют в реальной жизни. Так была устроена помощь на пожарах жарким летом 2010-го под Москвой, когда волонтеры организовывались для реальных дел.

Интересную шкалу мотиваций для участия людей в коллективных действиях предлагает американский исследователь медиа Клэй Ширки. «Существует целый спектр мотиваций для участия людей в интернет-взаимодействии», – пишет Ширки. – Мы можем выделить четыре важные градации в этом спектре. Первый тип – частное взаимодействие (personal sharing), которое позволяет нескоординированным прежде людям вдруг действовать согласованно... Другой, более вовлекающий тип – коммунальное взаимодействие (communal sharing), оно развивается в группе людей, уже объединенных какой-то темой... Затем идет общественное взаимодействие (public sharing) – люди не просто объединены темой, но хотят

придать ей общественное звучание. Наконец, существует гражданское взаимодействие (civic sharing), когда люди пытаются сообща трансформировать общество. Градации типов вовлечения одновременно описывают тот или иной уровень ценности этого вовлечения для участников»¹.

Ширки рассматривает диапазон мотивов вовлечения как статическую классификацию, как инструмент для описания разных по охвату и эффекту типов интернет-взаимодействия (к сожалению, в русском языке нет подходящего аналога слову sharing). Но дело в том, что при описании этих мотивов он опирается на традицию открытого общества.

В открытом обществе частная активность находит достаточно свободное применение в реальной жизни. Механизмы гармонизации изначально неслаженных действий, взаимного позиционирования разнообразных мнений существуют и в офлайне. Они приходят в Сеть уже готовыми, лишь получая в ней новые возможности.

Иначе обстоит дело в закрытых обществах, где у людей мало личного опыта публичной активности. Этот опыт зарождается почти с нуля – и именно в Интернете.

Если бы Клэй Ширки имел опыт жизни в закрытом обществе (это не пожелание), то он описал бы градации вовлечения не как статические типы, а как динамические стадии. В закрытых обществах активность частных людей, ограниченная в офлайне, раскрывается в Интернете, последовательно проходя эволюционные стадии, примерно такие же, которые Ширки описывает в качестве мотивационных типов.

Именно так эволюционировала сетевая активность в России.

В TV-культуре от человека ничего не требуется, кроме как быть диван-

ным овощем. Максимальное участие – выбор между каналами. А вот в Интернете, наоборот, самое минимальное участие сразу предполагает более высокий уровень вовлечения. Даже like или перепост уже означают публичную демонстрацию своей позиции.

Дальше – по нарастающей. Самый простой уровень активности – юзеры оставляют свидетельства с помощью междометий. Это почти физиологическая метка, маркирующая территорию присутствия. Своего рода квант самопрезентации, доступный и животным (страшно подумать, из чего через несколько шагов эволюции рождается авторство). Но и эта частная метка, оставленная на общем обозрении, уже делает человека публикатором.

Самовыражение питается откликом, а значит, заставляет искать наиболее питательные формы отклика. Простые метки, оставленные на видном месте, не приносят удовлетворения требовательной персоне или вообще теряются в массиве таких же бесхитростных отметок. Борьба за лучший отклик запускает возгонку авторства. Бытовое самовыражение переходит на уровень распространения аттрактивных тем и мемов.

Бытовая авторская активность до-
растает до уровня забавных котиков.

Котики – великая сила. Забавные котики – начальная школа гражданского активизма. Именно на котиках начинающий медиаактивист понимает, что удачно подобранный контент провоцирует реакцию на персональное действие далеко за пределами персонального окружения.

Котики дают неопытному бытовому автору первый опыт публичного отклика. Благодаря котикам обнаруживается зависимость между качеством контента и откликом аудитории. На стадии котиков у юзера появляется первый слабый

¹ Shirky C. Cognitive Surplus: Creativity and Generosity in a Connected Age. New York, 2010. P. 173. Перевод автора.

оттенок медиапрофессионализма. Ну и, наконец, котики позволяют простому человеку впервые попробовать сладкую отраву популярности, подсаживают на этот наркотик авторства.

От котиков остается сделать лишь один шаг и дорасти до поиска интересных тем, чтобы получать больше этого наркотика. На этом этапе приходит понимание (или ощущение), что темы, значимые для других, приносят наибольший отклик. Иными словами, это социально значимые темы.

На последующих стадиях развития авторства появляется развернутый комментарий. За ним следует вовлечение в спор, составление коалиций спорщиков... Появляется контент, значимый настолько, что он создает социальную гравитацию – притягивает и отталкивает людей друг от друга. И это все примерно с тем же уровнем затрат, что и для телевизора: просто нажимай кнопки. Но с куда большим участием, с эмоциональной отдачей, с ожиданием отклика на свою индивидуальность.

Так в среде медиаактивности зарождается медиаактивизм. Возникает представление о собственной медийной репутации, ценности собственных постов и комментариев, собственного участия в коалициях. Вовлечение переходит с бытового уровня на уровень стартовой гражданской активности, которая подразумевает авторскую оценку общих тем, выражение общих ожиданий. А это уже публицистика.

Следом формируется осознание способности воздействовать и действовать. Возникают предпосылки для волонтерства и иных способов социальной координации. Медиаактивисты предпринимают попытки выхода в офлайн-новую действительность.

Но и это не предельная стадия развития частной медиаактивности.

Наилучший отклик дает либо творческая активность, либо участие в политических темах. Вот такие два пути возникают перед продвинутым медиаактивистом. Но творчество доступно не

всем. А вот политика как высшая форма вовлечения человека в общие дела как раз и гарантирует наилучший по качеству и количеству отклик на частное самовыражение, наилучшую среду для резонанса со многими.

Итак, эволюция медиаактивности проходит следующие стадии:

- бытовое авторство;
- популярное авторство;
- медийная активность;
- гражданское вовлечение;
- волонтерский активизм;
- политический активизм.

Не все проходят по этому пути до конца. Каждый останавливается на своей фазе активности – сообразно своему темпераменту и талантам. Но вся среда в целом эволюционирует до уровня политически значимых тем. Потому что те немногие харизматики, которые проходят весь эволюционный путь, становятся локомотивами, трибунами и триггерами для всей системы. Они борются за отклик, как и все, но их темперамент неизбежно приводит их к пониманию, что лучший отклик дают темы с высоким гражданским напряжением.

Политизация освобожденного авторства – это продукт не нравственности, а статистики. Миллионы экспериментов по добыче отклика приводят к одному итогу. Так в новом, сетевом виде возникает Агора, древнегреческая площадь со стихийным собранием граждан, из которой выросла современная политика.

Описанные стадии развития медиаактивности формируют единое для всех русло эволюции вовлечения. Русло открыто всем. Продвижение по нему зависит от личных качеств, но также и от окружающей политической температуры. Важным условием сетевой эволюции медиаактивизма является, как ни странно, закрытость общества.

В открытом обществе эта эволюция уже произошла в досетевую эпоху. Поэтому неизбежность эволюции медиаактивизма можно заметить именно на материале закрытых обществ, наблюдая, как медиаактивность постепенно превращает бытовую тематику блогосферы в гражданский активизм и даже уличные политические протесты.

Если свободная дискуссия вытеснена из социальной практики, в среде свободных реакций она развивается с утроенной силой. Если мнения не получают свободу выражения в офлайне, их отсутствие в офлайне компенсируется их «избыточным давлением» в онлайн. (Глава медиалаборатории РИА «Новости» Василий Гатов как-то сказал, что блог одного известного русского блогера горячее, чем вся немецкая блогосфера.)

Если офлайн чрезмерно изолирован, онлайн гальванизируется.

В России в конце 2000-х были созданы хорошие условия для «чистого» эксперимента по выращиванию медиаактивизма.

С одной стороны, власть плотно контролировала традиционные медиа. Опасаясь санкций, профессиональная журналистика не затрагивала острых тем. Но насущные проблемы все равно требовали обсуждения. Острые темы вытеснялись в Интернет, где обсуждались свободно, потому что власть не придавала Интернету особого значения. Власть не видела в нем электоральных угроз и считала Интернет заповедником для узкой и недееспособной прослойки интеллигентов и хипстеров. Однако, постоянно обнаруживая несоответствие между сообщениями блогосферы и официальной картиной мира в титульных СМИ, блогеры гальванизировались.

С другой стороны, в этот же период достаточное развитие получили социальные медиа. Интернет в России

достиг охвата в 30–35% населения². В оцифрованную группу как раз попадали прежде всего образованные, городские, относительно обеспеченные люди молодого и среднего возраста. Именно эти люди традиционно в России формируют среду вольнодумства и диссидентства, явного или скрытого.

Другая, видимо, характерная для Рунета особенность: количество юзеров, имеющих аккаунты в социальных сетях, приближается к 100%. Почти все россияне, выходящие в Интернет, участвуют и в социальных медиа. Россияне очень хотят общаться и обсуждать вопросы социального устройства. Вероятно, еще и потому, что лишены такой возможности в политическом пространстве.

Стоит добавить, что качественный скачок медиаактивности произошел на подготовленной технологической базе. Или, если следовать Маршаллу Маклюэну³, именно технологические средства (медиа) и обеспечили этот скачок.

В России к концу 2000-х годов уже масштабно присутствовали основные социальные сети.

Традиция всеобщей грамотности в России не очень большая – около 80 лет. Литература и книжная культура в советское время были основанием для национальной гордости. Поэтому россияне до сих пор придают большое значение написанному тексту. Если в английской или американской культуре важную роль играет публичная речь, то в России функция публичного выражения мнений традиционно закреплена за письменным текстом.

Вероятно, именно поэтому обмен текстами в социальных сетях пришелся россиянам по душе. И по этой же причине первой массовой социальной сетью в России стал LiveJournal, созданный именно для распространения средних и небольших текстов. LiveJournal правил российской блогосферой все «нулевые»

² В настоящее время – 52%.

³ Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. М., 2005.

годы, став стартовой площадкой для первой плеяды влиятельных блогеров.

К началу 2010-х достаточно широко распространился Facebook. Характерная особенность: в отличие от США и Европы, где эта социальная сеть используется в основном для бытового общения с друзьями и родственниками, в России Facebook стал в гораздо большей степени средой общения на профессиональные и политические темы. Он собрал прежде всего городских образованных профессионалов среднего возраста. А это как раз та группа, которая наиболее расположена к инициативному поведению и способна дотировать инициативы материальными ресурсами, знаниями и временем. По своему темпо-ритму и социально-демографическому составу российский Facebook оказался наиболее удобной средой для координации гражданских действий в горизонте одного-двух дней.

Ядерная аудитория российского Twitter примерно совпадает с аудиторией Facebook. Twitter, однако, имеет еще и более широкую (и размытую) периферийную аудиторию. По темпо-ритму он, видимо, хорошо подходит для координации действий в горизонте нескольких часов. Именно благодаря своему демографическому составу и тактико-техническим характеристикам, Facebook и Twitter стали медийной основой для московских уличных протестов, которые развернулись после выборов конца 2011 – начала 2012 года.

Качественный сдвиг интернет-активности (1) от бытового общения к общественной тематике и (2) от виртуальности к реальности произошел и в двух других, российских по происхождению сетях – «Одноклассники» и «ВКонтакте». Однако социально-демографический состав этих соцсетей, а также их дизайн (акцент на профиле пользователя, а не на общей ленте) не производят такого массива социальной активности, как в случае с LiveJournal, Facebook и Twitter.

Такие условия и такая среда не могли не подготовить почву для возникновения общественной активности, альтернативной официозу.

Поначалу интернет-интеллигенция варилась в собственном соку, обсуждая внутренние свары. Однако теперь, ретроспективно, можно выделить ряд поворотных событий, когда медиаактивность Рунета совершала очередной эволюционный скачок.

Пожалуй, первым наблюдаемым моментом, когда частная медиаактивность Сети создала альтернативное медиапространство, стало крушение поезда «Невский экспресс» в ноябре 2009 года. Это была ночь с пятницы на субботу. Профессиональные журналисты смогли прибыть на место крушения через 6–10 часов. Но среди пассажиров разбившегося поезда оказалось как минимум шесть блогеров. Они начали публиковать сообщения, которые мгновенно расходились по Рунету. Многим регулярным СМИ, даже интернет-изданиям, только и оставалось, что ссылаться на сообщения блогеров-очевидцев, да и то с опозданием.

Вероятно, это был первый случай, когда любительские репортажи вирусного редактора⁴ опередили профессиональную журналистику и по времени, и по качеству. Обычные люди увидели и осознали, что кто-то из их среды способен выполнять функцию, которая раньше была доступна только регулярным СМИ.

Другой заметный эпизод уже имел политическую окраску. В декабре 2009 года провинциальный майор милиции Алексей Дымовский выложил в сеть эмоциональное обращение к премьеру Путину, в котором рассказал о нарушениях в правоохранительной системе. Дымовский мгновенно стал звездой Рунета. Регулярные СМИ если и освещали это событие, то только уже после мощной волны, поднятой в Интернете.

⁴ Мирошниченко А. Существо Интернета. 12 тезисов о вирусном редакторе // Частный корреспондент. 2010. Декабрь [http://www.aka-media.ru/foresight/188/].

Также в конце 2009 года началась серия антикоррупционных разоблачений блогера и юриста Алексея Навального, медиаактивизм которого сделал его впоследствии одним из самых заметных лидеров оппозиции. Навальный проводил расследования, которые были невозможны ни в титульных СМИ, ни в правоохранительных органах. Симптоматичный факт – спустя год российский журнал GQ признал Навального лучшим главным редактором года. Главный редактор без собственного СМИ. Фактически таким СМИ был признан блог Навального.

Однако Навальный не только публиковал свои расследования в LiveJournal, собирая сотни тысяч просмотров и тысячи комментариев, но и подавал формальные запросы как в корпорации, так и в правоохранительные органы, а также создавал шаблоны жалоб и запросов, чтобы их подавали другие блогеры. Он стал очень серьезным раздражителем для властей, действуя одновременно и по новой технологии, и по старым формальным правилам. Ведомства, следующие этим правилам, были вынуждены как-то отвечать на официальные, юридически грамотные запросы Навального и его последователей. Официальные ответы ведомств тоже придиричливо обсуждались и высмеивались в Сети. Это была веселая игра, соответствующая духу Интернета в то время. Кроме того, Навальный давал людям возможность получить отклик. Он действовал абсолютно по рецепту new media: вовлечь читателей, сделать их авторами, дать им свою площадку, чтобы они могли получить отклик.

Но такая активность все еще больше походила на подростковое бунтарство, чем на осмысленную политическую деятельность; Навальный называл эту активность «тыкать коррупционеров острой палкой». Так бродячий циркач дразнит опасного зверя на потеху публике. Максимальный результат – попу-

лярность смельчака. Эта популярность конвертировалась в политическое лидерство позже.

В 2010 году альтернативная медиаактивность пошла вглубь и вширь. В марте в московском метро произошли теракты – вирусный редактор отработал их лучше информационных агентств. Социальные медиа уверенно теснили титульные СМИ – с точки зрения освещения действительно важных новостей и дискуссий.

Затем кто-то устроил провокацию против лидеров немногочисленной тогда политической оппозиции, подставив им девицу легкого поведения по прозвищу Катя-Муму. Сексуальные утехы некоторых оппозиционеров с Катей-Муму были сняты скрытой камерой, ролики попали в Сеть.

Трудно оценить, какой ущерб нанесли эти ролики оппозиционерам, но зато они политизировали Рунет чрезвычайно. Огромное количество рядовых юзеров узнало, что политика – это очень интересно. Частные медиаактивисты все охотнее стали переключаться с бытовых обсуждений и споров на политические и гражданские темы.

На новый виток своего развития медиаактивность Рунета вышла летом 2010 года, когда в России бушевали пожары. Уже имея привычку и опыт критиковать власть, русский вирусный редактор сообщал из разных мест, что людям не хватает организованной помощи. Немногочисленное до этого волонтерское движение моментально обрело популярность. Его лидеры, такие как Доктор Лиза⁵, стали известны всему Рунету. А само волонтерство или хотя бы какая-то причастность к нему вошли в моду.

Люди в массовом порядке учились перечислять деньги, собирать вещи,

⁵ Елизавета Петровна Глинка, широко известна под псевдонимом Доктор Лиза, – российский филантроп, по образованию врач-реаниматолог, исполнительный директор фонда «Справедливая помощь».

выезжать на пожары. В соцсетях создавались группы, нацеленные на помощь в конкретных районах или на помощь определенного характера. Интернет-деятели создавали разные спутниковые проекты, вроде интерактивной карты пожаров (например, russian-fires.ru на платформе Ushahidi), которые аккумулировали сведения о пожарах и помогали ориентироваться, где какая помощь нужна.

Пожалуй, вирусный редактор впервые в таком масштабе опробовал «развиртуализацию», то есть выход в офлайн. Именно жаркое лето 2010 года вывело интернет-активность российских пользователей на новый уровень. Медиаактивность перешла со стадии гражданских споров на стадию гражданских действий.

В это же время провластные организации, отвечающие за работу с молодежью и в Интернете, попытались использовать ту же моду на волонтерство для саморекламы, но были разоблачены, что еще больше политизировало Сеть. Потому что именно критика власти и высмеивание ее неловких сторонников приносили наибольший отклик. Массив пользователей все больше переключался на политические темы, потому что это был fun.

Следует отметить, что свобода авторства предоставлена всем, в том числе и защитникам режима, платным или добровольным. Наличие разных точек зрения еще больше разогрело блогосферу и втягивало бытовых авторов в политические дискуссии. За какие-нибудь 2–3 года тысячи или даже десятки тысяч блогеров, ранее аполитичных, обнаружили себя активными сторонниками или даже игроками в совершенно новой среде, где коллективное медиа способно, как минимум, конкурировать с профессиональными СМИ, а свободная политическая дискуссия (чаще склока) затрагивает темы, которые в официальной политике табуированы.

Интернет втянул массы людей в политику.

Опыт взаимодействия Рунета с реальностью, впервые приобретенный во время летних пожаров 2010 года, спустя год, осенью 2011, был использован для организации уже не просто гражданских инициатив, а политического протеста.

24 сентября 2011 года на съезде правящей партии «Единая Россия» было объявлено об обратной передаче власти от Медведева к Путину. Преобладающей реакцией Рунета стало возмущение.

Тогдашний президент Медведев подавал смутные сигналы либерализации общественной жизни и проявлял интерес к Интернету. Поведение Медведева порождало в Рунете слабое, скрытое, но все-таки благожелательное ожидание неких полезных решений. Еще молодому российскому Интернету и его отдельным активистам иногда даже льстило внимание столь высокого руководителя. Для них обратная рокировка Медведева с Путиным стала разочарованием. Уже разогретая политическим недовольством, среда Рунета резко радикализировалась.

На выборах в Думу 4 декабря 2011 года огромное количество блогеров (а это преимущественно молодые, городские, образованные, ранее равнодушные к политике и выборам люди) впервые захотели проголосовать. Многие вели любительские репортажи с избирательных участков, многие даже получили официальный статус наблюдателя на выборах. Избирательные комиссии, до этого привыкшие заниматься своими делами в относительной тишине и комфорте, впервые столкнулись с назойливым любопытством каких-то непонятных, настырных и чересчур грамотных молодых людей, фотографирующих все на мобильные телефоны.

Повальная мода на вскрытие и расследование выборных фальсификаций, с одной стороны, совершенно очевидно, наследовала противопожарному волонтерству 2010 года, а с другой – чем-то

напоминала эпидемию политического фактчекинга, которая каждый раз захватывает американские СМИ на следующий день после очередных президентских дебатов.

В ходе президентской гонки в США профессиональные журналисты и блогеры-любители буквально соревнуются в том, чтобы найти в заявлениях кандидатов неточности. Цель соревнования ясна – лучшие фактчекеры получают лучший отклик, признание и даже становятся знаменитыми. Настроенная на такой точечный и тщеславный мотив система в целом реализует важнейшую функцию – контроль за политиками. Нечто похожее на подобное соревнование фактчекинга, только на почве разоблачения wyborных фальсификаций, развернулось и в российском Интернете во время и после выборов 2011–2012 годов.

В этот момент интернет-активисты уже осмысленно участвовали в офлайн-политической жизни, пытаясь влиять на ситуацию не жалобами, а собственной активностью. И когда стала поступать информация о нарушениях на выборах, именно Интернет выступил координатором протеста. Только один призыв в блоге Навального вывел на улицу тысячи людей.

Первые протесты жестко подавлялись. Однако манифестации стали настолько массовыми, что власть даже ввела в Москву внутренние войска; но не решилась их применить и пару месяцев пребывала в растерянности.

Власть делала ставку на телевизор, и телевизор выиграл для нее выборы. Но телевизор проиграл Интернету пресловутую «политическую стабильность». Интернет, изначально не имевший политического заряда, благодаря эволюции медиаактивизма оказался источником новой политической силы, изменившей власть и общество.

Так, буквально за три года, медиаактивность Рунета прошла все стадии эволюции:

- бытовое авторство;
- популярное авторство;
- медийная активность;
- гражданское вовлечение;
- волонтерский активизм;
- политический активизм.

С точки зрения воздействия на реальность эволюция медиаактивизма тоже прошла все стадии:

- «Варимся в собственном соку»;
- «Бумеранг»;
- «Let them do it»;
- «Let us do it».

Наконец, описанная эволюция также хорошо укладывается в градацию мотивов интернет-вовлечения, описанных К. Ширки:

- частное взаимодействие (personal sharing);
- коммунальное взаимодействие (communal sharing);
- общественное взаимодействие (public sharing);
- гражданское взаимодействие (civic sharing).

Очевидно, что российские события были обусловлены местной политической спецификой. Но в равной мере они были подготовлены распространением Интернета и социальных сетей. Точнее говоря, именно конфликт между ригидной политической системой и текучей средой освобожденных мнений привел к политическому обострению.

Новые медиа через самовыражение, медиаактивность и гражданское вовлечение обязательно приводят к разогреву политической активности, если для этой политической активности нет естественных офлайн-форм выражения. На входе в среду освобожденных авторов может быть миллион кого угодно. На выходе обязательно будет сто тысяч медиаактивистов с высоким уровнем гражданского вовлечения. Эти сто тысяч активных авторов способны выдвинуть из своей среды несколько

тысяч политически активных граждан, неподвластных воздействию телевизора и готовых к какому-то реальному действию в офлайне.

Эволюция медиаактивности в закрытом обществе приводит к тому, что стоит только открыть людям хоть какую-нибудь возможность личного самовыражения, как они тут же пройдут все стадии вовлечения: пробу личной популярности, гражданское вовлечение, политический протест. Все равно все закончится политикой.

Вполне вероятно, что если на Северную Корею сбросить с самолета 10 тыс. мобильных устройств, начиненных Facebook и подключенных к спутниковому Интернету, северокорейский режим прекратит свое существование гораздо быстрее, чем к этому могли бы привести экономические причины. (Нечто похожее уже делает проект One Laptop per Child⁶, финансируемый Google, AMD, eBay, Marvell, News Corp и другими и возглавляемый Николасом Негропonte (Nicholas Negroponte). Детишкам в беднейших странах раздают ноутбуки. Дети осваивают гаджеты, и спустя время демонстрируют невероятный рывок в навыках. Проект направлен на прорыв в образовании в странах третьего мира. Можно, однако, предположить, что, став подростками, эти дети взорвут свои архаичные сообщества.)

Достаточно освободить систему «авторство – отклик», как она начинает раскручиваться до политических значений, потому что политический отклик – самый значимый. Такая система повторяет эволюцию древнегреческих полисов, но в сжатые сроки и с разными отклонениями, связанными с местной культурной спецификой.

Стоит особо отметить, что Интернет не гарантирует тотального голосования

за оппозицию, а телевидение (как символ трансляционной модели) не гарантирует покорного голосования за партию власти. И в Интернете представлен диапазон мнений, и в телевизионной аудитории есть немало тех, кто хоть и верен телесмотрению, но реагирует на контент телетрансляции с недоверием, а то и ненавистью.

Проследить прямую зависимость между голосованием против власти и активностью в Интернете технически довольно трудно. Формально заметна, скорее другая корреляция: в российских условиях против власти голосуют жители более обеспеченных, урбанизированных (центральных городских) территорий, где, предположительно, уровень доходов, образования и запросов выше среднего. Особенно ярко эта зависимость проявилась на выборах московского мэра 8 сентября 2013 года, когда главный оппозиционер Навальный получил наибольшее количество голосов (кое-где даже выиграл у действующего мэра Собянина) именно в центральных, респектабельных районах Москвы с дорогой недвижимостью⁷.

Вместе с тем наиболее образованные и состоятельные люди, живущие в городах (городских центрах), вовлечены в интернет-культуру больше и дольше. Поэтому некая корреляция между Интернетом и протестным голосованием все же есть.

Но дело не в этом. Политические разногласия между обществом Интернета и обществом телевизионной трансляции – лишь неизбежное следствие более глубоких цивилизационных противоречий.

Трансляционная модель коммуникации обеспечивает власти монополию на канал и контент. Да, воспринимающая сторона не обязательно одобряет этот контент; нередко даже раздражена им. Однако при трансляционной, одно-

⁶ One Laptop per Child [<http://one.laptop.org/about/mission>].

⁷ См., напр.: Бершадский Л. Классовый выбор: как цены на жилье предрешили исход голосования в Москве // Forbes. 2013. 13 сентября [<http://www.forbes.ru/mneniya-column/vertikal/244605-klassovyi-vybor-kak-tseny-na-zhile-predreshili-iskhod-golosovaniya-v>].

сторонней коммуникации у воспринимающей стороны нет способа сверить свои оценки, получить альтернативные сведения и опровержения. А главное – нет способа аккумулировать свои частные мнения в некое групповое мнение. Недовольство, если оно и есть, не создает массивной социальной гравитации, потому что не выходит за пределы «кухонных разговоров» – единственно возможного горизонтального канала коммуникации внутри трансляционной модели.

В свою очередь, вовлекающая модель, воплощенная Интернетом, не обеспечивает оппозиционного настроения всех участников – она всего лишь обеспечивает диапазон мнений. Но, тем не менее, с некоторыми корректирующими обстоятельствами.

Во-первых, альтернативные мнения, выдавленные из офлайна, обязательно радикализуются в среде свободных реакций – в онлайн, повышая общий «политический градус» среды.

Во-вторых, в Интернете становятся видны различия между официальной картиной мира и свидетельствами реальных очевидцев или экспертов. Эти различия, по сути, вскрывают ложь официальной картины мира и тоже влияют на сдвиг настроений в оппозиционную сторону.

Но все же главная «опасность» Интернета для трансляционной модели связана не с его оппозиционным настроением. (С этим власть пытается бороться, стремясь искусственно насытить Интернет сторонниками; да и искренние сторонники в Интернете у нее тоже есть.) Самая главная опасность Интернета для власти связана с тем, что вовлечение разрушает монополию трансляционной модели.

А трансляционная коммуникативная модель общественного устройства эффективна только в условиях монополии на канал и контент. Трансляция без монополии не просто утрачивает свои

защитные свойства, но еще и способствует ускоренному разрушению режима, потому что становится заметным ее фасадное, имитационное назначение.

Переход от закрытого общества к открытому (в терминологии Карла Поппера⁸) может быть описан концепцией освобождения контента. Фонетическое письмо, книгопечатание и Интернет поэтапно дали частным людям доступ к письменности, чтению и, наконец, авторству. На этапе освобождения авторства окончательно освобождается публичная частная активность рядового человека.

Разные общества с разной скоростью идут по этому пути. Те общества, которые уже близко подошли к тому, чтобы воплощать идею Поппера об «открытом обществе», достаточно легко адаптируются к свободному авторству Интернета. В тех обществах, которые можно охарактеризовать как закрытые, освобождение авторства будет неизбежно сопровождаться драматическими политическими конфликтами.

Однако концепция освобождения авторства убеждает, что конфликт Сети и старых институтов неизбежен также и в открытых обществах. Даже несмотря на то, что современные открытые общества имеют опыт разнообразия и частной активности, государство все равно будет пытаться ограничить свободное авторство, видя в нем угрозу национальной безопасности, национальной нравственности или еще какую-нибудь угрозу.

Потому что противостоят не просто модернизм и традиция. Противостоят базовые основы общественной организации: вовлечение и трансляция. Сетевой принцип соорганизации людей противостоит институциональной традиции иерархического управления.

Это не политическое, а цивилизационное противостояние: трансляция против вовлечения.

⁸ Popper K. The Open Society and Its Enemies. London, 1945.

«Моя задача – сохранить и приумножить великое наследие Института Кеннана»

Интервью Екатерины Алексеевой с Мэтью Рожанским, директором Института Кеннана

Е.А.: Прежде всего, позвольте от имени редколлегии «Вестника» поздравить Вас с назначением на должность директора Института Кеннана. Нашим читателям будет интересно больше узнать о Вас, о Вашем предыдущем опыте работы и сфере профессиональных интересов.

М.Р.: Для меня большая честь прикнуть к выдающимся ученым и сотрудникам двух таких всемирно известных организаций, как Институт Кеннана и Центр Вудро Вильсона. Блэр Рубл за время своего беспрецедентного по длительности пребывания на посту директора Института – с 1989 по 2012 год – высоко поднял престиж и раскрыл потенциальные возможности в области страноведения, внес вклад в укрепление мира и развитие России и других государств региона. Несомненно, продолжение этой важнейшей работы является для меня почетной и в то же время крайне ответственной миссией.

Всех желающих приглашаю посетить веб-сайты Института Кеннана и РОО «Кеннан», где они смогут найти мои биографические данные и сведения о профессиональной деятельности, ссылки на мои прежние труды, доклады и речи, а также комментарии в СМИ. Недавно я прочел несколько лекций в различных российских организациях, с содержанием которых можно ознакомиться на YouTube.

Хотелось бы передать читателям «Вестника», что меня, как и всех, кто работает в Институте Кеннана и поддерживает его, объединяет глубокое, про-

Мэтью Рожанский

веренное временем стремление улучшить понимание России и укрепить российско-американские отношения. Для меня все началось в Гарвардском университете, где я стал изучать завораживающую историю России. Именно это помогает мне формировать профессиональную и личную позицию относительно перспектив развития современной России и российско-американских отношений. В мировой истории нет другой страны, которая могла бы похвастать таким обилием достижений человеческого разума в области искусства, музыки, литературы, науки, глобальной геополитики или исследований окружающего мира, как Россия. И в то же время вряд ли можно найти страну, жители которой прошли бы через такие

страшные и трагические испытания. Дух захватывает от столь разительного контраста, и ни один ученый не сможет в нем разобраться, даже если потратит на это всю свою жизнь.

Е.А.: С приходом нового директора Институт наверняка ожидают изменения. У нас в России говорят: «Новая метла по-новому метет». Какими эти изменения видятся Вам, и как они корреспондируются с основными тенденциями развития Центра Вильсона?

М.Р.: В общем и целом, моя задача состоит в том, чтобы сохранить и приумножить великое наследие Института Кеннана. Трудно переоценить все, что сделал Институт для лучшего понимания американцами России, Украины и соседних с ними стран, и то, что в течение последних 40 лет было предпринято им для поддержания диалога между высококлассными американскими экспертами и их коллегами в данном регионе. Тем не менее в преддверии 40-й годовщины со дня основания Института становится очевидно, что нам предстоит столкнуться с рядом новых интригующих вызовов: от проблемы значительного сокращения в США государственного и частного финансирования региональных исследований до заметного ухудшения американско-российских отношений, выхода на пенсию целого поколения влиятельных экспертов в данной области и общей потери интереса американской политической элиты к этому региону.

Нам необходимо творчески осмыслить способы решения этих проблем. При этом наши основные ориентиры по-прежнему должны задавать тон всей нашей деятельности. Мы должны не только сохранить, но и расширить программы обменов между научными учреждениями США, России, Украины и других постсоветских государств и более активно использовать потенциал многочисленных выпускников Института Кеннана во всех этих странах, особенно в США, России и Украине.

Нам очень повезло, что в Вашингтоне, Москве и Киеве у нас в офисах работают такие надежные и квалифицированные сотрудники. Я не сомневаюсь в том, что наша деятельность станет еще более активной и заметной, и мы сможем оказывать позитивное влияние на развитие отношений между США и данным регионом. Это поможет нам убедить американское правительство и частных лиц, влияющих на принятие решений, в необходимости выделения средств на продолжение нашей деятельности.

Е.А.: Очевидно, что в центре внимания Института были и будут темы российско-американских отношений и международной безопасности. Я хотела бы спросить Вас об основных «болевых точках», вызовах в этих сферах.

М.Р.: Прежде всего хотелось бы обратить внимание на то, что, хотя всем нам, работающим в данной сфере, очевидно, что Россия является жизненно важным партнером Америки, далеко не все в США это понимают. Россия входит в группу влиятельных глобальных акторов практически в любой сфере национальных интересов Соединенных Штатов, начиная со стратегии ядерной стабильности и нераспространения ядерного оружия и заканчивая противодействием терроризму, борьбой с пандемическими угрозами, а также поддержкой роста глобальной экономики, в основе которой лежит свобода торговли и безопасность в области энергетики. Порой Россия бывает непростым партнером, однако сегодня она не является противником или врагом Америки. Жесткий разговор и тактика «око за око», продемонстрированные обеими сторонами в последние месяцы, не идут ни в какое сравнение с потенциально катастрофическими последствиями реальной конфронтации, избежать которой удалось только благодаря неустанным усилиям политиков – ветеранов времен холодной войны. И наоборот, широкий спектр общих интересов Москвы и Вашингтона в течение десятиле-

тий служил фундаментом для успешных совместных инициатив в области космических и научных исследований, культурных обменов и разрешения конфликтных ситуаций, причем в будущем возможности американо-российского сотрудничества должны еще больше расширяться.

Для обеих сторон налаживание сотрудничества дело нелегкое, и полагаться на интуицию здесь не приходится. Несмотря на множество общих жизненно важных интересов, мнения наших стран по многим вопросам расходятся, а существующий дисбаланс сил в области политики, дипломатии и экономики в пользу США заставляет россиян особенно болезненно реагировать на то, что воспринимается ими как попытки запугивания, неправомерного вмешательства или проявления неуважения со стороны Вашингтона. Успешное взаимодействие с Россией требует признания ее очевидных и законных национальных интересов, даже если они кажутся несовместимыми с интересами Соединенных Штатов. Американцы могут надеяться на быстрый рост либерально-демократических настроений и установление власти закона в России, но только ее граждане могут определять приоритеты и темпы внутреннего развития своей страны. Уважение независимых интересов России и путей ее развития, проявление постоянного внимания и терпения в официальных контактах плюс инвестиции в такие составные элементы наших отношений, как развитие торговли, облегчение поездок граждан за рубеж, а также культурные и научные обмены, явятся залогом будущих больших достижений в области двусторонних отношений.

Е.А.: В своей лекции, прочитанной в МГИМО перед президентскими выборами в США 2012 года, Вы говорили о вызовах прежде всего как о возможностях. Сейчас, в связи со всеми тревожными тенденциями, которые осложняют и без того непростые отношения между нашими странами и шире – между Рос-

сией и Западом, действительно очень важно находить позитивные моменты. Так есть ли выход из создавшейся ситуации, так сказать, «луч света в темном царстве»?

М.Р.: Мне не хотелось бы заострять внимание на каких-то определенных неудачах или успехах или предлагать повестку дня на следующий год, поскольку к моменту публикации этого интервью мои замечания могут устареть. Думаю, что за прошедшие двадцать лет американо-российские отношения во многом сводились исключительно к выработке перечня проблем. Опасность такого подхода состоит в том, что, как только перечень будет исчерпан, исчезнет и взаимный интерес. Это подтолкнет американцев к дальнейшему обособлению и игнорированию России, а русских – к тому, чтобы путем различных провокаций напомнить американцам о своей значимости, причем и в том и в другом случае подобные попытки окажутся непродуктивными.

Конечно, проще выступать с критикой в качестве стороннего наблюдателя, чем брать на себя ответственность за сложную работу по поддержанию международных отношений, будучи членом правительственной команды. Я как человек посторонний, которому в очень редких случаях предоставляется возможность давать свои скромные советы тем людям в правительстве, которые отвечают за состояние американо-российских отношений, готов поделиться некоторыми, на мой взгляд, основополагающими соображениями в данной области.

Во-первых, я бы посоветовал администрации президента Обамы придерживаться заданного курса. Для того чтобы обновить натянутые отношения, требуется время. Процесс, который остановил разделение Европы, вызванное холодной войной, занял много десятилетий и в определенном смысле продолжается и по сей день. Американской администрации повезло, и она сумела воспользоваться ранними плодами «пе-

резагрузки» 2009–2010 годов, однако более значительные результаты проявятся лишь со временем и при наличии устойчивой политической поддержки. Процесс будет сопровождаться серьезными трудностями, но это не должно провоцировать чувство безразличия или жажду возмездия, что лишь усугубит дальнейшее отчуждение.

Во-вторых, следует проявлять смирение и осознавать сложность исторического развития. Это может оказаться нелегкой задачей, особенно для политиков, которые привыкли концентрировать внимание исключительно на проблемах текущего момента, на том, что следует сделать завтра или на следующей неделе. Только красноречивые жесты здесь не помогут, необходимо на деле проявлять глубокое уважение и смирение по отношению к другой стороне, особенно к тем, кто считает себя обиженным, что является важным условием для примирения. Американо-российским отношениям так этого не хватает, и причиной является не только холодная война, но и то, что в 1990-х и 2000-х годах многие россияне чувствовали себя забытыми и заброшенными, ощущали, что ими манипулируют, что Запад, и прежде всего Соединенные Штаты, их демонизирует.

И в-третьих, необходимо инвестировать в институты и людей. Средства, потраченные Западом на программы помощи и сотрудничества с бывшими странами социалистического лагеря в Восточной Европе, включая бывшие советские республики, исчисляются миллиардами долларов. Но достигнутые результаты являются неизмеримо более ценными. Сегодня наиболее тревожная тенденция состоит в том, что Америка теряет интерес и желание продолжать взаимодействие в данном регионе. Соединенные Штаты, несмотря на ужесточение бюджетной политики, должны вкладывать реальные средства в различные организации и развитие каналов, которые способствуют контактам людей, тому, чтобы двери между Востоком и Западом оставались открытыми.

Е.А.: Сегодня многие говорят о кризисе Запада, западных ценностей. Для одних людей в России это повод для оправдания авторитаризма (мол, и они «не белые и не пушистые», поэтому мы выбираем свой особый путь), для других – потеря надежд, образца для подражания. Что Вы об этом думаете?

М.Р.: Я очень хорошо понимаю, почему многие люди считают, что политические и экономические системы, развивавшиеся после Второй мировой войны в основном благодаря Соединенным Штатам и другим странам Запада, находятся в кризисе. Это правда, что политическая система Соединенных Штатов ни структурно, ни практически не способна решать наиболее актуальные проблемы современности, такие как здоровье и благополучие людей, обеспечение национальной безопасности при сохранении наших гражданских свобод, утверждение позитивной роли и образа Америки в мире, а также стабильное и долгосрочное решение проблемы внешнего долга. У Европы свой перечень неотложных вопросов, как структурных, так и специфических. К тому же большой проблемой является почтенный возраст и относительная негибкость основных институтов глобального экономического и политического управления, созданных в 40-х годах XX века.

И все же мне кажется, что ценности, которые вдохновляли на создание этих институтов, не вызывают сомнения. Ценности, лежащие в основе западной свободы и процветания, такие как достоинство человека, защита его жизни и свободы, равные права людей на саморазвитие и обретение счастья, не потеряли своего значения и способны вдохновлять людей и сегодня, даже если результаты работы не всегда оказываются такими, какими могли бы быть. Одной из самых больших проблем является огромная пропасть между миром сверхбогатых и остальными людьми – причем это свойственно не только Западу, это глобальная проблема. И

дело не только в осознании несправедливости того, что одни люди богаты, а другие бедны, сколько в том, могут ли современные демократии дать людям, которые верят в эти ценности, те возможности, которые им были обещаны, учитывая, что правила пишутся лишь для горстки избранных.

Однако все это не повод для того, чтобы лишиться надежды. Я уверен, что демократия и открытое общество являются достаточно гибкой и жизнеспособной моделью управления, о которой можно дискутировать и которая позволяет постепенно решать эти проблемы. Ни одно решение не будет безупречным, поскольку как любой биологический организм человеческие общества возникают на основе того, что существовало ранее. Это одна из причин того, почему так важны стипендии и в особенности международный научный обмен. Ученые, которые проводят свои исследования в Институте Кеннана, и выпускники наших программ не только участвуют в экспертных дебатах у себя дома, но и выступают в качестве интеллектуальных посланников за рубежом, где они могут задавать критические вопросы и выдвигать идеи, которые способны оказывать длительное воздействие на решение международных проблем и мировое развитие.

Е.А.: В прошедшие годы Институт предоставлял гранты российским исследователям в самых разных областях гуманитарного знания. Эта традиция была заложена Джорджем Ф. Кеннаном, который был уверен в том, что взаимоотношения между великими народами нельзя сводить к взаимоотношениям лишь в военной, экономической и политической сферах. В списке наших выпускников есть и историки, философы, культурологи, писатели, кинематографисты, кинокритики, театроведы. Будет ли сохранен такой многомерный подход к восприятию и изучению России?

М.Р.: Джорджу Ф. Кеннану посчастливилось формировать свои взгляды под воздействием не только самых ярких представителей американского академического сообщества, но и многовековой европейской и российской традиции исследования региона. Затем в качестве дипломата он работал в этом регионе, применял свои знания на практике. Его карьера является примером того, насколько глубокое влияние может оказывать научное знание на практическую деятельность в области международных отношений и внутреннего развития страны. Я полностью согласен с мыслью Кеннана о том, что любая сфера интеллектуальных исследований, традиционно поддерживаемых Институтом, вносит уникальный и неоценимый вклад в лучшее понимание американцами России, Украины и соседних с ними стран. Я также убежден в том, что прямые контакты с американцами, и особенно с представителями научного сообщества США, имеют большое значение для ученых из постсоветских стран, которые приезжают в наш институт, а затем возвращаются домой и становятся частью сообщества его выпускников.

Е.А.: Большое спасибо за интервью!

М.Р.: Благодарю за возможность поделиться некоторыми скромными соображениями с выдающейся группой выпускников Института Кеннана, а также с нашими друзьями и коллегами. Моя дверь в Вашингтоне всегда для вас открыта. Кроме того, я собираюсь часто бывать в наших офисах в Москве и Киеве, а также во многих других организациях региона. Со мной можно связаться по электронной почте: Matthew.Rojansky@wilsoncenter.org, буду рад с вами пообщаться.

*Перевод с английского
Галины Левиной*

Улица с двусторонним движением: информационно-аналитическая система «Российско-американские исследования»

Интервью Галины Левиной с Викторией Журавлевой, д.и.н., профессором Российского государственного гуманитарного университета, руководителем научно-образовательной программы по американистике РГГУ, выпускницей программ Института Кеннана и Фулбрайта.

Г.Л.: Виктория Ивановна, 2013 год приближается к концу. Суеверные люди говорят, что в високосный год не стоит ждать удачи. Был ли этот год для Вас успешным, плодотворным в научном плане?

В.Ж.: Знаете, а для меня и моей семьи цифра 13 очень счастливая. Не обманул моих ожиданий в научном плане и 2013 год. В начале года в издательстве РГГУ вышла моя книга «Понимание России в США: образы и мифы. 1881–1914», на написание которой я потратила в общей сложности 10 лет жизни и появление которой было бы невозможно без грантов Института Кеннана и Программы Фулбрайта. В мае я защитила докторскую диссертацию, что, как Вы догадываетесь, стало важным этапом в моей научной и педагогической карьере. Наконец, в июне в РГГУ завершилась работа по созданию Информационно-аналитической системы «Российско-американские исследования» (Russian-American Studies) в рамках проекта «Американистика в России, русистика в США».

Г.Л.: И российским, и американским ученым наверняка будет интересно более подробно узнать об этом международном междисциплинарном проекте.

Виктория Журавлева

В.Ж.: Все началось в 2008 году, когда мы вместе с моим коллегой и единомышленником Иваном Ивановичем Курилой задумали издать сборник статей российских и американских исследователей «Россия и США на страницах учебников: опыт взаимных репрезентаций». Он вышел в свет в 2009 году в Волгограде благодаря финансовой поддержке Института Кеннана и личному энтузиазму его тогдашнего директора Блэра Рубла. Собственно, с этого события проект и стартовал. Затем была мощная международная конференция «Американистика в России, русистика в США: опыт взаимных репрезентаций», которую я организовала в РГГУ в феврале 2011 года при поддержке Посольства США в Моск-

ве, Института Кеннана и Программы Фулбрайта. В ходе ее работы состоялся чрезвычайно плодотворный обмен идеями и мнениями между ведущими российскими и американскими учеными. А следующим этапом проекта стало создание уже упомянутой мной Информационно-аналитической системы «Российско-американские исследования» (Russian-American Studies). РГГУ осуществлял ее разработку в сотрудничестве с Институтом всеобщей истории РАН и в партнерстве с Институтом Кеннана в рамках государственного контракта Министерства образования и науки Российской Федерации. Информационно-аналитическая система (ИАС) включает данные о специалистах в области русистики в США и американистики в России как научных и педагогических направлений с XIX века по начало XXI столетия, а также содержит аннотированный перечень центров и профессиональных организаций, формировавших их институциональную основу в исторической перспективе.

Г.Л.: А что нужно сделать, скажем, американскому русисту или российскому американисту, чтобы информация о нем и его исследованиях попала в эту базу?

В.Ж.: Всего лишь зарегистрироваться в качестве пользователя по адресу <http://ra-studies.com> и переслать информацию одному из членов кабинета администраторов. Список с электронными адресами можно найти на главной странице через ссылку. Поясню, у этой системы есть «скрытая» от взора обычного пользователя часть, куда открыт доступ только членам кабинета администраторов. Они занимаются размещением и редактированием информации, а также экспертизой данных, автоматически загруженных системой из Интернета. В кабинет администраторов входят представители ведущих центров по американистике в России, а также РОО «Кеннан».

Г.Л.: Какое значение, на ваш взгляд, может иметь ИАС для развития американистики в России и русистики в США?

В.Ж.: Самое непосредственное, поскольку в широком плане она позволит выявить корреляцию между национальной «повесткой дня» и изучением другой страны и другого народа, обнаружить влияние институционального и личностного фактора на эволюцию американистики и русистики как научных и образовательных проектов. А если говорить о решении более конкретных задач, то речь идет о стимулировании российско-американской академической интеграции в ее различных проявлениях (обмен информацией и идеями, формирование состава участников международных проектов, поиск рецензентов и экспертов, стимулирование процесса издания переводов научной литературы), выявлении тематических лагун в изучении США в России и России в США, определении проблематики квалификационных работ и экспертизе магистерских и кандидатских диссертаций. Кроме того, и это важно прежде всего для российских американистов, ИАС позволяет создать профессиональное on-line сообщество. В перспективе, с переводом всей информации на английский язык, ИАС, поскольку она является «улицей с двусторонним движением», откроет дополнительные возможности для расширения контактов между российскими и американскими русистами и соответственно американистами в США и России.

Г.Л.: Может ли ИАС оказать позитивное влияние на двусторонние отношения?

В.Ж.: Безусловно, поскольку она призвана способствовать установлению более тесных связей между российскими и американскими учеными и преподавателями, а также перефор-

матированию процесса изучения друг друга в целом. Без этого невозможно окончательное преодоление не только наследия холодной войны с характерным для нее «изучением врага» («enemy studies»), но и последствий кризиса американистики в постсоветской России и русистики в США, причиной которого стал распад СССР и биполярной системы международных отношений.

Г.Л.: Завершается ли с созданием информационно-аналитической системы проект в целом?

В.Ж.: Нет, не завершается. Мы с Иваном Ивановичем Куриллой планируем при поддержке Института Кеннана издать второй том статей под названием «Американистика в России, русистика в США как научные и педагогические проекты: опыт взаимных репрезентаций». Надеюсь, что авторский коллектив сборника значительно расширится после презентации проекта в целом и информационно-аналити-

ческой системы в частности на «круглом столе» «Reinventing Area Studies: Amerikanistika in Russia, Russian Studies in the United States in the Context of the 21st Century Russian-American Relations» в рамках программы ежегодного конвента Американского общества по восточноевропейским и евразийским исследованиям (ASEEES), который пройдет в Бостоне 21–24 ноября 2013 года. «Круглый стол» был организован благодаря поддержке и энтузиазму заместителя директора Института Кеннана Уильяма Померанца, который, кстати сказать, будет модерировать дискуссию.

Пользуясь случаем, хочу пригласить к сотрудничеству всех заинтересованных коллег по обе стороны Атлантики, поскольку лишь сообща мы сможем лучше понять, чего мы достигли и что нам еще предстоит сделать в области русистики/американистики. Хочется надеяться, что эта история познания и изучения друг друга окажется поучительной для нас сегодняшних.

Календарь событий весны – лета 2013 года

Семинар «Антропология современных
идеологических течений»

5 марта, г. Москва
НИУ ВШЭ

Церковная догматика и проблема толерантности

Виктор Шнирельман, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН

Организаторы – РОО «Кеннан», Фонд «Либеральная миссия»

Семинар «Антропология современных
идеологических течений»

20 марта, г. Москва
НИУ ВШЭ

Между космополитизмом и неотрадиционализмом: влияние мировоззрения на формирование городского пространства Москвы

Ольга Вендина, ведущий научный сотрудник Института географии РАН

Организаторы – РОО «Кеннан», Фонд «Либеральная миссия»

Презентация книги

28 марта, г. Москва
РГГУ

Виктория Журавлева «Понимание России в США: образы и мифы. 1881–1914»

Организаторы – отделение международных отношений и зарубежного регионоведения ИАИ РГГУ в сотрудничестве с РОО «Кеннан» и Программой Фулбрайта в России

Семинары «Антропология современных
идеологических течений» и «Экономическая политика
в условиях переходного периода»

25 апреля, г. Москва
НИУ ВШЭ

Российское идеологическое безвременье в зеркале социальных медиа: национального проекта нет

Докладчики – Эмиль Паин, профессор кафедры государственной и муниципальной службы НИУ ВШЭ, научный руководитель РОО «Кеннан»; Сергей Мохов, Егор Поляков, Сергей Простаков, Сергей Федюнин, аспиранты и студенты НИУ ВШЭ

Дискуссанты – *Виталий Куренной*, заведующий отделением культурологии, профессор кафедры наук о культуре, заведующий лабораторией исследований культуры НИУ ВШЭ; *Лев Якобсон*, первый проректор, научный руководитель Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора, профессор кафедр государственного управления и экономики общественного сектора и экономики и управления в негосударственных некоммерческих организациях НИУ ВШЭ

Организаторы – НИУ ВШЭ, Фонд «Либеральная миссия», РОО «Кеннан»

Семинар «Антропология современных
идеологических течений»

15 мая, г. Москва
НИУ ВШЭ

Сетевая версия прошлого в дебатах о настоящем

Галина Никиторец-Такигава, научный сотрудник проекта «Война памяти» (Memory at War), отделение славистики, Кембриджский университет (Великобритания)

Организаторы – РОО «Кеннан», Фонд «Либеральная миссия»

Семинар

18–19 мая, г. Ростов-на-Дону
Южный федеральный университет

Наследие коммунистического прошлого в современной жизни России и российские перспективы левого движения

Открытие – *Евгений Цымбал*, кинорежиссер; *Александр Дружинин*, директор Северо-Кавказского научно-исследовательского института экономических и социальных проблем Южного федерального университета (ЮФУ); *Виктор Макаренко*, директор Центра политической концептологии Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем ЮФУ

Демонстрация фильмов Е. Цымбала «Обыкновенный большевизм», «Защитник Седов»

Доклады – «Российские идеологические течения в эпоху безвременья (по материалам Рунета)», *Э. Паин*, профессор НИУ ВШЭ, научный руководитель РОО «Кеннан»; «Проблемы анализа сталинизма: эффект трагикомедии», *В. Макаренко*; «Коллективная идентичность в СССР и сталинский режим», *А. Лубский*, профессор кафедры социологии, политологии и права ИППК при ЮФУ; «Модели поведения историков при тоталитарном и авторитарном режимах», *Н. Мининков*, профессор, зав. кафедрой специальных исторических дисциплин и документоведения исторического факультета ЮФУ; «Левая идея как символический капитал», *В. Шкуратов*, профессор кафедры общей психологии и психологии развития факультета психологии ЮФУ; «Социализация молодежи: советское прошлое как источник конфликта», *В. Филоненко*, декан факультета социологии и политологии ЮФУ; «Политические парадигмы в современной России», *С. Поцелуев*, ведущий научный сотрудник СКНИИЭиСП, зав. кафедрой теоретической и прикладной политологии факультета социологии и политологии ЮФУ; «Моральные фреймы феминизма (по материалам Рунета)», *М. Константинов*, старший научный сотрудник СКНИИЭиСП, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии ЮФУ

Организаторы – Центр политической концептологии Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем ЮФУ совместно с кафедрой теоретической и прикладной политологии факультета социологии и политологии ЮФУ, при поддержке Фонда Ф. Эберта и при участии РОО «Кеннан»

Круглый стол

23 мая, г. Москва
филиал Фонда им. Ф. Эберта в России

Миграция и интеграция в России и Германии

Вступительное слово – Ян Фальбуш, заместитель директора филиала Фонда им. Ф. Эберта в России

Выступления – «Трудовая миграция в России», Владимир Мукомель, зав. сектором изучения миграционных и интеграционных процессов Института социологии РАН; «Условия успешной интеграции», Фридрих Хекманн, профессор, руководитель института «Европейский форум миграционных исследований» Университета г. Бамберг (Германия); «Трудовая миграция в Германии», Райнер Олигер, руководитель сети «Миграция в Европе» (Германия); «О проблемах интеграции различных этнических групп мигрантов в России», Эмиль Паин, профессор НИУ ВШЭ, научный руководитель РОО «Кеннан»

Организаторы – филиал Фонда им. Ф. Эберта в России и РОО «Кеннан»

*Елена Владимировна Юшкова,
кандидат искусствоведения,
независимый исследователь, Вологда,
former Kennan Institute Fulbright-
Kennan Scholar*

Айседора Дункан: работа над проектом

Подав заявку на программу Фулбрайт-Кеннан, я практически не рассчитывала на ее поддержку. Опыт моей научной деятельности не настраивал меня на позитив: защита диссертации растянулась на долгие 10 лет. Причины были не только психологические и организационные, но и социальные – «лихие девяностые» не располагали к научной работе. Даже первый руководитель моей диссертационной работы, известный литературный критик А.Г. Бочаров, автор многих книг и основатель кафедры литературно-художественной критики и публицистики на факультете журналистики МГУ, в середине 1990-х с печальной усмешкой мне сказал: «И зачем Вам эта наука?» Кроме того, заявки, которые я уже много раз подавала в различные программы, никогда не поддерживались.

Тема моего научного исследования казалась никому не нужной: я писала работу о пластическом театре Гедрюса Мацкявичюса, который, пережив огромную славу в 1970–1980-е, вдруг перестал быть актуальным. Пока театр был задавлен соцреалистическими производственными и революционными пьесами, романтическое искусство Мацкявичюса притягивало людей. Но потом в стране поднялся «железный занавес», и любители искусства движения открыли для себя современный танец, отличный от русского классического балета и затмивший собою все танцевальные практики. Вдобавок все трепетное и утонченное в культуре было вытеснено «чернухой», «порнухой», бесконечной иронией. Появилось яркое телевидение, глянцевые журналы, «желтые» газеты. Люди столкнулись с реальным оскалом дикого первоначаль-

ного капитализма и перестали мечтать о красоте и разбираться с собственной душой. Режиссеру, собиравшему в 1970–1980-е целые залы по всей стране без всякой рекламы, в 1990-е пришлось уйти из созданного им театра и уехать из Москвы в Екатеринбург. Я переехала в Вологду, где о пластическом театре вообще никто не слышал и где пришлось заниматься журналистикой в провинциальной газете. К счастью, в 2004 году мне удалось мобилизоваться и защитить свою диссертацию (хотя уже и не в Москве, а в Ярославле), поэтому программа для обмена учеными мне вполне подходила.

Многое в моей работе осталось незавершенным, например тема о влиянии Айседоры Дункан на пластический театр в России. Материалы об американской танцовщице найти было очень сложно, я выискивала что-то в старых театральных журналах во время учебы в университете, но разобраться в этом было совсем непросто. Конечно, темой Дункан и пластическими студиями 1920-х уже занимались выдающиеся исследователи балета, такие как, например, Е.Я. Суриц, но их работы издавались на Западе на английском языке и были малодоступны в России. Только с 1990-х годов русский Серебряный век начал возвращаться в культурный обиход: стали выходить литературные произведения, мемуары, исследования...

В 1992 году огромным тиражом были изданы пронзительные мемуары Айседоры Дункан «Моя жизнь», чтение которых стало потрясением для огромного количества людей, настолько ярко и талантливо повествовала танцовщица о своей неординарной жизни. Но, как известно, российский период она в них не затронула.

В том же 1992-м вышел сборник рецензий о выступлениях Дункан, опубликованных в русской прессе, который сразу же и на долгие годы стал моей настольной книгой, в 1995-м – мемуары Ирмы Дункан и Аллана Роса МакДуггала о российских годах жизни и работы танцовщицы, в 1997-м – биогра-

фия американской исследовательницы Фредрики Блэйр в русском переводе, а затем снова наступило затишье, хотя, к счастью, Есенин наконец занял достойное место в русской культуре, и началось серьезное изучение его биографии и творчества. Уже в начале 2000-х вышла на русском языке самая «свежая» и наиболее полная биография Дункан, написанная американским публицистом Питером Куртом.

Думая над темой моей заявки, я, конечно же, решила обратиться к творчеству Айседоры Дункан, ведь она была моей единственной американской героиней, а предварительный поиск по каталогу Библиотеки Конгресса США показал – книги о ней в Америке есть в большом количестве.

Так началось мое новое исследование, поддержанное Программой Фулбрайта и Институтом Кеннана. Мэгги Пэксон, в то время заместитель директора Института, присутствовавшая на собеседовании, проявила большой интерес к моей работе. А когда я познакомилась с директором Института Блэром Рублом, то смогла воочию увидеть его огромную любовь к литературе, искусству, и в частности к балету.

В Центре Вудро Вильсона поражало все: от величественной архитектуры самого здания до внимательного отношения всех сотрудников. Отдельный кабинет (в моем случае это был небольшой закуток с библиотекой с видом на внутреннюю лестницу), книги из Библиотеки Конгресса, которые доставлялись прямо в офис, доступ к многочисленным базам данных, книги на полках, стоящие прямо позади меня, – по русской и советской литературе (так называемый «тамиздат»), исследования зарубежных авторов по русской и советской истории... К этому можно добавить только замечательный русскоязычный коллектив, который у нас сам собой сложился: коллеги из Бурятии, Украины, Азербайджана, американский профессор русского происхождения... Ну, и уж самое удивительное было то, что мне предоставили персонального

ассистента. Привыкнув всегда работать в одиночку, я долго размышляла первое время, чем занять Мейган, но через полгода я уже с ужасом думала – как же я теперь буду обходиться без нее?

Дни пролетали так стремительно, что казавшийся таким долгим срок в шесть месяцев стремительно сокращался. Появлялось ощущение огромной ответственности и необходимости собрать как можно больше материала, ведь в России такой возможности уже не будет.

Затем возникла идея познакомиться с известными американскими дунканистками: с Лори Белилов, а затем – с Джин Бресциани. Для этого пришлось отправиться в Нью-Йорк, где также находится огромный фонд архивных материалов по танцу – в Танцевальной коллекции Библиотеки исполнительских искусства в Линкольн-центре (Dance Collection, The Library for the Performing Arts at Lincoln Center). Там обнаружилось множество видеозаписей и большое собрание писем Айседоры Дункан, записная книжка Гордона Крэга, а также редкие книги по танцу и о Дункан. Конечно, этот этап работы получился несколько скомканным, потому что за несколько дней все эти материалы освоить было нереально. Зато знакомство с Лори Белилов состоялось: я взяла интервью в ее студии на Манхэттене, поприсутствовала на ее тренингах. А когда вернулась в Вашингтон, то подумала: раз в Центре Вудро Вильсона всегда проходят такие интересные встречи, то вдруг можно было бы и Лори пригласить? Ведь она потрясающий оратор, яркая личность, неустанный пропагандист творчества Дункан.

Эта мысль поначалу меня испугала, потому что в России любая инициатива обычно натывается на множество препятствий. Поэтому я долго не решалась подойти к Блэру и рассказать ему о своей идее. Но потом разговор все же состоялся. И каково же было мое удивление, когда, еще не успев договорить, я уже услышала ответ – «да». Более того, сразу заработал целый механизм, и Джозеф Дрезен взял на себя все ор-

ганизационные хлопоты, которые осуществлял с потрясающей легкостью и оперативностью.

Вскоре Блэр заявил, что сама по себе Лори выступить не может, потому что для Института Кеннана важно, чтобы была «привязка» к России. Но есть выход – привязкой могу стать я. Так окончательно оформилась идея нашей совместной презентации. Заголовок блестяще придумал Джо. Презентация теперь называлась «Революционная танцовщица в революционной России», и на нее приглашались все желающие.

История эта получила продолжение, о чем я узнала совсем недавно. Летом 2013 года я снова приехала в Вашингтон, на первый в истории симпозиум дунканисток. И каково же было мое удивление, когда одна из организаторов симпозиума Синтия Ворд, живущая в Вирджинии, рассказала мне, что идея симпозиума ведет свое начало с той нашей презентации! Именно тогда Синтия встретила с другой дунканисткой Валери Дернхэм из Мэриленда, и они решили перестать конкурировать и начать сотрудничать. Спустя пять лет в американской столице уже собралось 50 дунканисток! Хотя все движения, которые они используют в своей практике, основаны на тех, которые разработала некогда Айседора Дункан, но техники значительно отличаются – ведь они учились у разных учениц Айседоры. Эти замечательные женщины в разноцветных туниках не просто обменивались своими танцевальными приемами на мастер-классах, но и участвовали во многочисленных дискуссиях, во время которых они делились опытом, рассказывали о своем обучении, своем вкладе в изучение творчества Дункан, о том, что дал им танец Дункан и как они его пропагандируют и передают следующим поколениям.

Возвращаясь вновь в 2008 год, я вспоминаю: мне было немного жаль, что Лори не предоставили возможности показать танец Айседоры Дункан в Центре Вудро Вильсона. Но ведь, действительно, здесь не было нормальной сцены, и

формат данного института диктовал более строгий стиль мероприятия.

Поскольку опыта проведения презентаций на английском языке у меня к тому времени еще не было, то, конечно, это создавало определенные сложности и добавляло нервозности. Но благодаря спокойствию Блэра, блестящей работе технических специалистов Центра Вудро Вильсона и, конечно, артистизму Лори Белилов, презентация прошла достаточно успешно, несмотря на то, что в какой-то момент я ощутила, что не могу вспомнить ни одного английского слова.

Затем я вновь отправилась в Нью-Йорк, где встретила с Джин Бресчани – не просто танцовщицей и пропагандисткой творчества Дункан, но и блестящей исследовательницей, написавшей диссертацию «Миф и образ в творчестве Айседоры Дункан», посвященную архетипической природе образов, созданных великой танцовщицей. В 1970-е годы Джин, будучи студенткой одного из нью-йоркских университетов, в рамках работы над дипломным проектом каталогизировала личную библиотеку Айседоры, которую привез из Франции последний близкий друг Дункан Виктор Ильич Серов, ставший в 1930-е годы в Америке известным биографом ряда композиторов и опубликовавший в 1971 году, незадолго до смерти, первую серьезную биографию Дункан на английском языке. После смерти Серова библиотека исчезла, поэтому работа Джин стала поистине бесценной.

Я присутствовала на тренингах Джин, взяла у нее интервью, а затем она отвела меня к дому Виктора Ильича на Манхэттене. Это показалось мне просто чудом: ведь в России незадолго до своей поездки в США я написала первую в нашей стране рецензию на его книгу об Айседоре¹ – за 40 лет почему-то никто так и не перевел эту книгу на русский язык.

Так произошло мое знакомство с дунканистками-практиками, которые

получили технику Айседоры из рук ее учениц.

Конечно, моя работа не была бы столь интенсивной, если бы не персональная ассистентка Мейган Амер (Калли). Блестяще образованная, невероятно организованная, нацеленная на работу в сфере международных отношений, Мейган стала неотъемлемой частью не только моего исследования, но и моей жизни – она помогала организовывать поездки в Нью-Йорк, выискивала для меня книги, статьи, диссертации, неустанно сканировала и копировала, распечатывала записи моих интервью, правила мои тексты на английском. Она даже приглашала меня на праздники – свою свадьбу, Новый год; помогла найти лучшую квартиру. И все это она успевала делать в свободное от интенсивной учебы и основной работы время! Не удивительно, что уже летом 2013 года Мейган встретила меня в качестве начальника отдела Госдепартамента США, проводя короткую экскурсию по зданию этого учреждения.

Я была очень рада, узнав, что после рассмотрения моей рекомендации Мейган признали лучшим ассистентом Института Кеннана и наградили ее призом.

Конечно, шесть месяцев пролетели невероятно быстро. Накупив несколько сумок книг, сделав невероятное количество выписок и копий, я вернулась домой с огромным багажом, который до сих пор еще разбираю. Результатами становятся мои выступления на конференциях, публикации в научных сборниках и журналах. За пять лет я опубликовала более 20 статей, посвященных творчеству Дункан и съездила более чем на 30 научных конференций в самых разных городах России и за рубежом. Хотя в России и были защищены две диссертации о Дункан – двадцать и десять лет назад, но их авторы почти не знакомы с многочисленными зарубежными источниками и современной практикой в этой сфере.

¹ [<http://www.russ.ru/Kniga-nedeli/Neizvestnaya-real-naya-Ajsedora>]

Сейчас я работаю над монографией Асейдоры Дункан. Подобной до сих пор еще нет в России, хотя это очень странно: ведь в начале века, а также в 1920-е годы об этой танцовщице писали очень много!

Уезжать из Кеннана было невероятно грустно. Мы с коллегами прекрасно понимали, как нам повезло, что мы провели эти полгода в таких удивительных условиях, окруженные всеобщим вниманием. Мы привыкли к постоянным конференциям на самые разные темы, на которых выступали политики высокого ранга, известные ученые, а также деятели искусства и культуры. Привыкли и к интенсивному обмену идеями, к взаимопониманию, которых в обычной жизни нам так не хватает. Программа Фулбрайта постоянно проводила для нас различные мероприятия – от экскурсий по Вашингтону до Дня благодарения в семьях американцев и посещения оперы «Порги и Бесс», а Блэр Рубл организовал посещение выставки советского художника-диссидента.

После стажировки в Институте Кеннана, привыкнув к этому постоянному уважению к моему труду, я немного больше поверила в себя и спустя год издала свою монографию о пластическом театре при поддержке фонда малых грантов Программы Фулбрайта в РФ. И вдруг выяснилось, что интерес к пластическому театру в нашей стране снова появился! Меня стали приглашать известные исследователи, а книга моментально разошлась в магазине театральной книги Союза театральных деятелей! Более того, начались фести-

вали пластических театров, и одна из коллег мне польстила, сказав, что это произошло благодаря моей книге. Мне же кажется, что просто пришло время. Жаль, что основатель пластического театра Гедрюс Мацкявичюс умер в 2008 году и всего этого не увидел. Спустя еще пару лет его сын, известный тележурналист, собрал и издал его неопубликованные труды, а совсем недавно о нем были защищены диссертации, на новом уровне осмысляющие творчество этого великого режиссера.

Но мой научный интерес теперь уже целиком сосредоточен на Айседоре Дункан. Программа Фулбрайта в РФ поддержала и мою поездку в архивы Москвы, где удалось найти совершенно никому не известные воспоминания о Дункан, а также много ценных документов из ранней советской истории.

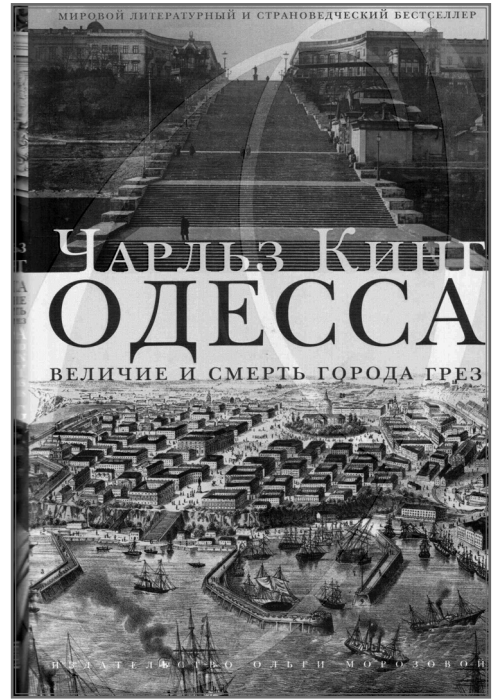
Поэтому, будучи в Вашингтоне уже летом 2013 года на симпозиуме дунканисток², я, конечно, хотела представить свою работу коллегам в Институте Кеннана и предложила провести там свою презентацию. Хотя Блэр Рубл теперь и руководит другой программой в Центре Вудро Вильсона, он все же помог организовать презентацию и пришел ее послушать. Конечно, многое изменилось в Центре за эти пять лет, но дух интеллектуального накала по-прежнему сохранился. Было так приятно снова пройти по этим коридорам, по библиотеке, увидеть знакомые лица. Все-таки это была большая удача провести полгода в таком замечательном месте, где были заложены основы нового большого исследования.

² [<http://duncansymposium.com/>]

Одесская мечта

Одесса молода, моложе многих американских городов, но история этого областного центра занимает непропорционально большое место в сознании советского и постсоветского человека. Прежде всего потому, что одесская история существует дважды – в реальности и в литературе. Кто только ни писал об Одессе! Пушкин и Мицкевич, Шолом-Алейхем и Бунин, Ахматова и Бабель, Ильф и Петров, Катаев и Паустовский... Ликвидировать разрыв между литературными текстами и денотатом пытались не раз, потому и исследовательских книг об Одессе как культурном пространстве немало: ведь поэзия и литература не существуют сами по себе, они вырастают из родной почвы и могут быть поняты только в связи с ней. Впрочем, книга профессора Джорджтаунского университета (США) Чарльза Кинга не вписывается и в культурологическое «освоение» города. История Одессы становится для него материалом для ответа на вопрос не только о специфике одесского локального пространства, но и об истоках его мифологии. «Одесса-мама», «Южная Пальмира», «жемчужина у моря» – мы имеем дело с устойчивой мифологемой массового сознания, с верой в инаковость судьбы и бытия черноморского города. Американский славист пытается разобраться, почему эта мифологема возникла и оказалась столь живучей.

Само название книги говорит о позиции автора: с его точки зрения, одесская мифотема уже завершена, Одессы как города-грезы более не существует. Не обошлось и без неточного перевода: в английском названии («*Odessa: Genius and Death in a City of Dreams*») говорится не о «величии», а о даре, о

Чарльз Кинг. Одесса: величие и смерть города грез.

Пер. с англ. О. Кириченко. М.: Издательство Ольги Морозовой, 2013. 336 с.

духе города – духе космополитизма и мультикультурализма, исчерпанном сегодня. По мнению Чарльза Кинга, именно попытка создания «вольного города», в котором переплавлялись различные этнические группы, послужила глубинным источником одесского мифа. Соответственно, крушение мультикультурности повлекло за собой разрушение мифа и низведение «города-грезы» до провинциального центра, пестующего свою уже не существующую «особость». Автор декларирует, что в его книге «прослеживается изгиб истории Одессы от начального имперского периода сквозь череду ее трагедий XX века и до превращения в окра-

шенный ностальгией миф» (с. 13–14). Он замечает, что «жестокая правда состоит в том, что город этот, как и все те, кто претендует на величие, разочаровывает не в меньшей степени, чем вдохновляет. Его чудовищные черты проступают не реже, чем самые благородные» (с. 14).

Три части книги – одесская историческая триада. Первая часть («Город-греза») говорит о попытках основателей Одессы воплотить в жизнь утопию «вольного города», вторая («Оплот жестокости») – отрицает первую и рассказывает о крушении утопических чаяний, а третья («Ностальгия и память»), вполне в духе гегелевского отрицания отрицания, вновь возвращается к мифу как к симулякру, ведь сегодняшнее представление об Одессе – это память о городе, которого никогда не было. Книга балансирует на водоразделе научной и популярной литературы, это ее достоинство и недостаток: чтение не требует специальных навыков и образования, но стремление к доступности и наглядности подчас обращается излишней легковесностью и непроговоренностью выводов. Впрочем, и на Солнце есть пятна, а городская биография такого рода выгодно выделяется из потоков «краеведческой» литературы и обращает на себя заслуженное внимание.

Рассказы о греческой колонизации Черноморья, русско-турецких войнах, оккупации нацистами и многом другом легко найти в многочисленных справочниках и исторических изданиях. Но Кинга, прослеживающего становление Одессы от татарского поселения Хаджибей до XX века, интересует не кропотливое восстановление деталей. Цель его исторического экскурса – понять истоки региональной идентичности. Автор задается вопросами: «Как образуются особый дух, особый характер, превращающие жителей в патриотов Одессы? Каким образом дом превращается из обычного места обитания в форму бытия? Многие крупные города, в особенности порты и быстрорасту-

щие мегаполисы (Новый Орлеан и Неаполь, Лас-Вегас и Ливерпуль), имеют репутацию мест, которые довольствуются узнаваемой наклейкой; но лишь немногие становятся обозначением образа жизни и поведения» (с. 14). Кинг прослеживает, каким образом искатель приключений неаполитанец де Рибас реализует представленный им Екатерине II проект «идеального» города, как эту инициативу затем подхватывает французский аристократ Ришелье, назначенный одесским градоначальником императором Александром I, а позднее – генерал-губернатор Новороссии Воронцов. Во многом благодаря этим людям и их установке на реализацию некоего идеала складывается мультикультурный и космополитичный характер Одессы.

Своеобразной лакмусовой бумажкой, показывающей степень толерантности в этнических и религиозных вопросах, стало отношение к еврейской общине города. Уже при Ришелье существовало равноправие перед городскими законами представителей разных этносов: даже когда на город обрушилась эпидемия чумы, «на евреев, что было удивительно для того времени, распространялись те же карантинные меры, что и на их соседей-христиан» (с. 65). Позднее Воронцов обратился к императору Николаю I с письмом-представлением, ратуя «о смягчении судьбы несчастного народа». Результатом такой политики стало не только отсутствие в Одессе еврейского гетто (оно возникло лишь во время Второй мировой войны, и создали его оккупанты), но и относительно мирное сосуществование в городе русских, украинцев, итальянцев, греков, молдован, евреев и представителей других этносов. Не случайно последняя глава первой части книги озаглавлена: «У Одессы нет национальности». Кинг говорит о том, что «классовое положение и благосостояние, а не религия или национальность были определяющими факторами здешней жизни» (с. 100).

По мере роста городского населения в целом оно все в большей степени

становилось еврейским, но городская политика видоизменила само еврейство в Одессе. Для местных евреев была характерна не столько иудаистская ортодоксия с ее отталкиванием от всего иноплеменного, сколько идеология Хаскалы, или еврейского Просвещения. Хаскала как движение связана с идеями Моисея Мендельсона, известного немецко-еврейского мыслителя XVIII века. Согласно его учению, традиционные черты еврейской жизни – от почитания раввина до социальной изоляции – должны быть переосмыслены и модернизированы таким образом, чтобы евреи могли стать полноценными гражданами просвещенного государства. Хаскала была реформистским движением, предлагавшим евреям изменить одежду, прически, архитектуру синагог, отношения с не-евреями, даже язык (многие книги печатались на немецком, польском, русском, но не на идише).

В конечном счете, в городе складывалась региональная идентичность – ощущение себя одесситом превалировало над самоприписыванием к той или иной этнической общности. Как пишет Кинг, «некая золотая нить скрепляла лоскутное население воедино: это и дало результат, который, как никакой другой, вызвал в середине века бум в экономике Одессы» (с. 113), а вслед за этим – реформы в городском управлении и явный подъем в культурной жизни.

Политика, способствующая мультикультурности, в Одессе закончилась в последних десятилетиях XIX века. Во второй части книги («Оплот жестокости») анализируются новые реалии, связанные не только с революционными настроениями в городе, но и с ростом преступности: «при постоянном притоке людей по морю и с континента в значительно большем количестве, чем в крупнейшие города империи Москву и Санкт-Петербург, Одесса созрела для целой индустрии жульничества, надувательства и взяточничества» (с. 142–143). «Бандитская Одесса» и «колыбель революции на Черном море» приходят

на смену «Южной Пальмире». В городе появляются черносотенные объединения: «Общественное недовольство стравливало различные слои населения Одессы: местных и приезжих, либералов и консерваторов, студенчество и почтенную профессуру, и практически все были настроены против еврейских лавочников и торговцев» (с. 154). Начались еврейские погромы, толерантность осталась в прошлом: «город вступил в новый век ненависти к самому себе» (с. 157). В еврейской же общине вместо просвещенческой идеологии Хаскалы набирает вес сионизм и радикализм, создаются дружины самообороны – насилие порождает насилие. По сути, автор подводит читателя к выводу о том, что отсутствие толерантности приводит к заболеванию всего общественного организма. Растущая среди населения агрессия привела к ужесточению и централизации управления, от либерализма не осталось и следа.

Значимость Одессы для империи уменьшалась, зато город стал узлом многих социальных противоречий. «Одесса оказалась средоточием нескольких фронтовых рубежей: столкновений между евреями и их гонителями; между украинскими националистами и их противниками-монархистами; между радикальными марксистами и сторонниками самодержавия» (с. 190), – пишет Кинг. В результате и в 1905, и в 1917 годах город захлестнули волнения, которые привели к складыванию новой мифологии о революционном городе (ярким отражением которой стал фильм Эйзенштейна «Броненосец Потемкин»).

«Новый мир», установившийся в результате Октябрьской революции, приглушил межнациональные трения, но зато и разрушил культурную ауру города: «Будучи крупным центром культуры, давними узами связанным с западным искусством и музыкой, Одесса стала естественной мишенью для властей как пристанище шпионов и ниспровергателей власти. Университет... лишился профессуры, считавшейся

пристанищем враждебных по отношению к советскому государству взглядов. Писатели... были предметом злобных нападков и государственных кампаний против дилетантства и формализма в искусстве» (с. 213). Городская экономика тоже трещала по швам.

Вместе с тем именно в советское время одесский миф набирает силу, но формируется он уже не стихийно, а вполне сознательно. «Постепенно Одесса сделалась тем, чем никогда не была: городом, который советские люди воспринимали как явление особенное, пронизанное особой ностальгией, и при этом занимавшее почетное место в пантеоне самых любимых и героических советских городов» (с. 213–214). Представление об Одессе становится симулякром массового сознания.

Во время Второй мировой войны для Одессы наступили черные дни. Румынская оккупация города привела к жестокому и планомерному истреблению еврейского населения. Если в отдельные периоды доля евреев в городском населении, по некоторым оценкам, доходила до 46%, то через несколько месяцев после освобождения, в ноябре 1944 года, по официальным данным, в городе на 200 тыс. жителей насчитывалось всего 48 евреев! Страшная статистика... Кинг обращает внимание читателей на то, что обычно обходится молчанием: в архивах можно найти огромное количество писем румынским властям от тайных осведомителей, которыми стали рядовые одесситы. Кины сохранившихся доносов являются, считает автор, «суровым свидетельством темной сущности города, таившейся за его светлым обликом» (с. 247). Нелучайно после ухода оккупантов в городе поселяется антисемитизм. Как верно замечает Кинг, «официальный антисемитизм, как скрытый, так и открытый, был характерной чертой послевоенного времени в Советском Союзе» (с. 273), и в городе он пустил корни еще до войны: возник задолго до вторжения армий коалиции и никуда

не исчез, когда город снова отвоевали советские войска.

О смерти «вольного города» Кинг рассказывает в третьей части книги («Ностальгия и память»). Космополитичная природа Одессы была разрушена, но региональная идентичность, переместившаяся было на периферию сознания во время войны, опять заняла одно из доминирующих положений: «одессит» вновь становится «званием», а не местом прописки. Большой вклад в такое положение дел внесла советская пропаганда. Происходит дальнейшая идеологизация одесского симулякра. Фильм «Два бойца» с Марком Бернесом в одной из главных ролей, присвоение Одессе звания города-героя (сразу после Сталинграда, Ленинграда и Севастополя), выборочное забвение и переписанная местами история делают свое дело: облик придуманной и подкрашенной Одессы тиражируется, ставится на поток и замещает в сознании людей действительность. «Со временем город-герой затмил реальный город, — говорит Кинг. — Советские книги о сопротивлении и доблести возвестили о полном соскальзывании Одессы в область ностальгии. Миф о ее судьбе в годы войны был теперь вплетен в новую систему образов, призванных описывать этот город как обитель содружества наций» (с. 278). Идеологическая индустрия подменяла историю и память отредактированными ностальгическими воспоминаниями, создавала советскую версию одесского патриотизма.

И опять как яркий пример происходящих процессов Кинг использует еврейскую тему — он пишет о массовом исходе евреев в другие города России и Украины сразу после войны, а позднее — в Израиль, США и другие страны. «Конец еврейской Одессы положил начало одесской диаспоре, которая возродила этот город далеко за пределами порта и Дерибасовской» (с. 275), — отмечает автор. Ярким примером «посмертного воплощения» Одессы он считает район Брайтон-Бич в Нью-Йорке.

В наши дни Одесса претерпевает очередное преобразование. Сегодня это важнейший порт Украины, относительно нового государства, возникшего в 1991 году. Но история и память по-прежнему подменяются симулякрами: «одесситы предпочли менее обременительный флер ностальгии проблемному космополитизму» (с. 300). Хотя «прошлое Одессы, непредвзято увиденное и правильно понятое, могло бы стать активом и для новой, украинской, и для прежней, российской, власти» (с. 304) как модель европейского мультикуль-

турного города, этого не происходит: на одесских улицах присутствуют «постсоветский китч», «украинская озабоченность национальной мифологией» и «новый восторг русских перед прежним имперским положением» (с. 306). Одесса в очередной раз переписывает и подчищает свою историю, не чувствуя, что ее золотой век уже позади...

Ольга Волжогонова,
доктор философских наук,
*former Kennan Institute Regional
Exchange and Short-Term Scholar*

Иногда наука рождается в буре. Профессора обсуждают необычную диссертацию и почти договариваются ее отклонить, мол, так не пишут. И тут одному из спорящих приходит в голову: «А может, попробовать писать именно так? Что если это называется...» Что-то похожее получилось с культурсоциологией и американским профессором Калифорнийского университета Джеффри Александером. Прежде всего теория культурсоциологии опровергает банальное представление о взаимоотношениях базиса и надстройки. В отличие от вульгарно-марксистской трактовки, которая подчиняет культурную и духовную надстройку экономическому базису, Александер доказывает, что культура пронизывает все сферы общества, становится ее невидимым каркасом и опорой, определяет уровень технологической развитости, влияет на взаимоотношения между людьми, становится опорой для развития этики и права, совершенствует нравы. Брошенное в очереди за ланчем в университетском кафе словечко «культурсоциология» подтолкнуло возникновение теории, распространившейся среди гуманитариев весьма широко. Отделения культурсоциологии можно найти в самых разных университетах. Публикация в России книги Джеффри Александера «Смыслы социальной жизни: культурсоциология» должна подтолкнуть многих молодых ученых к осмыслению, восприятию и совершенствованию собственной исследовательской методологии.

Мне довелось побывать в Вашингтоне на презентации предыдущей книги Джеффри Александера «The

Джеффри Александер. Смыслы социальной жизни: культурсоциология.

М.: Праксис, 2013. 640 с.

Performance of Politics» (2010). Существенную часть этой книги занимает анализ поведения сенаторов Маккейна и Обамы во время избирательной кампании 2008 года. Казалось, речь идет о совершенно никому не нужных вещах: о цвете рубашки Обамы, о его поведении непосредственно после известия о смерти бабушки (а вырастившая Барака Обаму бабушка умерла как раз во время избирательной кампании), о знаниях губернатора Сары Пэйлин в области географии (Пэйлин баллотировалась в

паре с Маккейном)¹... Однако спокойно и уверенно Александер доказывал: политика становится перформансом все больше и больше. Цвет рубашки, улыбка, шутка кандидата, маршрут поездки – все сразу же, немедленно сказывается на рейтинге! Культура одежды, культура речи, огрехи и различные оплошности – все влияет на цифры рейтинга буквально на следующий день! Умерла бабушка – Обама меняет маршрут, меняет программу выступлений, срывается и уезжает, но рейтинг только растет: он поступил человечно, душевно, избиратель хочет голосовать за благодарного, совестливого человека, а не за бюрократическую функцию.

Нынешняя книга показывает, как далеко зашла культурсоциология, использующая эстетические формы как инструменты описания социальной жизни: «...формы нарратива, такие как моралите или мелодрама, трагедия и комедия, могут пониматься как “типы”, подразумевающие определенные последствия для социальной жизни. Например, моралите, по-видимому, не предполагает компромисса². Трагедия может породить фатализм³ и отказ от гражданской вовлеченности (*civic engagement*), но также может поощрять моральную ответственность⁴. Комедия и любовный роман, напротив, порождают оптимизм и социальную включенность (*social inclusion*)⁵. Ирония представляет собой мощный инструмент критики авторитетов и размышлений о господствующих

культурных кодах, открывающий пространство для различий и для культурных нововведений⁶» (с. 91).

Подобным образом один из сторонников и соратников Джефффри Александера легендарный историк Хейден Уайт описывал историческое воображение и историографию, применяя к ним литературоведческую терминологию в своей знаменитой «Метаистории»: «Историческое воображение между Метафорой и Иронией», «Гегель: поэтика истории и путь за пределы Иронии», «Маркс: философская защита истории посредством Метонимии» и т. п.⁷

Таким образом, до сих пор аристотелевская эстетическая терминология до какой-то степени остается адекватной при анализе даже исторических и социологических процессов.

Для меня активная роль культуры и является самым главным отличием культурсоциологии от социологии культуры. Вообще, нужно сразу же разобраться в терминах: почему это привычная «социология культуры» (*sociology of culture*) оказывается недостаточным термином и приходится прибегать к термину «культурсоциология» (*cultural sociology*)? Ведь понятийные аппараты весьма схожи: «ценности», «коды», «дискурсы»; и тут и там декларируется необходимость тщательного социологического изучения культуры; обе традиции воспринимают «культурный поворот» как ключевой момент в развитии социальной теории. Однако

¹ О Феклуше из «Грозы» А.Н. Островского вряд ли кто из них слышал, но С. Пэйлин неповторимо воплотила ее новую реинкарнацию.

² *Wagner-Pacifici R. The Moro Morality Play. Chicago: University of Chicago Press, 1986; Wagner-Pacifici R. Discourse and Destruction. Chicago: University of Chicago Press, 1994.*

³ *Jacobs R. Civil Society and Crisis: Culture, Discourse and the Rodney King Beating // American Journal of Sociology. Vol. 101. No. 5. P. 1238–1272.*

⁴ *Alexander J.C. Modern, Post, Anti, and Neo: How Intellectuals Have Tried to Understand the ‘Crisis of our Time’ // New Left Review. 1995. Vol. 210. P. 63–102; Eyerman R. Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African American Identity. New York: Cambridge University Press, 2001.*

⁵ *Jacobs R., Smith P. Romance, Irony and Solidarity // Sociological Theory. 1997. Vol. 15. No. 1. P. 60–80; Smith P. The Semiotic Foundation of Media Narratives: Saddam and Nasser in the American Mass Media // Journal of Narrative and Life History. 1994. Vol. 4. No. 1–2. P. 89–118.*

⁶ *Smith P. Executing Executions: Aesthetics, Identity and the Problematic Narratives of Capital Punishment Ritual // Theory and Society. 1996. Vol. 2. No. 2. P. 35–261.*

⁷ *Yūim X. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ. под ред. Е.Г. Трубиной и В.В. Харитоновой. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002.*

сходство – поверхностное, а различие – глубинное, и весьма существенное. По мнению Александра, социология культуры «объясняет» культуру, причем в терминах, которые находятся в стороне от смысла. При этом социальная структура воспринимается как «жесткая» переменная, а культура – как переменная «мягкая», становящаяся, вместе с порожденными смысловыми комплексами, надстройкой и идеологией. Культурсоциология, напротив, исходит из научно понятой культурной автономии, когда культура понимается как важнейший фактор формирования социальной жизни. Дж. Александер называет это «сильной программой» (strong program). Само понятие «сильной программы» появилось в новой области науки, которая на английском называется «science studies». В этой области, название которой можно условно перевести как «исследование науки», научные идеи представляются не совокупностью открытий, в которых отражен «объективный реальный мир». Скорее, это культурные представления и языковая интерпретация смыслопорождающей и смыслообразующей деятельности.

Культурсоциология не могла появиться на ровном месте. В гуманитарной науке уже давно ничто не появляется «вдруг». Сильной программе предшествуют «слабые программы». Что ж, когда формируется новая теория, всегда указывают, что именно этой теории предшествовало. Культурсоциология не появилась бы, не сложись Бирмингемская школа (удачно реконструировавшая социальные тексты и значимые смыслы), не начини Пьер Бурдьё опираться на качественные и количественные эмпирические исследования в декодировании культурных текстов, не появились выдающиеся работы Мишеля Фуко, продемонстрировавшие «плотные описания» (еще один излюбленный термин Дж. Александера) различных социумов и показавшие, как дискурсы влияют на формирование знания и классифицируют общество и социальную жизнь. Наконец, очень серьезным шагом в

формировании «сильной программы» стали работы Клиффорда Гирца, показывающие, что «культура представляет собой насыщенный и сложный текст, оказывающий тонкое упорядочивающее воздействие на социальную жизнь. В результате появилось притягательное видение культуры как сетей значимости (webs of significance), направляющих действие» (с. 83).

У истоков зарождения науки вместе с Александером оказался и профессор Филипп Смит, в соавторстве с которым написаны две важные главы упомянутой выше книги: «Сильная программа в культурсоциологии: элементы структурной герменевтики» и «Дискурс американского гражданского общества».

Культурсоциология, как можно убедиться, основывается на глубоком и прочном междисциплинарном фундаменте. Когда же автор переходит к конкретным штудиям, то читатель видит, насколько уместно он применяет каждый из своих многочисленных исследовательских инструментов. Отдельная глава книги посвящена Холокосту. Исследователи Холокоста сейчас находятся в центре гуманитаристики. Выпускаются журналы и сборники, проводятся конференции, созданы авторитетные исследовательские центры и программы. Такая ситуация сложилась не сразу. Американцам понадобилось время, чтобы прийти к осознанию Холокоста как воплощения и символа зла. Поначалу они были дезориентированы донесениями Красной армии, освободившей Майданек. Слово «зверство» (atrocitiy) применялось только к описанию американских и тайландских военнопленных в Японии. Когда сообщения о зверствах достигли берегов Америки, они взволновали властные круги, некоторые сенаторы и конгрессмены потребовали «сжечь центр Японии огнем!» («Gut the heart of Japan with fire!»). Так общественное мнение США было подготовлено к ужасным и бесчеловечным атомным бомбардировкам.

Чтобы сочувствовать жертвам, аудитория должна образно соотноситься с

ними. Это невозможно без эстетического восприятия травмирующего нарратива. В Советском Союзе созданная сразу после окончания войны «Черная книга» была запрещена. Следует отметить, что ее составители Василий Гроссман, чья мать погибла в концлагере, и Илья Эренбург после окончания работы расстались вовсе не по-дружески. Книга эта стала результатом весьма болезненных уступок со стороны Гроссмана, который в душе надеялся, что авторитет Эренбурга все же пробьет дорогу книге. Не вышло. Подлинным нарративом Холокоста для советских читателей стал «Дневник Анны Франк», вышедший в конце 50-х в переводе Риты Райт-Ковалевой, которая и дала запискам погибшей девочки это название.

Дж. Александер приводит пример из далекой Гватемалы, где были целиком уничтожены многие деревни и погибло более двухсот тысяч индейцев майя. Там травмирующим нарративом стали перформансы, названные «публичной встречей с прошлым». Директор, преподаватели и несколько учеников школы в местечке Санта Мария Цея написали пьесу, которая воспроизводит кровавые события. Они включили в пьесу тексты статей конституции, которые были нарушены военными. Надо ли говорить, что банально понятой «художественности» это не способствует, «но в Гватемале зачитывание конституции может стать глубоко драматическим действием. Представления неизбежно приводят к задевающим за живое и иногда бурным обсуждениям. [Постановка] произвела на город эффект катарсиса»⁸.

Казалось бы, мало приятного сербам вспоминать о 78 днях натовских бомбардировок, однако патриотическое направление сербского кино на рубеже веков часто возвращалось к сюжетам, построенным вокруг этих бомбардировок. Здесь начинало активизироваться стремление прорваться сквозь националистический нарратив Милошевича

и добиться более или менее адекватного восприятия событий, пусть даже это и будет сопряжено с переживанием национальной травмы.

Узники нацистских лагерей, которые были освобождены американцами, по-разному выглядели, и американцы относились к ним по-разному. Выжившие еврейские узники были невероятно измождены, они были на грани жизни и смерти, дурно пахли и рассказывали солдатам невероятные истории. Они и на людей-то не всегда были похожи. Узники других национальностей подобных историй не рассказывали: дело их не касалось. Освобожденных евреев американцы и особенно англичане содержали иначе: в отдельных лагерях, на отвратительном питании, разговаривали и обращались с ними грубо. Даже герой Второй мировой войны генерал Джордж Паттон был с позором переведен на другое место службы из-за того, что к немецким пленникам относился демонстративно лучше и уважительнее, чем к бывшим еврейским узникам, содержавшимся теперь в лагерях для перемещенных лиц. Газета «Тайм» 8 октября 1945 года сообщала, что с тех пор как американские солдаты оказались в Германии, «они спутались не только с *Gräulein*, но и с философией. Многие начали рассуждать о том, что немцы вообще-то нормальные ребята, что их вынудили вступить в войну, что истории о злодеяниях – фальшивка. Знакомство с охочими до солдат немецкими женщинами, со свободолобивой немецкой молодежью привело к забвению Бельзена, Бухенвальда и Освенцима». Наконец, вмешался президент Трумэн и в резкой форме потребовал от генерала Эйзенхауэра навести порядок: «Мы, видимо, обращаемся с евреями так, как с ними обращались нацисты, за исключением того, что мы их не уничтожаем».

Постепенно, шаг за шагом, начало складываться представление об этом массовом истреблении не просто как о

⁸ *Manz B. Terror, Grief and Recovery: Genocidal Trauma in a Mayan Village in Guatemala // Hinton A. (ed.) Annihilating Difference. University of California Press, 2002.*

«зверствах», которые происходили повсюду, где оказывался нацистский сапог, но как о «радикальном зле» (radical evil). Воспринятый как культурная травма, нанесенная Гитлером цивилизованному западному миру, Холокост стал трагическим нарративом. Дж. Александер подробно показывает, как этот нарратив «придал существенно больший символический вес злу, которое воплощало собой это истребление» (с. 153). Он реконструирует внутренние контуры этой культурной структуры, затем исследует вызванный ею тип «символического действия» и то, как новые смыслы заставили принципиально по-новому воспринимать травму массового истребления. К восприятию Холокоста он применяет древний аристотелевский термин «катарсис». Резня в Руанде, где миллион человек был истреблен за две недели, «расстрельные поля» в Камбодже, поглотившие 3 миллиона из 7-миллионного населения, – человечество теперь знало правильное обозначение для этих массовых истреблений.

Конечно, когда процесс переживания травмы усиливается информационным воздействием массмедиа, общество не может оставаться сплоченным: как правило, появляются травмированные и преступники, которые принимают травмирующие решения и развязывают травмирующие события. Однако без публичной репрезентации травмы невозможно и представление о событиях как об абсолютном зле. Так, сам по себе Нюрнбергский трибунал не убедил немцев в бесчеловечности совершенных рейхс-машиной преступлений. Выдающийся фильм «Процесс в Нюрнберге», события в котором происходят через некоторое время после окончания работы трибунала, является тому подтверждением. Герои оперируют риторическими формулами, которые для них и для немцев-современников являлись абсолютным оправданием. Все сводилось, таким образом, к праву сильного, к осуждению побежденных победителями. Однако публичные слушания создали уникальный юридический фун-

дамент для дальнейших травмирующих нарративов. Когда появились развернутые рассказы, романы, воспоминания, фильмы, то моральная денацификация резко ускорилась, ибо появилась национальная соотнесенность с жертвами нацизма.

В целом примерно так же проходило и национальное переживание травмы в Гватемале, когда в 1994 году была сформирована «Комиссия по историческому прояснению». Она работала пять лет, заслушивала представителей различных сторон, пока не вынесла заключения о том, что «представители государства Гватемала... совершили акты геноцида в отношении групп народа майя». Заключение легло в основу последующих нарративов.

Естественным продолжением этой главы является следующая, названная «Культурсоциология зла». В ней речь идет о ценностях и нормах, кодах и нарративах, ритуалах и символах. Александер настаивает, что «культуру нельзя понимать только как ценность и норму, которые можно определить как концептуальные истолкования попыток общества представить добро в символах и нарративах, кодировать и ритуализовать его. В терминах социологии культурализация зла так же важна, как и попытки дать определение добра и институционализировать его» (с. 311).

Захватывающе читается исследование «Уотергейт» как демократический ритуал». Напомним: во время избирательной кампании в июне 1972 года представители республиканцев (т. е. симпатизировавшие президенту Никсону) взломали дверь и проникли в штаб-квартиру Демократической партии. Демократы сразу же заявили во весь голос, что это вполне соответствует моральным представлениям безнравственного президента Никсона и всей его администрации. Казалось, на этом дело закончится. Однако постепенно скандал разгорался, и культурные представления американцев за исторически кратчайшее время – два года – радикализировались. 75% граждан поначалу рас-

смащивали это дело как политическое. Однако через два года 66% сочли, что проблема вышла далеко за рамки политики. Она поставила под удар демократические основы общества. Эмоции и представления избирателей, превратившись в политическую волю, смели президента Никсона, доведя дело до его «добровольной» отставки. Исследователь видит в этом «глубочайшую ритуализацию политической жизни», причем ссылается на Дюркгейма, для которого ритуал всегда связан с интенсивнейшими эмоциями. Он говорит о пяти ступенях этического перерождения общества: (1) сложился консенсус, что событие осквернило американский образ жизни; (2) событие стало восприниматься не только как отклонение от нормы, но и как угроза осквернения «центра»; (3) пришлось задействовать институциональный социальный контроль и инструменты его применения; (4) борьба элит и общественных групп привела к созданию общественных «контрцентров»; (5) совершился «действенный процесс символической интерпретации, то есть процессы ритуализации и очищения, продолжающие процесс навешивания ярлыков и утверждающие власть символического, сакрального центра общества в ущерб центру, который все больше людей считают лишь структурным, профанным и нечистым» (с. 422–423).

Пока речь шла о политических целях Никсона – ничего страшного избиратели в этом не находили: ведь это был «профанный уровень» восприятия событий, «всего лишь политика». Однако публичные слушания символизировали инцидент, возвели его в ранг очищающего ритуала. Особенно возмущающим по последствиям оказалось увольнение специального прокурора Арчибалда Нокса. Выходец из пуританской семьи представлялся подавляющему большинству оптимальной фигурой на этом посту. После того как Нокс потребовал, чтобы суд опротестовал решение президента скрыть информацию от Специальной прокуратуры, в октябре

1973 года Никсон его просто-напросто уволил. Нокс успел зарекомендовать себя приверженцем демократических моральных ценностей, и его увольнение было расценено американцами как разрушение родившегося в ходе публичных слушаний морального консенсуса. Этот конкретный президент был в общественном сознании отделен от моральной высоты института президентства, и это решило историческую судьбу Никсона. В последний рабочий день знаменитая совместная молитва с Генри Киссинджером, которого он частенько называл 'my little Jew', выглядела лишь профанацией сакрального. Таковой она и осталась в публичном нарративе после фильма Оливера Стоуна «Никсон».

Александр подчеркивает, что современный ритуал никогда не является завершенным. Так и этот ритуал не был завершен. Он повлек за собой переключение на привычные для политики экономические и кризисные темы, однако он возвысил нацию до задачи сохранения ее «сакрального ядра». То, что президент Картер начал свою работу с клятвы «Я никогда вам не солгу», – еще одно напоминание о том, как культура изменила политику.

Порой говорят, что за «Уотергейтом» последовал «Ирангейт», «Кореягейт» и «Биллигейт», что не стоило открывать этот «водяной затвор» (как, собственно, «Уотергейт» и переводится). Однако все последовавшие случаи были политическими и не касались «сакрального ядра» американской демократии. Моральное право специального прокурора Кеннета Старра обвинять Клинтона окончательно растаяло в публичном нарративе, когда выяснилось, что он имел связь на стороне как раз во времена этой борьбы против президента Клинтона. Интеллектуалы средней руки, независимо от пола, еще менее осуждали Клинтона.

Выдающийся американский писатель Филип Рот в романе «Людское клеймо» (The Human Stain, 2000, русский перевод – 2004) ставит саркастическую точку в восприятии этих событий. Его герой, отставной профессор колледжа,

случайно слышит разговор между тремя новыми преподавателями о президенте Клинтоне, вступившем в связь со своим стажером Моникой Левински:

« – Осторожность, осторожность его сгубила. Совершенно точно. Он как юрист себя вел.

– Не хотел улики оставлять.

<...> – А его беда в том, что он недостаточно развращен.

– Вот именно. Конечно. И недостаточно испушен.

– Повинен не в безнравственном поведении, а в чересчур нравственном».

Более того, даже ампула независимого прокурора оказалось скомпрометированным:

«– Ну, все-таки не сказать, чтобы она не боялась. И хотела говорить, и не хотела. Это Старр ее расколол. Одиннадцать лбов с ней в номере гостиницы! И все напирало. Форменная групповуха. Старр устроил ей там групповое изнасилование».

Писатель остроумно подметил: когда события не касаются сакрального ядра американской системы ценностей – все относительно. Многоопытный мужчина оказывается «недостаточно развращенным», и даже допрос независимым прокурором трактуется в терминах сексуальной агрессии.

Книга Джеффри Александера отличается не только широчайшей научной эрудицией автора и самостоятельностью подходов. Она интересна в каждой своей частности. Например, крайне поучительной является интерпретация профессором Дж. Александером культурного смысла постмодернизма: «Вместо романтики и иронии в постмодернизме пышным цветом расцвела комическая схема. Нортроп Фрай называет комедию высшей уравнильницей (the ultimate equalizer). Поскольку добро и зло нельзя разделить на части, действующие лица – герои и злодеи – находятся на одном

и том же нравственном уровне, так что зрители не вовлекаются в действие нормативным или эмоциональным образом, а могут усестись поудобнее и получать удовольствие. Жан Бодрийяр – мастер сатиры и насмешки, а весь западный мир превращается в огромный Диснейленд. По сути, в постмодернистской трагедии избегают даже самого понятия действующих лиц. Не без издевки, но с идеей о новой теоретической системе Фуко объявил о смерти субъекта; Джеймисон канонизировал эту идею, заявив о том, что “подобный род индивидуализма и персональной идентичности ушел в прошлое”. Постмодернизм – это пьеса внутри пьесы, историческая драма, придуманная с целью убедить зрителей в том, что драма умерла и что истории больше не существует. Остается только ностальгия по исполненному символов прошлому» (с. 558–559).

Мне видится огромный научный потенциал в методах и целях культурсоциологии. Она предлагает ракурс, который до сих пор отсутствовал в отечественном педагогическом образовании, не представляющем культуру действенной силой. Появившиеся на русском языке работы культурсоциологов ни в коем случае не должны остаться незамеченными.

Книга отлично переведена Григорием Ольховиковым, и даже предисловие Д.Ю. Куракина заслуживает пристального внимания и восприятия. Научный темперамент и энергия автора сообщают особую привлекательность высказанным в книге идеям.

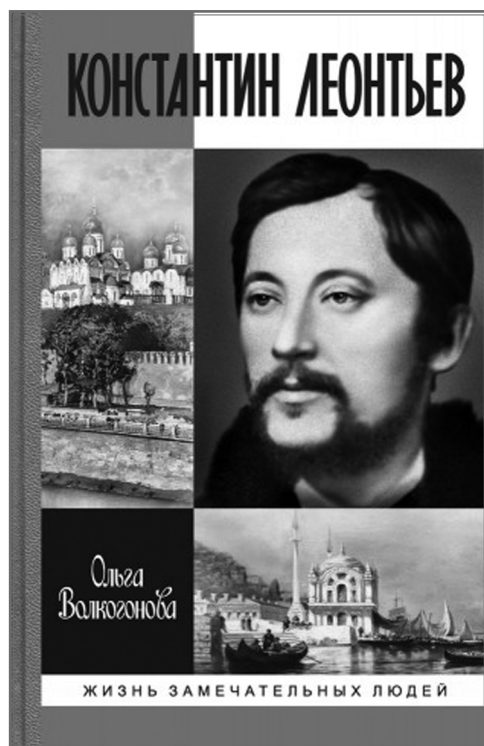
Борис Ланин,

доктор филологических наук, профессор, заведующий лабораторией Института содержания и методов обучения Российской академии образования, former Woodrow Wilson Fellow, former Kennan Institute Regional Scholar

От врача и консула до инок Климента

Профессор О.Д. Волкогонова, известный специалист по истории русской философии Серебряного века и послереволюционной эмиграции, сделала своей книгой долгожданный подарок любителям отечественной культуры. Но подарок получился горьким и тревожным, поскольку фигура Константина Николаевича Леонтьева (1831–1891), человека на редкость талантливого, неординарного, самобытного, но не благостного, не ладившего с самим собой и своим временем, воплощает соблазны, ошибки, несбывшиеся надежды и трагедии того времени, да и к нашему имеет самое непосредственное отношение. При этом нельзя сказать, что загадка судьбы Леонтьева разгадана автором окончательно, а мораль ясна. Слишком простых ответов на мучительные вопросы, связанные с Константином Николаевичем, Волкогонова не дает, и правильно делает. Из богатейшего исторического материала, приведенного на страницах книги, каждый читатель сделает собственный вывод, но это будет нелегкая работа и нелегкий выбор оценки. (Проверено на себе.)

Жанр биографии располагает к соблудению хронологического порядка, и книга начинается с живописных картин жизни в родовом имении Кудиново в Калужской области (оно, к сожалению, не сохранилось, было продано за долги еще при жизни Леонтьева), с оценки влияния умной, властной и тонко чувствовавшей красоту Феодосии Петровны на сына. Именно по выбору матери он поступил на медицинский факультет Московского университета. Но карьера врача, кстати, довольно удачная, не привлекла Константина. В студенческие годы он начал писать прозу, его пер-

Ольга Волкогонова. Константин Леонтьев.
Серия «Жизнь замечательных людей».

М.: Молодая гвардия, 2013. 454 с.

вые опыты лестно оценил И.С. Тургенев и другие литераторы той поры, но публикации все откладывались по причине цензурных придирок. На склоне лет Леонтьев сам станет сотрудником Цензурного комитета, и таких поворотов на 180 градусов в судьбе мыслителя будет еще немало.

Молодой врач досрочно закончит курс и примет участие в Крымской войне 1853–1856 годов. Тогда же он «заболеет» Крымом и – шире – Востоком, многоцветной и пестрой культурой Черноморского бассейна. Это очарует его навсегда, после небольшой

русской интерлюдии он добьется командировки в Османскую империю, и лучшие его молодые годы пройдут на дипломатических должностях на Крите, в Константинополе, Эпире, Адрианополе... Прямая, полная контрастов и чувственных удовольствий восточная жизнь описывается Леонтьевым прежде всего с художественной точки зрения. Сам он всегда в центре живописного натюрморта: верхом или в повозке, среди красавиц и красавцев, ковров и фруктов, на дипломатических приемах или среди пострадавших от наводнения – такой молодец! Немного портят картину долги, коих он делает очень много, поскольку жалования сначала секретаря, а потом даже консула категорически не хватает на красивую жизнь. Самолюбование героя безмерно, а вот вникать в «механику» социально-экономических процессов в регионе Леонтьев не стремится. «Только однажды Леонтьев собрал статистический материал о вверенном ему регионе» в бытность русским консулом в Адрианополе (с. 167). И дело тут не в лени или гедонистических привычках.

Довольно рано для Константина Николаевича определяющей в оценке текущих социальных событий и перспектив мировой истории стала эстетическая точка зрения. Леонтьев формулирует свое кредо предельно ясно и в пику установкам своего времени. Он заявляет, что «красота важнее морали», что лучше живописное молодецкое зло, чем скучное и бесцветное добро, что «зло на просторе родит добро» и т. д. Позднее, с легкой руки В.В. Розанова Леонтьева окрестили «русским Ницше». Автор замечает, что, по справедливости, это Ницше надо звать «немецким Леонтьевым»: в XIX веке пальма первенства в эстетическом оправдании витальной силы и зла как ее проявления принадлежит русскому мыслителю. «То, что сильно, то и прекрасно», – считал молодой Леонтьев (см. с. 105). Уточню, что эстетическое он понимал предельно широко и распространял на все природные (физические) и социальные явления, но самое

удивительное, что эстетика жизни была не только для молодого дипломата, но и для уходящего из жизни инок чрезвычайно важна, несмотря на, казалось бы, полную переоценку ценностей. Меня поразило свидетельство одного из «учеников» Константина Николаевича, что совсем незадолго до смерти Леонтьев попросил сменить шторы в своем номере гостиницы в Лавре и повесить вместо унылых и старых – новые, из голубой марли (!).

Идеализация национальной самобытности и социальной неоднородности (иерархичности), критика модели линейного прогресса, неприятие социального равенства проистекали из той же «самой широкой и самой точной» эстетической точки зрения. Вернувшись с Крымской войны, Леонтьев некоторое время исполнял обязанности домашнего врача в нижегородском имении баронессы фон Розен. Тогда-то он предложил «формулу красоты», которой придерживался до конца жизни: «красота есть единство в разнообразии». Согласно Леонтьеву, картина истории должна играть полутонами и деталями. На склоне лет, формулируя свои требования к обществу, он напишет, что государство «должно быть пестро, сложно, крепко, сословно и с осторожностью подвижно», церковь – сильна, быт – «поэтичен» (см. с. 331). В этих сентенциях, а также в его делении жизни социального организма на этапы «первичной простоты», «цветущей сложности» и «вторичного упрощенчества» можно увидеть не только цивилизационный подход, который более определенно проявился в сочинении Н.Я. Данилевского «Россия и Европа», а затем в знаменитом «Закате Европы» О. Шпенглера. Здесь проскальзывает намек на неокантианскую методологию исторического познания с его «отнесением к ценностям» и идеографическим методом. Но, в отличие от западноевропейских мыслителей, Леонтьев не дает себе труда четко определить понятия, построить внятную систему категорий. Интерпретировать «осторожную подвижность» или «пес-

троту» государства можно как угодно, тем более что никаких количественных параметров не задано. Это скорее художественный образ, риторический прием, который сильно воздействует на воображение читателя, но который невозможно подтвердить или опровергнуть как научный факт или определенную тенденцию.

По этой же эстетической причине Константин Николаевич невзлюбил буржуазную Европу, поскольку был уверен (с чужих слов), что там царит мещанство, упрощение и «собирабельная бездарность». Он считал, что Европа «осмелилась нам предписать гниль и смрад своих новых законов о мелком земном всеблаженстве, о земной радикальной всепошлости». По этой же причине он не поддержал панславизм (объединение с южными славянами может представлять угрозу российской самобытности и объединению на основе православной веры с неславянскими народами). Даже жертвы и подвиги русской армии, которая помогла болгарам освободиться от турецкого ига, не впечатлили его (болгары посредственны и грубы в отличие от блистательной Оттоманской Порты).

Таким образом, Леонтьев занял крайние охранительные и консервативные позиции, считая, что гнилой либерализм обессилит государство и уничтожит культурную специфику и традиционную социальную иерархию в России. Во избежание этого Россию надо «подморозить». Понятно, что подобные взгляды на животрепещущие проблемы не имели поддержки, для многих были «нестерпимы», публицистические статьи Леонтьева общественность зачастую просто игнорировала. Его художественные произведения, самобытные и хорошо отделанные, удостаивались похвал профессионалов, включая самого Толстого, но на читающую публику ожидаемого впечатления не производили. Может, потому, что эта публика интуитивно чувствовала: во всех произведениях Леонтьева автору интересен только сам Леонтьев, которого он делал

под разными именами главным героем. Соперничество с Достоевским и Толстым Константин Николаевич проиграл.

Ну что ж, судьба уготовила ему победу на другом, самом сложном поприще: победу над собой, над своей гордыней, над своими светскими притязаниями. О.Д. Волкогонова отмечает, что биография Леонтьева как будто разрублена карающим мечом на две части – до и после тяжелой болезни (холеры?), от которой он чуть не умер. Больной выздоровел буквально через два дня после данного обета принять постриг в случае выздоровления. Случилось это еще во время пребывания на дипломатической работе в Салониках. Чудо исцеления положило начало тяжелейшей работе по переоценке жизненных приоритетов; главной краской второй половины жизни стал страх Божий, страх загробного наказания. Леонтьев всегда был человеком верующим, но теперь соблюдение всех канонов, постов, чтение молитв приобрело для него особое значение. В этом было и искупление прошлых грехов, и залог исполнения его надежд на спасение души, и одновременно личное усилие по поддержанию Русской православной церкви как объединяющего духовного начала. Константин Николаевич пытался принять монашество сразу после выздоровления в монастыре на Афоне. Но выполнить задуманное не удалось: от грубой монастырской пищи болел желудок, насильственная молитва не приносила мира душе. Он еще не был готов исполнить свой обет, и ему было отказано в постриге.

Таких попыток было несколько. Леонтьев с воодушевлением включался в монастырскую жизнь, но скоро утомлялся, заболел, отвлекался на семейные или общественные дела.

Эту многотрудную двадцатилетнюю работу со срывами, сомнениями и отступлениями О.Д. Волкогонова деликатно реконструировала по письмам, по свидетельствам близких Леонтьеву друзей и домочадцев, по его публичным высказываниям. Огромную поддержку на трудном пути Леонтьев получил от

оптинских старцев, особенно от о. Амвросия, который стал его духовником и в конце своей и Константина Николаевича жизни тайно постриг его в монахи под именем Климента. Приняв иночество, Константин Николаевич как будто исполнил свое жизненное предназначение, ему нечего стало делать на брэнной земле. Его творческая энергия угасала, здоровье становилось все хуже, и случайно-неслучайное воспаление легких поставило точку в конце этой полной противоречий и исканий трагической жизни.

Последней чертой этого биографического исследования, о которой мне хотелось бы сказать, является тактичное, но достаточно откровенное описание особенностей личной жизни К.Н. Леонтьева. Автор избегает пошлости, но вполне определенно рассказывает о его отношениях с Зинаидой Кононовой, племянницей Марией Леонтьевой, Людмилой Раевской и другими, о печальной судьбе супруги Елизаветы Павловны, упоминает о бисексуальности своего героя (латентной или актуальной – судить сегодня уже трудно). Фигура Леонтьева от этого не мельчает, напротив, становится более живой и достоверной,

а трудности на его пути к монашеству – более зримыми. Вообще, в этой книге много деталей, достоверных подробностей эпохи, интересных фактов, касающихся не только самого Леонтьева, но и его окружения. Мы узнаем, какого цвета были форменные платья воспитанниц Екатерининского института благородных девиц, какое первое впечатление произвел на Леонтьева Иван Тургенев и как строились отношения Константина Николаевича с его издателем Катковым, – всех щедро рассыпанных подробностей не перечислить. Но при этом не забыты и философские обобщения и леонтьевские предсказания будущего России, предсказания пессимистические и, к сожалению, сбывшиеся.

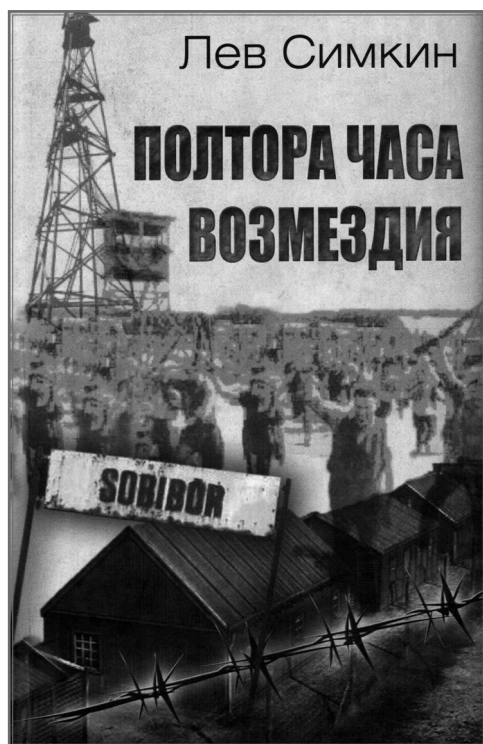
Книга с таким богатым и многоуровневым содержанием, безусловно, найдет своего читателя, а споры о теоретическом наследстве Константина Николаевича Леонтьева неизбежно разгорятся с новой силой, что позволит нам лучше понять самих себя и современную Россию.

Наталья Сидорова,
кандидат философских наук,
доцент МГУ

Возвращение реальной истории

Доктор юридических наук, профессор, адвокат, специалист по защите интеллектуальной собственности (получивший в 2002 году приз «За вклад в защиту интеллектуальной собственности в Сети», присуждаемый в рамках Национальной интернет-премии), а теперь и писатель Лев Симкин выпустил за последние четыре года вот уже третью свою книгу. Можно только позавидовать его трудоспособности, умению находить актуальные и острые темы, вызывающие несомненный читательский интерес¹.

Первая книга Симкина называлась «Социализм с юридическим лицом» (2009) и представляла собой размышления и заметки юриста, начинавшего свою карьеру в советской юридической системе. Эти заметки – иногда грустные, чаще забавные и даже комические – давали читателю редкую возможность заглянуть за кулисы таких закрытых и не стремящихся к публичности органов, как суд, адвокатское сообщество и прокуратура. Книга была объявлена автором как проба пера и, в общем, не обязательное (в смысле высокой литературы) чтение. Пожалуй, автор лукавил – первая книга получилась весьма интересной, увлекательной, прекрасно написанной, содержала немало интересных фактов и сведений о быте и нравах советских и постсоветских «законников». Это была несомненная удача. Книга была хорошо принята читателями и побудила Симкина, не отказываясь от юридической практики (а в 2011 году Л. Симкин был отмечен Серебряной медалью

*Лев Симкин. Полтора часа возмездия.
М.: Зебра Е, 2013. 352 с.*

имени А.Ф. Плевако, присуждаемой российским адвокатским сообществом), вновь взяться за перо.

Для второй книги «Американская мечта русского сектанта» (2012) Симкин собирал материалы в США, где находился по гранту Института Кеннана. Эта книга, потребовавшая нескольких лет упорной и кропотливой работы в архивах и других странах мира (России, Канады, Польши, Чехословакии, Украины), носила более научный характер.

¹ Л. Симкин является активным интернет-деятелем, постоянным ведущим своих страниц на радио «Эхо Москвы», в журнале «Сноб» и других средствах массовой информации.

Несмотря на это, она отличалась такой новизной и таким обилием неизвестной ранее информации, что читалась с захватывающим интересом, тем более что каждая ее глава содержала в себе огромное количество невероятных событий и юридических казусов, перед которыми бледнели самые увлекательные детективы. С той разницей, что подавляющее большинство описываемых событий носили печальный, трагический и беззаконный характер. Она рассказывала о тяжких судьбах различных направлений русского сектантства, как в Российской империи, так и в послереволюционной России, в освобождающую роль которой, многие из них наивно и искренне поверили, за что вскоре и расплатились. Эту книгу с большим основанием можно назвать «Русский сектантский Декамерон».

Третья книга «Полтора часа возмездия» также потребовала от автора очень серьезной работы в архивах России, Польши, Германии, Израиля, США, Украины и других стран. Особенно плодотворными были его исследования в архивах Мемориального музея Холокоста и Библиотеки Конгресса США в Вашингтоне, где Симкин изучал материалы благодаря гранту Института Кеннана. Он обратился к массиву практически неисследованных дел о судебных процессах над бывшими охранниками концлагерей, служившими нацистским оккупантам в годы Великой Отечественной войны. В Советском Союзе по совершенно непонятным причинам многие из этих процессов были закрытыми, а их материалы – полностью засекреченными. В ходе работы Л. Симкин обнаружил документы об одном из самых удивительных и загадочных событий, произошедших на оккупированной фашистами территории, – восстании узников в лагере смерти Собибор, где было уничтожено поразным подсчетом от 170 до 250 тыс. человек. Это было настолько невероятное, не укладывающееся ни в какие рамки событие, что многие документы, рассказывающие о

нем, были сразу же засекречены еще немецкими оккупационными властями. Организовал восстание и возглавил вооруженную борьбу советский военнопленный, лейтенант Александр Аронович Печерский.

В 1962 году в Киеве состоялся судебный процесс над охранниками Собибора, проходивший в военном трибунале Киевского военного округа, где Печерский выступал свидетелем. Процесс был закрытым, единственное упоминание о нем в СМИ появилось только однажды – в газете «Красная звезда» и то спустя год после окончания дела, а материалы его хранились за семью печатями в архиве КГБ при Совете министров УССР, а потом службы безопасности Украины. Копии материалов киевского процесса вместе с тысячами подобных «уголовных дел», связанных с коллаборационизмом, ныне собраны на микрофильмах и микрофишах в вашингтонском музее Холокоста, причем находятся они в свободном доступе. Именно там Симкину удалось собрать совершенно уникальные сведения о восстании и его организаторе.

Первая попытка рассказать о Собиборском восстании была предпринята самим Александром Печерским в 1945 году. В Ростове-на-Дону, где Печерский жил, небольшим тиражом была опубликована его брошюра «Восстание в Собибуровском лагере». Книга строго отредактирована таким образом, что в тексте о лагере, где узниками были одни только евреи, методично уничтожавшиеся фашистами, и в рассказе о восстании, которое совершили заключенные, слово «еврей» не упоминалось ни разу. Впрочем, это было отражением строгой партийной установки: нацисты убивали не представителей каких-либо национальностей, а просто «советских людей». За всю войну в ежедневных сводках Совинформбюро не было ничего или почти ничего (за малым исключением) о гетто и казнях их обитателей, о массовых убийствах евреев. Более того, «Черная книга о злодейском

повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в лагерях Польши во время войны 1941–1945 годов» под редакцией Василия Гроссмана и Ильи Эренбурга, которая составлялась по горячим следам и свидетельствам очевидцев во время фашистского отступления и была опубликована во многих странах мира, на самых разных языках, так и не увидела свет ни в СССР, ни в современной России. Ее история могла бы стать еще одним толстым томом, рассказывающим о лицемерии коммунистических властей и их наследников. Единственное на сей день издание «Черной книги» на русском языке было осуществлено в Вильнюсе издательством «Йад» в 1993 году.

А теперь обратимся к тексту книги Льва Симкина.

План восстания, разработанный Печерским, был «прост и гениален. Холокост – это ведь не только миллионы погибших. Помимо бессмертной души, у загубленных фашистами людей было имущество, отошедшее к палачам. Не только Третий рейх стремился к наживе, этой страсти были не чужды и его верные слуги – как раз на этом сыграл Печерский. Кого-то подманили кожаным пальто, кого-то мягкими сапогами». У Печерского «не было опыта руководящей работы, в армии он не был командиром, но он был режиссер, пусть и в самодеятельности... Писарь, делопроизводитель, как записано в его документах, “без военной подготовки”, с успехом играл роль офицера. Теперь ему предстояло стать генералом». Именно Печерский играл главную роль в разработке и подготовке восстания.

«Задача бесшумной ликвидации палачей была возложена на особые звенья из двух-трех человек, в основном из советских военнопленных. В их распоряжении были топоры и ножи». Важно было всех эсэсовцев пригласить в мастерские в разное время. Расчет был не только на их жадность, но

и на немецкую пунктуальность. Так и сделали.

Еще на двух человек была возложена задача нарушить электроснабжение лагеря (колючая проволока, окружавшая лагерь была под током высокого напряжения, все подступы к ней заминированы) и телефонную связь.

«Парни и девушки, работавшие при-слугой в помещениях эсэсовцев, должны были вынести оттуда гранаты и оружие и передать повстанцам». Потом повстанцы должны силой прорваться через ворота и сквозь южную часть заграждения, возле жилых помещений эсэсовцев. Предполагалось, что этот район не заминирован.

Акт третий плана Печерского – бегство в леса и присоединение к партизанам.

Первый этап восстания прошел почти так, как планировалось: в течение часа было уничтожено одиннадцать эсэсовцев, весь автотранспорт выведен из строя.

Но когда заключенные построились в колонну и пошли к воротам, охраняемым эсэсовцами с пулеметами, жажда свободы, ненависть к фашистам, страх и паника оказались столь сильны, что многие потеряли контроль над собой. Толпа побежала к воротам и проволочному заграждению. Печерский утверждал, что восставшие ничего не кричали – бежали молча.

Те повстанцы, что были вооружены винтовками, открыли стрельбу по вахманам (охранникам) и убили четверых. Арсенал захватить не удалось, и у восставших оружия катастрофически не хватало. Фашисты опомнились и стали стрелять в восставших. Вот материалы допроса одного из вахманов:

«Они прорвали своими телами три ряда колючей проволоки и побежали к лесу, но прилегающая к лагерю территория была заминирована, и многие погибли от взрывов мин. Вахманы поливали восставших пулеметным огнем, причем стреляли как по бегущим, так и по тем, кто остался на территории лагеря и бежать не собирался».

«Те, кто бежали первыми, подорвались на минах. Своими телами они проложили дорогу через минное поле тем, кто бежал следом. Все побежали, забыв обо всем – не могли находиться в лагере ни минуты больше. Полтора часа, прошедшие с начала восстания сделали их другими людьми».

Группа повстанцев, во главе которой был Александр Печерский, пробила брешь в ограждении лагеря возле жилых помещений эсэсовцев, где, как и предполагалось, мины не были заложены. После нескольких дней странствий в густых лесах им удалось в районе Бреста присоединиться к советским партизанам.

По подсчетам историков, из лагеря бежали 320 человек. Были пойманы и казнены фашистами 170 человек. 92 человека погибли в тайниках и убежищах, в основном от рук враждебно и антисемитски настроенного местного населения. Дожили до освобождения Красной армией 53 собиборских узника. Печерский был одним из них.

После освобождения, он сразу попал в советский фильтрационный лагерь, в руки СМЕРШа. Сотрудники СМЕРШа обычно сразу выражали недоверие: как мог еврей остаться в живых? Как выжил? Особенно подозрительно чекисты относились к тем, кто бежал из немецкого лагеря. Как рассказывал Печерский после войны, из этого фильтрационного лагеря у него было два пути – в штурмбат или в места не столь отдаленные. Печерскому «повезло», после проверки его направили в 15-й отдельный штурмовой батальон.

Штурмбаты мало чем отличались от штрафбатов: и те и другие предназначались для смертников, правда, срок пребывания в штурмбате составлял два месяца, а в штрафбате – до трех. За это время большая часть их личного состава погибала. Печерский отправился на фронт. 20 августа 1944 года он был тяжело ранен. В госпитале вел себя очень мужественно, чтобы поднять дух раненых, читал им стихи, подлечившись, играл на рояле собственную музыку.

В сентябре 1945 года Печерский вернулся в Ростов-на-Дону вместе с медсестрой из госпиталя, которая стала его женой. Он устроился на работу администратором в местном театре. В начале 50-х, в разгар борьбы с космополитизмом, против него было возбуждено уголовное дело – его обвинили в том, что он выдавал слишком много контрамарок на спектакли театра и наживался на этом, но после обыска, увидев, в какой нищете он жил, его оставили на свободе, запретив занимать руководящие должности. Заодно, на всякий случай, исключили из партии.

После смерти Сталина Печерского решили восстановить в партии, но он, по словам дочери, отказался, заявив, что не писал заявления об исключении и сейчас не будет писать о восстановлении. В середине 50-х годов он устроился рабочим на машиностроительный завод, где и проработал до самой пенсии. Ему была назначена персональная пенсия местного значения в размере 60 рублей. Еще 16 лет после этого, уже будучи пенсионером, Печерский, вынужден был работать, чтобы как-то сводить концы с концами. Он был скромным и неприметным человеком: «Я не выслуживался, всю жизнь ненавидел карьеристов и подхалимов». Естественно, с такой жизненной установкой, он не сделал карьеры. Всю свою послевоенную жизнь Печерский прожил в коммуналке из двух небольших комнат, одна из которых даже не имела окна. О своем подвиге вспоминать не любил, хотя упорно и неустанно собирал всю информацию, относящуюся к событиям в Собиборе, считая это главным делом своей жизни, тратя на это последние деньги из своей скудной пенсии и зарплаты.

По сути, судьба военных героев в России мало менялась в течение столетий. Вот как писал А.С. Грибоедов в статье «Характер моего дяди»: «Он как лев дрался с турками при Суворове, потом пресмыкался в передних всех случайных людей в Петербурге...»

Награды и поощрения нередко доставались не тем, кто отдавал свое здоровье и жизнь за родную землю, а тем, кто жаждал быть отмеченным и награжденным и прилагал для этого значительные и не всегда праведные усилия. Тем, кто пресмыкался в передних и приемных «паркетных генералов», оставляя незаслуженно забытыми тех, кто совершал настоящие подвиги, не оглядываясь на вышестоящее начальство, а потом не трубил об этом на каждом углу, рекламируя свой героизм. Такие люди жили своей незаметной

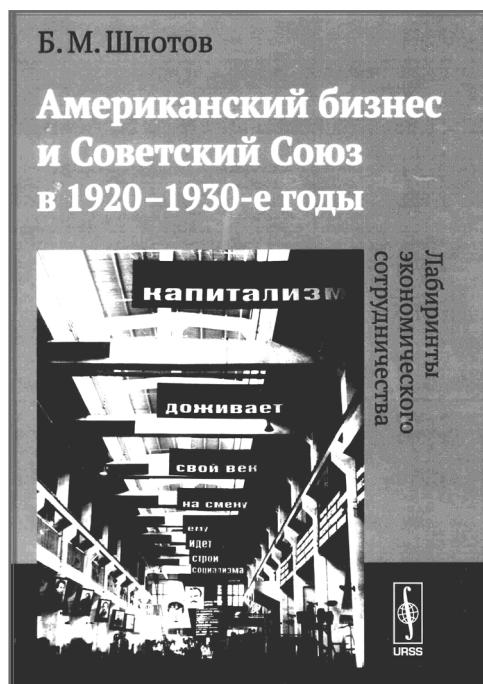
жизнью, чураясь власти и не прося у нее ничего.

Именно о таком человеке и повествует книга «Полтора часа возмездия» написанная выпускником Института Кеннана Львом Симкиным. Спустя 70 лет, через два поколения, он воздал должное подлинному героизму Александра Печерского. И мы должны быть благодарны ему за это.

Евгений Цымбал,
*кинорежиссер, former Kennan Institute
Galina Starovoitova Fellow*

В монографии, основанной на широком круге документов и материалов из архивов и библиотек России и США, с современных научных позиций исследуется феномен делового сотрудничества двух стран на этапе построения в СССР материально-технической базы социализма. Бросив вызов миру капитала, молодая советская страна стремилась овладеть достижениями научно-технического прогресса, а американский бизнес был заинтересован в появлении новых рынков инвестиций и технологий. Первые шаги советского правительства по налаживанию внешнеэкономических связей в период нэпа вели к привлечению иностранного капитала в форме концессий, но для форсированной индустриализации Советскому Союзу потребовалась платная инженерно-техническая помощь западных фирм, среди которых выделялись американские гиганты бизнеса. Несмотря на Великую депрессию начала 1930-х годов в США и различные трудности проведения индустриализации в СССР, результаты сотрудничества были налицо, но они давались нелегко, в частности из-за профессиональных разногласий и культурных различий между русскими и американцами.

Книга предназначена для историков, экономистов, политиков и всех

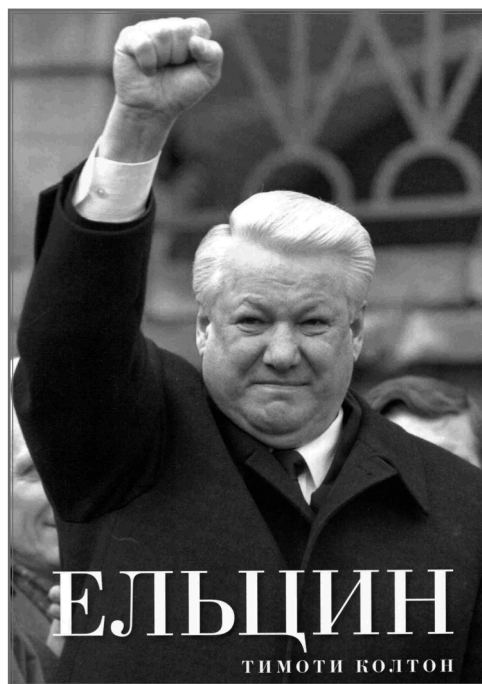
Б.М. Шпотов. Американский бизнес и Советский Союз в 1920–1930-е годы: лабиринты экономического сотрудничества.

М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2013. 320 с.

интересующихся новыми подходами и неизвестными фактами из истории отношений СССР и США в межвоенный период, когда закладывались основы их будущего влияния в мире.

Борис Ельцин — одна из величайших фигур российской и мировой современной истории. Профессор Гарвардского университета Тимоти Колтон написал беспристрастную, тщательно выверенную монографию о первом президенте России. В основу работы положено огромное количество документальных и архивных материалов, а также впечатления от личных встреч и разговоров с Борисом Ельциным.

Сам автор так определяет свою исследовательскую задачу: «...подвергнуть жизнь Бориса Ельцина и его карьеру тому пристальному рассмотрению, которого, безусловно, заслуживает его многосторонняя натура. Годы исследований, откровенные интервью с Ельциным, его родственниками и с более чем 150 другими участниками описываемых событий, работа с рассекреченными материалами из советских архивов и с новыми мемуарами по новому осветили драму жизни этого человека. Необходимо объяснить, почему рывок к лучшему будущему не позволил разом преодолеть гигантскую пропасть, что признал и сам Ельцин. Но мы также должны понять, почему этот шаг вообще был

Тимоти Колтон. Ельцин.

Пер. с англ. Елены Перовой.

М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2013. 752 с.

сделан, почему именно Борисом Ельциным и почему это завело его и бывший Советский Союз так далеко».

Summaries

Political Dynamics and Possible Scenarios for the Development of Russia: A Conversation Between Lev Gudkov and Emil Pain

The purpose of the conversation was to discuss the results of the September regional elections and related political trends. The conversation helped to identify the fundamentally different types of social tension manifested in megacities and the provinces; both scholars came to the conclusion that most Russians, regarded as the social support base of the ruling party, will tend to become more critical of it. Against this background, the actions of the government will generally trend towards eclectic neo-traditionalism, with certain elements of xenophobia and liberal phraseology. The gradual decline in the overall mood of the population, the drop in their spirits will continue for a relatively long period of time. Closer to the next election, sometime during 2015, the situation will worsen and ideologically-oriented processes will intensify significantly. Nationalism in its various forms will become the mainstream trend: the argument will no longer be about liberalism versus conservatism but, so to speak, between national- progressivism and national-archaism. Archaism will be used to legitimize the existing regime, whereas progressivism will be used to criticize it and develop alternative models.

Ivan Kurilla

The Past Year in Russian Science or What Should Scholars and Professors Do When the State Has Abandoned Them?

The author analyzes the impact on the academic and educational community of reforms undertaken by the state in the areas of science and education. According to the author, one of the major drawbacks of the proposed transformations is that society itself has never been given an opportunity to debate why science and education are needed at all, while government officials interpret the issue exclusively in terms of present-day convenience. Kurilla believes that the devastating nature of the reforms has prompted scholars and teachers to look for ways to enhance horizontal solidarity. Over the past year they have become more active in defending their own interests, and this has created an environment in which discussions about the role and patterns of organization of education and science in Russia can take place. The Kennan Institute's Alumni Association could play an important role in this process.

Irina Dezhina

Developing a "Civil Society" in American Science: Can Russia Benefit from American Experience?

The article examines the activities of independent American academic communities, associations and other similar structures devoted to open discussion of issues relating to the development of science and to establishing cooperation in this sphere with government and local authorities. According to the author, the American experience

is unquestionably of interest to Russia, because the concept of civil society is virtually non-existent in the field of Russian science. As the heir of Soviet science, Russian science has inherited its predecessor's institutional structure and, worse still, its mentality. This is reflected in its dependence on the state, in its striving for large-scale organizations and various megaprojects, and its penchant for making decisions on the basis of individual agreements. This type of organization was consistent with the concept of an authoritarian state, but has proved to be ineffective under new economic conditions.

Aleksandr Obolonsky

The Right of Citizens to Engage in Street Protests and the Role of the Police: the American Experience

There is no question that the phenomenon of street protest actions ranks among the most topical issues faced by present-day Russia, especially following the brutal dispersal of demonstrators on May 6, 2012 and other such prohibitory and punitive measures. The author describes how such problems are dealt with on the other side of the Atlantic Ocean, under conditions of real democracy. He looks both at the legislative regulation of mass protests in the United States, and at the behavior of demonstrators and the police. With regard to the latter, he focuses on events that took place in the USA during the fall of 2011, that is, on events restricted by time and place; by contrast, the issue of legislative regulation clearly extends far beyond this set time frame.

Sergei Efremov

The Russian Non-profit Sector: A Special Path?

The author looks at the specifics of non-profit sector development in contemporary Russia. He highlights the fact that there has been a fundamental shift in the non-profit organization system from political involvement towards provision of services. Is this a voluntary trend, or is it dictated by the specific economic and political environment? In order to answer this question the author analyzes data from the Monitoring of the State of Civil Society (Higher School of Economics), which reveal a relatively low level of involvement of Russian non-profits in political activities. In addition, the article presents data illustrating the way service-oriented organizations belonging to the third sector are growing and "taking root", including information about their infrastructure, and about government action to support socially-oriented non-profits.

Emil Pain

Runet as a Mirror of Russian Ideological Stagnation

Social media represent an important new source of knowledge about ongoing processes within Russian society, and above all about the reflection on the Internet of the true picture of ideological and political disengagement. Only here can one observe the entire spectrum of political forces in Russia, because the mainstream media has no place for groups such as nationalists, new Left, religious fundamentalists, and others. A research team headed by Emil Pain considered these issues and studied the ideological trends existing in modern Russia that are revealed by the mirror of Runet. The article presents several of the team's conclusions and an analysis of the specific features and future prospects of four main ideological groups selected in the course of research – liberals, the Left, nationalists, and supporters of the current regime.

Andrei Miroshnichenko*The Internet and the Evolution of Civil Activities*

The Internet has opened new horizons for individual authors: millions of people have had the chance to speak out and share their opinions without any restrictions. Earlier, this possibility was exclusively a monopoly of the mass media. Consequently today all modern societies are experiencing an important social shift – in which the translational or transmitting model of media is being replaced by an “involving” one. The shift has technological causes and it has therefore influenced not only the media market, but the political situation as a whole. Unfettered authorship is giving rise to enormous amounts of activity on the part of individuals. This activity is evolving and will inevitably, sooner or later, be transformed into political involvement. By examining the development of the Internet and political situation in Russia in 2010–2012, the author attempts to reveal the evolutionary patterns in media activity.

“My goal is to preserve and expand the great legacy of the Kennan Institute”

Ekaterina Alekseeva’s interview with Matthew Rojansky

Matthew Rojansky, Director of the Kennan Institute, shares his vision of the prospects for development of the Institute and ways to improve Russian-American relations. According to Rojansky, the most troubling trend today is the disappearance of American interest in and commitment to engagement with the region. Even at a time of fiscal tightening, the USA must invest real resources in institutions and channels that connect people and keep open the doors between East and West.

“A Two-Way Street”: Information and Analytical System “Russian-American Studies”

Galina Levina’s interview with Victoria Zhuravleva

Victoria Zhuravleva, Kennan Institute Alumna, a historian and specialist in American studies, describes the unique information and analytical system created within the framework of the project: “American Studies in Russia, Russian Studies in the USA.” The system has been developed by specialists at the Russian State University for the Humanities in cooperation with their colleagues from the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, and in partnership with the staff of the Kennan Institute, within the framework of the state contract of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

Приглашаем авторов к сотрудничеству

Редакция будет признательна авторам, которые пришлют статьи для следующего выпуска «Вестника» (№ 25, весна 2014) до 1 марта 2014 года.

Принимаются материалы объемом не более 40 тыс. знаков (с пробелами) в электронной версии формата Word for Windows. Комплект статьи включает справку об авторе, в которой указывается фамилия, имя и отчество, место работы, ученая степень, ученое звание, адрес, телефон, факс, адрес электронной почты. Автор должен указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации. Аббревиатуры поясняются.

Ссылки должны быть оформлены в соответствии с государственным стандартом и расположены в конце текста в порядке следования. Примеры:

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр, 1995. С. 281.
2. Шахов М.О. Проблемы взаимоотношений старообрядчества с современным миром // Старообрядчество. История. Культура. Современность. М., 1998. С. 10.
3. Hamilton G.H. The Art and Architecture of Russia. Baltimore: Penguin Books, 1975. P. 180–182; Brumfield W.C. Gold in Azur: One Thousand Years of Russian Architecture. Boston: David R. Godine, 1983. P. 227–333.
4. Найман А. Русская поэма: четыре опыта // Октябрь. 1996. № 8. С. 131.

Решение об опубликовании материалов принимается редколлегией.

Редакция оставляет за собой право на литературную правку и изменение заглавия статей.

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА КЕННАНА В РОССИИ

№ 24 / 2013

Сдано в набор 05.11.2013 Подписано в печать 07.11.2013 Формат 70х108/16

Объем 8 п.л. Тираж 750 экз. Печать офсетная. Заказ № 13128

Отпечатано в типографии: ООО «ТД/ДС-СТОЛИЦА-8»

Тел.: 8 (495) 363-48-84,

<http://www.capitalpress.ru>

Юр. адрес: Российская Федерация, 214012, Смоленская обл., г. Смоленск, ул. Розы Люксембург, д. 2

Фактический адрес: 111024, г. Москва, шоссе Энтузиастов, д. 11А, корп. 1